

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ

ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
МЕЖДУ УНИКАЛЬНЫМИ «ЭКЗЕМПЛЯРАМИ»
И НАУЧНЫМИ ОБОБЩЕНИЯМИ

ОБРАЗ СЕВЕРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

МОТИВ ВИНОГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ВАГИНОВА:
НОВОЗАВЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ

2018 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., доц., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская народная республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 4. — 172 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kuposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.V. Ledeneva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2018. – № 4. – 172 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Красильникова П.Ю. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЗООНИМОВ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ САШИ ЧЁРНОГО)	8
Маслова М.Н. ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ.....	17
Нагорный И.А. РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ.....	25
Сидорова М.Ю. ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: МЕЖДУ УНИКАЛЬНЫМИ «ЭКЗЕМПЛЯРАМИ» И НАУЧНЫМИ ОБОБЩЕНИЯМИ	35
Янь Юй ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ СОКРАЩЁННЫХ ДЕРИВАТОВ НАЧАЛА ХХІ В., МОТИВИРОВАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ	56

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бурмистрова Ю.Д. «СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА И ПРОБЛЕМА ЦИКЛООБРАЗОВАНИЯ	72
Гладилин Н.В. МОТИВ «ВРАЖДУЮЩИХ БРАТЬЕВ» В ДРАМАТУРГИИ Ф.М. КЛИНГЕРА И Ф. ШИЛЛЕРА.....	81
Коржова И.Н. ДВА НИЩИХ: ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПРЕТЕКСТ В СТИХОТВОРЕНИИ К. СИМОНОВА «ДО УТРА ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ...»	93
Лунина И.Е. ОБРАЗ СЕВЕРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА	101
Матвеева И.И. МОТИВ ВИНОГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ВАГИНОВА: НОВОЗАВЕТНЫЕ ПРОЕЦИИ	115
Москвин Г.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЗЫ ЛЕРМОНТОВА (ОТ ВЕРЫ ЛИГОВСКОЙ К КНЯЖНЕ МЕРИ).....	124
Новичкова Д.А. МАСТЕРСТВО ДИАЛОГА В РОМАНЕ В.В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»	135
Силаева М.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛЮБВИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Н. ТЭФФИ «ВСЁ О ЛЮБВИ».....	143
Фесенко Э.Я. «СЛОВЕСНАЯ ПЛОТЬ» ДНЕВНИКОВ ДЕТЕЙ.....	152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шапвалова Т.Е. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА: СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА И ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ»161

РЕЦЕНЗИИ

Малыгина Н.М. МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ЗЕРКАЛЕ 1929–1930 ГОДОВ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: М. ГОРЬКИЙ. ПИСЬМА. АПРЕЛЬ 1929–ИЮЛЬ 1930 // М. ГОРЬКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ПИСЬМА В ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ. М.: НАУКА, 2017. Т. 19. 999 С.166

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

P. Krasilnikova. SPECIAL FEATURES OF CONNOTATIVE ASPECT OF ZOONYMS' MEANING IN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS (BASED ON SASHA CHERNY'S POETRY).....	8
M. Maslova. VARIATION OF THE LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION IN THE FIELD OF SPECIAL NOMINATION.....	17
I. Nagornyy. RUSSIAN PARTICLES AS A TOOL FOR REFLECTION OF COMMUNICATION PROCESSES IN THE SPEECH SPHERE	25
M. Sidorova. GRAMMAR OF FICTIONAL TEXT: BETWEEN UNIQUE "EXAMPLES" AND SCIENTIFIC GENERALIZATIONS.....	35
Yan Yu. CLASSIFICATION PROBLEMS OF THE RUSSIAN REDUCED DERIVATES IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY, MOTIVATED BY BORROWED WORDS.....	56

SECTION II. LITERARY STUDIES

Y. Burmistrova. "POEMS IN PROSE" BY I. TURGENEV AND THE CYCLE-FORMING PROBLEM.....	72
N. Gladilin. THE MOTIVE OF "ANTAGONISTIC BROTHERS" IN THE DRAMA OF F. KLINGER AND F. SCHILLER.....	81
I. Korzhova. TWO BEGGARS: LERMONTOV'S SOURCE IN K. SIMONOV'S POEM "IN A DREAM, I SAW A WEDDING..."	93
I. Lunina. IMAGE OF THE NORTH IN THE JOURNALISM OF JACK LONDON	101
I. Matveeva. THE GRAPE MOTIF IN THE WORKS OF K. VAGINOV: THE PROJECTIONS OF THE NEW TESTAMENT	115
G. Moskvina. EVOLUTION OF LERMONTOV'S PROSE (FROM VERA LIGOVSKAYA TO PRINCESS MARY)	124
D. Novichkova. THE SKILL OF A DIALOGUE IN THE NOVEL "THE DEADLOCK" BY V. VERESAEV	135
M. Silaeva. TRANSFORMATION OF THE NOTION 'LOVE' IN THE STORY COLLECTION "ALL ABOUT LOVE" BY N. TEFFI	143
E. Fesenko. "WORD FLESH" OF CHILDREN DIARIES.....	152

SCIENTIFIC LIFE

- T. Shapovalova.*** INTERNATIONAL SYMPOSIUM “RUSSIAN GRAMMAR:
THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF LANGUAGE
AND THE PROCESSES OF LANGUAGE FUNCTIONING” 161

REVIEW

- N. Malygina.*** MAXIM GORKY IN THE MIRROR OF 1929–1930:
THE REVIEW OF THE BOOK: M. GORKY. LETTERS
OF APRIL 1929–JULY 1930. IN: M. GORKY. COMPLETE WORKS. LETTERS
IN 24 VOLUMES. MOSCOW, NAUKA PUBL., 2017. VOL. 19. 999 P..... 166

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-8-16

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЗООНИМОВ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ САШИ ЧЁРНОГО)

Красильникова П.Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. В статье рассматривается функционирование зоонимов в сравнительных конструкциях в составе поэтических текстов Саши Чёрного. Согласно формальной классификации проанализировано употребление разных типов сравнительных конструкций. Отличительные черты сравнительных конструкций с зоонимами выявляются на основе представления о четырёхкомпонентной модели сравнения, в рамках которой наиболее яркой особенностью является преобладание конструкций с невозстанавливаемым признаком сравнения, то есть неявной коннотативной семой, объединяющей объект и стандарт сравнения. Результатом такого словоупотребления становится яркая образность, свойственная идиостилю Саши Чёрного.

Ключевые слова: коннотация, сравнение, стандарт сравнения, признак сравнения, контекстуальное коннотативное значение.

SPECIAL FEATURES OF CONNOTATIVE ASPECT OF ZOONYMS' MEANING IN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS (BASED ON SASHA CHERNY'S POETRY)

P. Krasilnikova

Moscow Region State University

141014, Moscow region, Mytischki, ul. Vera Voloshina, house 24

Abstract. The article deals with the functioning of zoonyms in comparative constructions in Sasha Cherny's poetry. The use of different types of comparative constructions is analyzed statistically according to the formal classification. Distinctive features of comparative constructions

with zoonyms are revealed on the basis of the idea of a four-component comparison model, in which the most prominent feature is the predominance of constructions with a nonrecoverable comparison criterion, that is, an implicit connotative meaning that links the comparison object and the comparison standard. The result of this usage is a powerful, picturesque imagery, inherent in the individual style of Sasha Cherny.

Key words: connotation, comparison, comparison standard, comparison criterion, contextual connotative meaning.

Одним из продуктивных способов создания художественного образа является сравнение. Особенно ярко сравнительные конструкции проявляют свою выразительность в сатирической поэзии: *Рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал, И в жизнерадостных стихах, как жеребёнок, ржал* [11].

На сущность сравнительных конструкций лингвисты смотрели по-разному. Н.И. Греч [3] и А.Х. Востоков [2] определяли сравнительные конструкции как полные или неполные придаточные предложения, в зависимости от присутствия необходимых членов грамматической структуры. Кроме сравнительных придаточных, выделялись также конструкции, в той или иной мере сопоставимые со сказуемым. Такая точка зрения представлена в работах А.А. Шахматова [10] и А.М. Пешковского [7]. Бесспорно, что сравнение может быть выражено конструкциями, значительно различающимися по своей структуре и синтаксическим функциям, однако единое представление о статусе сравнительной конструкции отсутствует, несмотря на то, что изучение сравнительных конструкций выделено в отдельную область – лингвистику сравнения.

Мы понимаем под сравнительными конструкциями все предложения, которые содержат идею сравнения, реализующуюся на всех грамматических уровнях языка. Такой подход обосно-

ван В.В. Виноградовым, С.Г. Бархударовым и Е.С. Истриной в труде «Грамматика русского языка» 1960 г. [1].

Общую классификацию сравнительных конструкций ввела М.И. Черемисина в работе «Сравнительные конструкции русского языка» (1976) [8]. Эта классификация взята за основу при анализе употребления зоонимов в сравнительных оборотах. Основой для выделения классов являются в данном случае формальные характеристики, согласно им в русском языке выделяются упоминаемые далее типы грамматического воплощения сравнительного значения.

В поэзии Саши Чёрного полностью отсутствуют три типа сравнительных оборотов с зоонимами: те, в которых участвуют сравнительные частицы (*вроде как, как бы* и подобные), прилагательные типа *похожий* и глаголы типа *различаться*, а также сравнения с союзами *а* и *и*.

Один раз встречается сравнительная конструкция с зоонимом¹ и предложением, имеющим значение, схожее с *типа* и *вроде*:

*Кисло-сладкие мужчины,
Знаменитости без лиц,
Строят знающие мины,
С видом слушающих птиц* [9].

¹ Следует отметить, что термином *зооним* в данной работе мы обозначаем имена нарицательные, а не собственные имена животных.

Объектом сравнения в данном случае становится образ мимического движения, производитель этого действия выражен явно и именно с его образными характеристиками связано отрицательное значение коннотативной оценки, выражающееся в сравнительной конструкции. Сама по себе лексема *птицы* не несёт ни стилистических, ни дополнительных оценочных оттенков значения. Единственная возможность связать контекстуальную оценочную коннотацию с бытующими в языке элементами значения – это производное прилагательное *птичий* в составе фразеологизма *птичий язык*, значения которого делятся на две группы – с акцентом на бессмысленность описываемой речи (абракадабра, абсурд) и на закодированность, непонятность для окружающих.

Конструкции со сравнительной степенью прилагательных и наречий и союзами-показателями сравнения *чем* и *нежели* или родительным падежом объекта сравнения также мало используются в поэтических текстах Саши Чёрного. Употребительным, хоть и редким (два раза), является только падежный вариант такой сравнительной конструкции с зоонимом:

Я чему-то рад

И иду вперёд беспечней насекомых [9];

Всю зиму нормандская баба

Недвижнее краба [9].

Стандарт сравнения в обоих случаях выражается зоонимами, объектом сравнения может выступать как действие, так и одушевлённое лицо, а значение сравнения заключено в формах наречия. Связь в этих сравнительных конструкциях является синтетической, так как отсутствуют

показатели *более* или *менее*, обуславливающие аналитизм.

Такой же степенью продуктивности в пределах материала нашего исследования характеризуется конструкция с творительным падежом сравнения:

Но прохожие воблою вялой

Сквозь холицовый текут коридор [9];

Три подмастерья, –

Волосы, как перья,

Руки глистами,

Ноги хлыстами

То в глину, то в ствол, –

Играют в футбол [9].

Этот тип сравнительной конструкции представляется нам наиболее ярким и прямым способом создания художественного образа среди грамматических средств, выражающих значение уподобления. Отсутствие элементов-посредников, союзов или предлогов обуславливает эффективность воздействия таких языковых средств воплощения образа.

И, наконец, наиболее распространённым типом, к которому принадлежит большинство оборотов со значением сравнения, содержащих зоонимы, в стихотворных произведениях Саши Чёрного, является модель, которая выражает сравнительную семантику с помощью семантических подчинительных союзов:

В лес! К озёрам и девственным елям!

Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам [9];

Лежу, как лошадь на траве, –

Забыл о мире бременном,

Но кто-то поет в голове:

Будь злым и современным... [9]

Отметим, что из всего спектра союзов, предусмотренных системой русского языка для выражения срав-

нительного значения, широкое распространение в составе зоонимических сравнительных конструкций в поэтическом языке писателя получает только союз *как*: *вхожу к «Доминику», как лев; вздыхает, как белуга; жужжат, как осы*. Среди конструкций этого типа выделяются те, которые обозначают сравнение объектов, и те, в которых сравниваются ситуации. Разделение это в некоторой степени условно и для нашего исследования не является принципиальным. Так, при отсутствии глаголов во второй части большинства сравнительных конструкций, построенных по образцу «субъект + предикат + второстепенный член, *будто* предикат», эти конструкции сравнивают именно ситуации, а не объекты:

Подожди! Я живу со своим новосельем –

Как весенний скворец запою на конь [9];

*У плетня на старой балке
Восемь штук сидят, как галки,
Исхудалые, как тень.*

*Восемь штук туберкулезных,
Совершенно не серьёзных,
Ржут, друг друга тормоша* [9];
*Фаддей Симеонович Смяткин
Сказал беззвучно: «Спасибо!»*

*А в горле ком кисло-сладкий
Бился, как в неводе рыба* [9].

Такая точка зрения обусловлена тем, что в грамматической структуре данных предложений не выражено глаголом действие, которое конкретизирует стандарт ситуации сравнения: *бился, как бьётся в неводе рыба*, а функционирующий в тексте стандарт сравнения явно связан не с субъектом предложения, а с характеризующим его предикатом.

Модель сравнения воплощается в четырёхкомпонентной структуре, включающей объект сравнения, стандарт или эталон сравнения, общий признак сравнения и показатель сравнительного отношения [5].

Согласно этой модели мы можем определить общие характеристики компонентов сравнительных конструкций с зоонимами в поэзии Саши Чёрного. Постоянными характеристиками в данном случае обладают только два компонента, которые мы будем называть опорными, так как сравнение, будучи когнитивной операцией, соединяет две опорные точки – объект и эталон сравнения. Объектом сравнения, за редким исключением, становится человек и действия, совершаемые человеком, что свидетельствует об определённой сфере мотивов и интенций автора. Эталон сравнения воплощён зоонимом, но следует отметить, что эта черта обусловлена не только выборкой материала исследования. Скорее наоборот – сравнительные обороты с эталоном-зоонимом заметно преобладают среди всех прочих, что является оригинальной чертой идиостиля Саши Чёрного.

Существенным для конструкций со сравнительными союзами оказывается противопоставление признака сравнения и его значения. В поэзии Саши Чёрного критерий, являющийся основанием для сопоставления объекта и эталона, как правило, вовсе не выражается в грамматической структуре сравнительной конструкции:

*Из палатки вышла дева
В васильковой нежной тоге,
Подошла к воде, как кошка,
Омочила томно ноги* [9].

Это способствует ощущению свободы, стихийности языкового факта сравнения, который воздействует непосредственно на образное восприятие читателя. Впрочем, встречаются и редкие примеры сравнительных конструкций с зоонимами, в которых признак сравнения выражен ясно:

Хватают лапами бесчувственное тело

И рьяно ржут, как стадо лошадей [9];

Как молью изъеден я сплином...

Посыпьте меня нафталином [9].

Тот факт, что, как было сказано выше, конструкции со сравнительной степенью прилагательных и наречий употребляются поэтом крайне редко, позволяет опустить анализ субъектов сравнительной конструкции по признаку кореферентности / некорееферентности. Нами выявлено только две подобные конструкции, и их можно однозначно отнести к некорееферентному типу сравнения. К этому типу относятся компаративы, характеризующие разных референтов: *нормандская баба беспечнее краба, иду вперёд беспечней насекомых* [9].

В составе сравнительных конструкций с зоонимами в стихотворениях Саши Чёрного отсутствуют сентенциальные актанты: *я живу, как тёмный вол* [9].

Классификация по синтаксическому статусу стандарта сравнения включает три основных типа двухчастных сравнительных конструкций: именной, предложной и сентенциальной. Они различаются тем, какая составляющая занимает позицию после сравнительного союза (то есть выражает стандарт сравнения). Так как мы сосредоточиваем внимание на кон-

струкциях, включающих компонент, выраженный зоонимом, самым распространённым среди материала исследования оказывается именной тип. В конструкциях этого типа стандарт сравнения выражен именной группой, то есть, применительно к нашей работе, – зоонимами: *Мы давно живём, как слизи, в нищете случайных крох* [9]. Такие конструкции можно было бы рассматривать в качестве эллиптических, производных от полного варианта с повторяющимся глаголом, однако эти «полные» структуры имеют отличную от исходных выражений семантику: *мы давно живём, как (живут) слизи в нищете случайных крох*.

Предложный и сентенциальный типы стандарта сравнения практически не представлены среди сравнительных конструкций с зоонимами в поэтических текстах Саши Чёрного, как и второстепенные типы, включающие деепричастные элементы в подчинённой клаузе и стандарты сравнения, выраженные адъективной группой.

Так как самой продуктивной моделью сравнения в рамках нашего материала является схема с показателем сравнения *как*, стоит дополнительно отметить, что варианты реализации этой конструкции можно условно разделить на два вида. Один вид не допускает замены *как* другими сравнительными показателями, к нему относится двухчастная конструкция (*такой*) ... *как* со значением 'соответствия по свойству заданному стандарту'. Этот вид сравнительных конструкций не распространён в поэтическом языке Саши Чёрного, тогда как ко второму виду принадлежат все выявленные примеры сравнительных конструкций с показателем *как*.

Он наиболее продуктивен и способен синтаксически реализовать больше вариантов сравнений, чем союзы/частицы *будто (бы)*, *как будто (бы)*, *словно(бы)*, *точно* и *как бы*. Среди сравнительных оборотов этого вида в поэзии Саши Чёрного встречается как двухчастная структура: *Васильевский остров прекрасен, как жаба в манжетах* [9], так и одночастная структура с невыраженным признаком сравнения: *и вдруг, взметнувшись, как удав, летит, краснее меди* [9]. В свою очередь, конструкции с невыраженным признаком сравнения подразделяются в зависимости от свойств бытования этого признака на обороты с восстанавливаемым и невозстановливаемым признаком сравнения. Ср.:

Каминный кактус к нам тянет колючки,

*И чайник **ворчит** (низко, монотонно), **как шмель** [9];*

Тихий малыш

В халатике рваном

***Притаился** (тихо), **как мышь**,*

Под старым бурьяном [9].

и

***Я, как филин**, на обломках*

Переломанных богов.

В неродившихся потомках

Нет мне братьев и врагов [9].

Вот ещё один философ:

*«Что **сидишь**, **как дикий зверь**?*

Плюнь, да веруй – без вопросов [9].

С точки зрения самобытности идиостиля писателя важным оказывается то, что с большим перевесом преобладают именно конструкции с невозстановливаемым признаком сравнения. Чем выше степень неопределённости признака сравнения, тем выше степень образности сравнения [4, с. 57].

При употреблении зоонимов в сравнительных конструкциях эта закономерность обусловлена тем, что контекстуальная коннотативная семантика в большинстве случаев не является очевидной или тесно связанной с бытующими в языке значениями. Относящиеся к третьему уровню актуализации коннотативных смыслов [6] словоупотребления способствуют появлению необычной, яркой, а благодаря этому и обладающей сильным воздействием на читателя образности: *Плюнь, ослепни и оглохни, и ворочайся, как краб; Голос твой – как голубь кроткий, стан твой – тополь на горе* [9].

Сравнительные конструкции с зоонимами относятся к образному типу сравнения. Аристотель наравне с ним называл также безобразный тип. В пределах безобразных сравнений выделяются эталонные сравнения, в которых эталон сравнения воплощает представление о норме какого-либо явления, и логические сравнения, в которых и объект, и эталон (стандарт) сравнения выражены именами предметов или явлений, принадлежащих общему онтологическому классу. Соответственно, собственно образными следует считать сравнения, в которых объект и стандарт сравнения принадлежат к разным онтологическим классам [4, с. 60].

Значимой для образности сравнения является не только семантика объекта и стандарта сравнения, а именно их семантическая контрастность, но и количество компаративных контрастов и характер компаративной контрасты.

В поэзии Саши Чёрного употребление зоонимов в составе сравнительных конструкций характеризуется

наибольшей продуктивностью и разнообразием по сравнению с использованием выраженных зоонимами субъектов, объектов и предикатов в логической структуре предложения.

При этом значительная часть выражений со значением сравнения построена по схеме одного типа.

Из всего спектра сравнительных союзов, функционирующих в системе русского языка, только союз *как* широко используется в сравнительных конструкциях с зоонимами. В рамках классификации по синтаксическому статусу стандарта сравнения самым распространённым среди сравнительных конструкций с зоонимами в поэзии Саши Чёрного оказывается именно тип двухчастной конструкции. Также следует отметить количественное преимущество сравнительных конструкций с невозстанавливаемой компаративной константы, что связано с оригинальностью авторской коннотативной семантики зоонимов.

Очевидно, что характер реализации четырёхкомпонентной структуры сравнительной конструкции, а именно особенность воплощения признакового компонента, находится в тесной связи с типом актуализации коннотативного значения зоонима, занимающего позицию эталона сравнения.

Отличие образности, выражающейся в сравнительных конструкциях с союзом *как* от метафоры заключается в том, что «метафора внутренне

противоречива, поскольку утверждает тождество заведомо нетождественного; в сравнении же эта противоречивость существенно смягчена, поскольку оно утверждает лишь сходство двух более или менее далёких понятий» [11, с. 7].

Мастера художественного слова употребляют в своих произведениях сравнительные конструкции, где опорные слова, или иначе, стандарты сравнения образуют образно-устойчивую группу, то есть образы, традиционно используемые для выражения какой-либо мысли, тогда как самые удачные поэтические находки часто представляют собой обновлённые образы. В поэзии Саши Чёрного это обновление происходит за счёт того, что часть сравнений строится на основе устойчивого признака сравнения, позволяющего сразу интерпретировать их значение, а другая часть сравнительных конструкций использует новый, непривычный для языка художественной литературы того времени спектр признаков, не всегда поддающихся вербализации.

Всё вышесказанное даёт нам возможность считать тот факт, что зоонимы, реализующие яркую коннотативную оценочную семантику, чаще всего встречаются в стихотворениях в составе сравнительных конструкций, имеющих общие черты в своей структуре и свойствах, отличительной чертой языка поэзии Саши Чёрного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка (в 2 томах) / редкол.: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2. 440 с.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика: 10-е изд., испр. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1859. 283 с.

3. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб.: типография Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. 578 с.
4. Девятова Н.М. Об образном сравнении и его типологии // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 56–64.
5. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 320 с.
6. Красильникова П.Ю. Методы лингвистической экспертизы в толковании коннотативного содержания зоонимов в текстах Саши Чёрного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 22–30.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7е изд. -М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
8. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск: Наука, 1976. 239 с.
9. Чёрный С. Все стихи [Электронный ресурс] // Русская поэзия : [сайт]. URL: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (дата обращения: 19.03.2018).
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
11. Шенько К.В. Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 24 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V., Istrina E.S., Barkhudarov S.G., ed. Grammatika russkogo yazyka [Russian grammar]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. Vol. 2: Syntax. Part 2. 440 p.
2. Vostokov A.Kh. Russkaya grammatika [Russian grammar]. St. Petersburg, tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1859. 283 p.
3. Grech N.I. Prakticheskaya russkaya grammatika [Practical Russian grammar]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskogo Sanktpeterburgskogo vospitatel'nogo doma Publ., 1827. 578 p.
4. Devyatova N.M. [On figurative comparison and its typology] In: Bolgarskaya rusistika [Bulgarian Russian Studies], 2010, no. 3–4, pp. 56–64.
5. Devyatova N.M. Sravnenie v dinamicheskoi sisteme yazyka [Comparison in the dynamic system of a language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 320 p.
6. Krasil'nikova P.Yu. [Linguistic study methods in the interpretation of the connotative content of the zoonyms in Sasha Cherny's lyrics]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 2, pp. 22–30.
7. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 511 p.
8. Cheremisina M.I. Sravnitel'nye konstruksii v russkom yazyke [Comparative constructions in the Russian language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976. 239 p.
9. Chernyi S. [All poems]. In: Russkaya poeziya [Russian poetry]. Available at: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (accessed: 19.03.2018).
10. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1941. 620 p.
11. Shen'ko K.V. Sintaksis i semantika obraznogo sravneniya (na materiale angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Syntax and semantics of figurative comparison (on a material of the English language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1972. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красильникова Пелагея Юрьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pelageya Y. Krasilnikova – postgraduate student at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красильникова П.Ю. Особенности реализации коннотативного значения зоонимов в сравнительных конструкциях (на материале поэтических текстов Саши Чёрного) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 8–16
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-8-16

FOR CITATION

Krasilnikova P. Y. Special features of connotative aspect of zoonyms' meaning in comparative constructions (based on Sasha Cherny's poetry). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 8–16.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-8-16

УДК 81'373; 001.4 Лексикология. Терминоведение
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-17-24

ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Маслова М.Н.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Северодвинске*

164500, г. Северодвинск, ул. Воронина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы вариативности специальных наименований, входящих в денотативный класс <ветер>, их постепенная стабилизация в период становления терминологических систем (XVII–XIX вв.). Анализируется процесс выбора языкового выражения формирующихся научно-профессиональных знаний, представленных рядом лексических вариантов. В результате устанавливаются способы знаковой репрезентации отдельных специальных наименований, составляющих научную периферию денотативного класса <ветер>.

Ключевые слова: концептуальный признак, специальное наименование, лексический вариант, тексты XVII–XIX вв.

VARIATION OF THE LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION IN THE FIELD OF SPECIAL NOMINATION

M. Maslova

Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch

6 Voronina st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation

Abstract. The article describes the variability of special units that belong to the denotative class wind and their gradual stabilization in the formation of terminological systems (17th – 19th centuries). The author analyzes the choice of linguistic expression of the forming scientific and professional knowledge that is represented by the number of lexical variants. As a results, the ways of sign representation of separate special denominations are defined. Such denominations form a scientific periphery of the denotative class wind.

Key words: conceptual feature, special nomination, lexical variant, texts of 17th-19th centuries.

В тот исторический период развития русского языка, когда в специальных сферах происходит выбор наиболее приемлемой и оптимальной формы выражения научно-профессиональных знаний, внутриязыковые отношения специальных наименований зачастую реализуются в виде вариативных рядов. Л.Л. Кутина писала, что представление научного понятия серией терминов-вариантов, терминологическим рядом, пучком обозначений-аналогов – одна из характерных черт формирующихся терминологий [7, с. 85].

© СС BY Маслова М.Н., 2018.

Теоретические вопросы терминологии актуальны для современной науки [1, с. 22–26; 24, с. 3–17]. Обращаясь к изучению истории возникновения терминологических систем, исследователь постоянно сталкивается с вариантами наименований формирующихся понятий. В.М. Солнцев, подробно рассматривая разнообразные проявления вариативности, пишет, что эта категория «является одним из внутриязыковых факторов развития и изменения языка, действие которого связано с другими внутренними и внешними факторами языкового развития» [22, с. 41].

В статье даётся анализ некоторых лексических вариантов специальных наименований, отражающих процесс становления научных знаний и представлений об атмосферном явлении *ветер*, которые включаются, как и позже сложившиеся термины, в научную периферию денотативного класса <ветер>, выделенного наряду с другими классами природных объектов как один из фрагментов языковой картины мира [16, с. 30–31].

В историческом аспекте денотативный класс представляет собой не простую совокупность, а динамический, постоянно изменяющийся объём единиц. Обсуждение вопросов имени денотативного класса и его состава см. в работах: [17, с. 92–93; 18, с. 113–114; 19, с. 131–134]. Чтобы понять, как складывается его состав, необходимо обратиться к начальному этапу формирования научно-профессиональных номинаций. Именно в это время специальные наименования отличаются значительной вариативностью. Объясняется это прежде всего тем, что терминологическая система рас-

сматриваемой научно-профессиональной области складывается преимущественно на базе общеупотребительных слов.

Имя изучаемого денотативного класса – *ветер* – имеет варианты. Об этом свидетельствуют специальные тексты XVII–XIX вв., в которых наряду со словом *ветер* употребляются такие варианты, как *погода*, *дыхание* и *воздух*. Словарь Академии Российской показывает, что приведённые слова в одном из своих значений толкуются как «ветер» [21, т. 2, с. 167–168, 811, 816–817]. Почему именно эти слова используются для называния процесса перемещения воздушных масс? Развитие значения ‘ветер’ у названных общеупотребительных слов – закономерный результат семантической деривации их первичных значений. Представления человека о сущности природного явления *ветер* связаны с пониманием того, что это «явление воздушное». По древним воззрениям, ветер – «дыхание Земли» [20, с. 86], подобно дыханию человека. Очевидно, что номинации *ветер*, *погода*, *воздух*, *дыхание* функционируют в одной понятийной сфере.

В журнальных записях петровской эпохи для описания ветров различной силы используются составные наименования, в которых в качестве определяемого слова употребляется один из вариантов – *ветер* или *погода*. Причём в некоторых текстах оба варианта записываются буквально на соседних страницах. Это наглядно демонстрирует живой, активный поиск наиболее удачной формы для именования понятия. Например, в «Подённых записках» Петра I на 49 странице читаем: *стала наступать стужа и великие ветры*

[5, с. 49], где выражение *великие ветры* именует представление о ветре значительной силы. На предыдущей, 48 странице, в сходном смысловом контексте, употреблено вариативное наименование *великая погода*, которое также называет сильный ветер, сопровождаемый дождём и сгущением туч: *Стала великая погода с дождём и темнотою* [там же, с. 48].

В записях «Походных журналов» Петра I наблюдается аналогичная ситуация. На 7 странице сочетание *великая погода* обозначает такой сильный ветер, который способен «оторвать» шлюпку с борта корабля: *с полудня была и во всю ночь великая погода и шлюпку оторвало* [10, с. 7]. На 8 странице этого журнала встречаем уже выражение *великий ветер*: *стояли за противным ветром и был великий ветер и снег* [там же, с. 8].

Материалы журнальных записей петровской эпохи показывают, что вариативные наименования со словами *погода* и *ветер* используются также при описании представлений о направлении ветра относительно курса движения судна. Например, для обозначения ветра, имеющего направление, общее с курсом движения судна, то есть попутного ветра, в специальных текстах используются варианты *способный ветер* и *способная погода*: *Пошли со флотом ко Кроншлоту способным ветром, который был от веста. Погода через несколько дней способная была: однако никаких судов из Швеции сюда не было* [5, с. 163, 570]. Ветер, имеющий направление противоположное курсу движения судна, иными словами, ветер, принуждающий судно лавировать, именуется *противный ветер* и *противная погода*:

Понеже за противным ветром выйти не могли. Приезд его ни за чем иным, кроме за противною погодою, оставливается [там же, с. 103, 542].

В современной метеорологии слово *погода* не утвердилось в качестве терминологического знака, именующего понятие ‘движение воздуха относительно земной поверхности’, а устоялось в качестве межотраслевого термина, называющего понятие ‘состояние атмосферы’. Ср.: *погода* – «непрерывно меняющееся состояние атмосферы» [23, с. 348–349; 3, с. 320]. Отметим, что и в рассмотренных текстах Петровской эпохи общеупотребительное многозначное слово *погода* функционирует в своём первичном значении – ‘состояние атмосферы’: *ОНО ветр большой, погода суморочная ...* [11, с. 24]. *Ветр по утру стал вест-норд-вест; погода дождевая и ветр мялся* [12, с. 1].

Тенденция употребления многозначных общеупотребительных слов в значении, позволяющем включить их в денотативный класс <ветер>, прослеживается и в постпетровскую эпоху. М.В. Ломоносов использует слова *дыхание* и *воздух* для называния процесса, связанного с перемещением воздушных масс: *во время северных ветров показываются сполохи на полудни, а в южные ветры являются в севере; что во время восточного, восточно-южного и восточно-северного дыхания сияния не бывает* [8, с. 332].

Слово *дыхание*, так же как и слово *погода*, не утвердилось в качестве специального терминологического обозначения понятия «горизонтальное перемещение воздуха относительно земной поверхности». Это слово в значении ‘физиологический процесс, обеспечивающий жизнедеятельность

живых организмов' в дальнейшем оказалось связанным с другой терминологической системой. Что же касается слова *воздух*, то оно сохранилось в рамках денотативного класса <ветер>, однако приобрело иное, более широкое, значение – 'смесь газов, составляющих земную атмосферу'.

Итак, некогда вариативный ряд наименований *ветер*, *погода*, *дыхание* и *воздух* распался, а в качестве терминологического обозначения понятия «горизонтальное движение воздуха относительно земной поверхности» закрепилось слово *ветер*.

Вариативные единицы встречаются и при концептуализации иных свойств ветра. Так, представления о перемещении воздуха относительно земной поверхности выражались отглагольными существительными: *движение*, *течение*, *дыхание*, *веяние*, *стремление* ветра: По Сибирским берегам, как *течение ветров* бывает, не имею никаких записок; Хотя *течение* моря сильнее действует, нежели *веяние ветров*, особливо на *стамухи* или *ледяные горы*; Оттепели почти всегда с *дыханием* и скорым *стремлением ветра* в пасмурную погоду случаются; Ударил с яростью великая *буря*. От *устремления* *ея* слышно было *стенание гор* и шум в *берегах* *ударяемых волнами* [8, с. 352, 351, 308, 333]. Интересно отметить, что все примеры приведены из научных сочинений М.В. Ломоносова, которые очень показательны в плане демонстрации лексического потенциала языка, используемого автором при выборе наиболее подходящего языкового знака.

Отглагольные существительные в качестве специальных обозначений процесса перемещения воздуха не

утвердились. В научной речи репрезентантами этого концептуального признака стали глаголы со значением 'движение', которые по своим лексико-грамматическим свойствам более приспособлены для обозначения процессуальных явлений, а значит, и длительности, и смены состояний (проявлений) и т. д.

В текстах конца XVII–XIX вв. наблюдается широкий спектр глагольных форм, которые в сочетании с именем *ветер* репрезентируют фазовый характер движения воздуха: момент возникновения ветра; сам процесс перемещения воздушных масс; момент завершения движения воздуха. Например, выражения *ветер пошёл*, *задул*, *подул*, *пришёл*, *нашёл*, *рождается*, *поднимается*, *ударяет*, *восстаёт*, *является* описывают момент возникновения ветра: *Снова задул противный ветер, задержавший меня* [14, с. 27]. *По утру ZZW пошёл* [5, с. 10].

Момент завершения перемещения воздуха отражают глагольные конструкции: *ветер утихает* (*стихает*, *затихает*), *пресекается*: К вечеру, когда *ветр утих*, неприятель начал за реку *наки перебираться* [4, с. 381]. *Ветер* иногда внезапно с великою жестокостью *поднимется*, а скоро потом *опять пресекается* [6, с. 36–38].

Глагольные конструкции: *ветер дует*, *продолжается*, *стоит*, *свирепствует*, *веет*, *бежит*, *идёт*, *движется*, *дышит*, *тянет*, *простирается*, *раздувается* репрезентируют непосредственно сам процесс перемещения воздуха относительно земли. Например: *Ветр* был перед полуднем в 8-м часу ZW, а от полудни до вечера *стоял WZW* [13, с. 29]. Во всю ночь *продолжался ветер умеренной* [14, с. 64].

Следует отметить, что многие глаголы движения, функционирующие в понятийной сфере «движение / перемещение воздуха относительно земной поверхности», постепенно утрачивают сочетаемость со словом *ветер*. Утвердившимися в научно-профессиональной языковой практике оказались глагольные номинации *дуть* и *веять*. Заметим, что именно эти слова фиксируются в словаре XVIII в. как обозначения процесса перемещения воздушных масс [21, т. 1, с. 1103; т. 2, с. 836].

Глагол *веять* устойчиво встречается в исследуемых текстах XVIII в.: *Должно разсуждать в познании стороны, с которой **ветр веет**; Часто примечено по разному облаков движению, что верхней **ветр** с разных сторон **веет**, и с нижним не сходствует* [5, с. 59, 331].

Начиная с XIX в., для обозначения процесса перемещения воздуха относительно земной поверхности всё чаще и активнее используется глагол *дуть*, который в сочетании с именем *ветер* образует устойчивую конструкцию, воспроизводимую и в научных текстах XX в. Например: *Шамсин содержит в себе много азота; **дует от***

Ю. и ЮЗ. через сухия песчанья степи в Египте [9, с. 68–69]. *На северном склоне Альп, в долине, **дует** тёплый и сухой **ветер**, при котором температура на 12–17 градусов выше средней* [2, с. 18].

Сформированность предикативной конструкции *ветер дует* как специального сочетания подтверждается его многочисленным использованием в текстах дефиниций, содержащихся в отраслевых лексикографических источниках XX в. Например: *ветер противный – «**ветер, дующий** по направлению, противному курсу судна»; «**ветер дует** в компас»* [15, с. 170, 168].

Таким образом, развитие знаний любой науки или профессиональной отрасли требует специальных устойчивых языковых форм, способных обозначать активно формирующиеся понятийные системы. В языке постепенно складываются способы знаковой репрезентации результатов научного освоения мира. Специальные номинации представляют собой основу языка науки и являются тем инструментом, с помощью которого осуществляется описание научных положений, принципов и теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова М.Э. Отечественный и зарубежный опыт изучения терминоведения: эволюция понятия «термин» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. Ч. 1. С. 22–26.
2. Воейков А.И. Климаты земного шара. В особенности России. СПб: Издание картографического заведения А. Ильина, 1885. 640 с.
3. Военно-морской словарь / гл. ред. В.Н. Чернавин. М.: Воениздат, 1990. 511 с.
4. Журнал или подённая записка памяти государя императора Петра Великого. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. Ч. 1. 460 с.
5. Журнал или подённая записка памяти государя императора Петра Великого. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. Ч. 2 (отдел 1). 763 с.
6. Крафт Г. Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт. СПб: Императорская Академия наук, 1739. 542 с.

7. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 82–94.
8. Ломоносов М.В. Слово о явлениях воздушных от электрической силы происходящих // Ломоносов М.В. Собрание сочинений: в 3 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803. Ч. 3. 374 с.
9. Ободовский А. Физическая география. СПб: Типография И. Глазунова и К°, 1838. 111 с.
10. Походный журнал (Петра I). 1704 год. СПб., 1854. 148 с.
11. Походный журнал (Петра I). 1715 год. СПб., 1855. 80 с.
12. Походный журнал (Петра I). 1719 год. СПб., 1855. 145 с.
13. Походный журнал (Петра I). 1721 год. СПб., 1855. 76 с.
14. Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1806 годах. По повелению его Императорского Величества Александра Первого на кораблях Надежде и Неве. СПб.: Морская типография, 1809. Ч. 1. 388 с.
15. Самойлов К.И. Морской словарь: в 2 ч. М.–Л.: Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР, 1939–1941. 644 с.
16. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: монография. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1998. 337 с.
17. Симашко Т.В. Денотативный класс <туман> как модель структурирования знаний об объекте природы // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. М.–Северодвинск: БИБК-КОМ, 2015. Вып. 7. С. 90–102.
18. Симашко Т.В. Денотативный признак как показатель формально-семантической общности единиц и как имя класса // Язык. Сознание. Концепт: сборник научных работ. Мелитополь: Мелитопольский государственный педагогический университет, 2016. Вып. 6. С. 110–118.
19. Симашко Т.В. Лексикографирование единиц денотативного класса // Русская лексикография вчера, сегодня, завтра. Олыштын: Варминско-Мазурский университет в Олыштыне, 2015. Вып. 7. С. 124–149.
20. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак. 1995. 416 с.
21. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенному: в 6 ч. СПб: Императорская Академия наук, 1789–1794.
22. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–41.
23. Хромов С.П., Мамонтова Л.И. Метеорологический словарь. Л.: Гидрометеиздат. 1974. 568 с.
24. Шелов С.Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Известия РАН. Серия Литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 3–17.

REFERENCES

1. Akhmetova M.E. [National and foreign experience of studying the science of terminology: evolution of the concept “term” in linguistics]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 8, vol. 1, pp. 22–26.
2. Voeikov A.I. Klimaty zemnogo shara. V osobennosti Rossii. [The climates of the globe. In particular, Russia]. St. Petersburg, Izdanie kartograficheskogo zavedeniya A. Ilyina Publ., 1885. 640 p.

3. Chernavin V.N., chief ed. *Voenno-morskoi slovar'* [Naval dictionary]. Moscow, Voenizdat Publ., 1990. 511 p.
4. *Zhurnal ili podennaya zapiska pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago* [Journal or daily note of the memory of the Emperor Peter the Great]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1770. Vol. 1. 460 p.
5. *Zhurnal ili podennaya zapiska pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago* [Journal or daily note of the memory of the Emperor Peter the Great]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1772. Vol. 2 (section 1). 763 p.
6. Kraft G. *Kratkoe rukovodstvo k matematicheskoi i natural'noi geografii s upotrebleniem zemnogo globusa i landkart* [A short guide to mathematical and natural geography with the use of the Earth globe and landcards]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1739. 542 p.
7. Kutina L.L. [Linguistic processes that arise from the formation of scientific terminology systems]. In: *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Linguistic problems of scientific and technical terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1970. pp. 82–94.
8. Lomonosov M.V. [The word on the phenomena of air that occur from the electric force]. In: *Sobranie sochinenii: v 3 ch.* [Collected Works: in 3 vol.]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1803. Vol. 3. 374 p.
9. Obodovskii A. *Fizicheskaya geografiya* [Physical geography]. St. Petersburg, Typography Glazunov and Co. Publ., 1838. 111 p.
10. *Pokhodnyi zhurnal (Petra I). 1704 god* [The travel journal of Peter I. 1704]. St. Petersburg, 1854. 148 p.
11. *Pokhodnyi zhurnal (Petra I). 1715 god* [The travel journal of Peter I. 1715]. St. Petersburg, 1855. 80 p.
12. *Pokhodnyi zhurnal (Petra I). 1719 god* [The travel journal of Peter I. 1719]. St. Petersburg, 1855. 145 p.
13. *Pokhodnyi zhurnal (Petra I). 1721 god* [The travel journal of Peter I. 1721]. St. Petersburg, 1855. 76 p.
14. *Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4 i 1806 godakh. Po poveleniyu ego Imperatorskago Velichestva Aleksandra Pervago na korablyakh Nadezhde i Neve* [Travel around the world in 1803, 1804 and 1806. By order of his Imperial Majesty Alexander the First on the ships Nadezhda and Neva] St. Petersburg, Morskaya tipografiya Publ., 1809. Vol. 1. 388 p.
15. Samoilov K.I. *Morskoi slovar': v 2 ch* [Maritime dictionary: in 2 volumes]. Moscow, Leningrad, People's Commissariat of the Navy of the USSR Publ., 1939–1941. 644 p.
16. Simashko T.V. *Denotativnyi klass kak osnova opisaniya fragmenta mira* [Denotative class as the basis of the description of a fragment of the world]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 1998. 337 p.
17. Simashko T.V. [Denotative class *fog* as a model of structuring knowledge about the object of nature]. In: *Problemy kontseptualizatsii deistvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoi kartiny mira: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of conceptualization of reality and modeling the world's language picture: a collection of scientific papers]. Moscow, Severodvinsk, BIBKOM Publ., 2015, iss. 7, pp. 90–102.
18. Simashko T.V. [Denotative sign as an indicator of formal-semantic community of units and as the name of the class]. In: *Yazyk. Soznanie. Kontsept: sbornik nauchnykh rabot* [Language. Consciousness. Concept: a collection of scientific papers]. Melitopol, Melitopol State Pedagogical University Publ., 2016, no. 6, pp. 110–118.
19. Simashko T.V. [Lexicography of denotative class units]. In: *Russkaya leksikografiya vchera, segodnya, zavtra*. Olsztyn, University of Warmia and Mazury Publ., 2015, iss. 7, pp. 124–149.

20. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 416 p.
 21. Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poryadku raspolzhenomu: v 6 ch. [Dictionary of the Russian Academy in alphabetical order: in 6 vol.]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1789–1794.
 22. Solntsev V.M. [Variability as a general characteristic of the language system]. In: Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the study of language], 1984, no. 2, pp. 31–41.
 23. Khromov S.P., Mamontova L.I. Meteorologicheskii slovar' [Meteorological dictionary]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1974. 568 p.
 24. Shelov S.D. [On the variability and synonymy in terminology]. In: Izvestiya RAN. Seriya Literaturny i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2014, vol. 73, no. 5, pp. 3–17.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Марина Николаевна – аспирант кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета, филиал в г. Северодвинске;

e-mail: m.n.maslova@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Maslova – postgraduate student at the Department of General and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch;

e-mail: m.n.maslova@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова М.Н. Варьирование языковых средств выражения в области специальной номинации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 17–24.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-17-24

FOR CITATION

Maslova M.N. Variation of the language means of expression in the field of special nomination. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 17–24.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-17-24

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ

Нагорный И.А.*Цзилиньский университет**130012, Чанчунь, ул. Куанвэй, д. 10, Китайская народная республика*

Аннотация. В статье представлено описание русских частиц как инструментариев отражения коммуникационных процессов в речевой сфере. Установлено, что частицы являются не только репрезентаторами комплекса квалификативно-модусных смыслов, но и рефлексорами процессов интенсифицирования, семантического сжатия, смыслового наложения, модельного упрощения, парцелирования. Предпринята попытка доказать, что частицы, являясь служебными знаками языка с многослойной семантикой, являются в смысловом аспекте насыщенными речевыми элементами, активно «работающими» в процессе коммуникации.

Ключевые слова: русские частицы, коммуникационный процесс, речевая сфера, говорящий, адресат, прагматика, функции.

RUSSIAN PARTICLES AS A TOOL FOR REFLECTION OF COMMUNICATION PROCESSES IN THE SPEECH SPHERE

I. Nagorny*Jilin University**10 Qianwei Road, Changchun 130012, People's Republic of China*

Abstract. The article presents the description of the Russian particles as a tool of reflection for communication processes in the speech sphere. It is established that the particles are not only representatives of the complex of qualifying-modal meanings, but also reflectors of the processes of intensification, semantic compression, semantic complexity, constructive simplification, model parsing. It is proved that the Russian particles as auxiliary elements of the language with multi-layer semantics are productive and pragmatically oriented communicative signs that facilitate and optimize the process of speech interaction of subjects.

Key words: Russian particles, communication process, speech sphere, speaker, addressee, pragmatics, functions.

Постановка проблемы

Исследование коммуникативного аспекта частиц, активно проявляющего себя в зоне речевых процессов, помогает разработать вопрос о специфике прагматической рефлексии при помощи модусных элементов языка разносферных областей коммуникационного процесса. В этом плане значимым представляется

то, что частицы как языковые компоненты с интенсифицированной семантикой – семантикой сжатой, но имеющей потенцию к перспективному расширению в речевой сфере, – являются востребованными речевыми знаками, оптимизаторами процесса коммуникационного взаимодействия субъектов [3], в результате чего повышается и собственно коммуникативный статус самих частиц как знаков, векторно ориентированных на собеседника, выразителей мнения говорящего [5].

Продуктивность речевого функционирования частиц соотнесена также с параметром открытости самой коммуникационной области как зоны речевого контакта коммуникантов [9–11]. Реализация частиц в данной области, рефлексия ими целого комплекса прагматизированных параметров лежит в основе специфики антропоцентрического функционирования указанных структурно-служебных средств в речевом коммуникативном пространстве. Собственно же прагматический аспект в общем смысловом поле частиц является модусной базой для реализации указанными компонентами в коммуникационном процессе наиболее важной функции – речевого воздействия на собеседника при помощи генерации каскада модусных смыслов, ярко презентующих позицию самого говорящего применительно к оцениваемому событию.

Цель и задачи работы

В функционально-прагматическом аспекте русские частицы являются не только генераторами и репрезентаторами комплекса квалифкативно-мо-

дусных смыслов, но и важным языково-речевым инструментом отражения коммуникационных процессов в сфере человеческого общения. Описание функциональных характеристик русских частиц как рефлекторов вышеуказанных процессов, таким образом, есть цель данной статьи.

Разработка проблемы в лингвистике

Собственно грамматический аспект исследования частиц как обслуживающих средств представлен в лингвистических трудах В.В. Виноградова [2], Н.Ю. Шведовой [8], А.Н. Васильевой [1], Т.М. Николаевой [6] и др. Смысловой аспект разработки частиц отражён в работах Е.А. Стародумовой [7]. Тем не менее, прагматически детализированное функциональное описание русских частиц в языкознании не осуществлялось. В современной лингвистической науке также отражены лишь на фрагментарном уровне знаковый и когнитивный подходы к детализации данной проблемы.

Основная часть

Ментальные операции субъекта, направленные на модусную квалификацию события, реализуются в речевой сфере при помощи различных языковых и интонационных средств. В числе данных средств фиксируются и русские частицы, являющиеся продуктивным коммуникативным инструментом репрезентации точки зрения говорящего [4] и донесения данной точки зрения до адресата.

Важное прагматическое качество рассматриваемых элементов состоит в том, что они должны быть определены как языково-речевые средства, при

помощи которых генерируются некие важные для речевой сферы процессы, воздействующие на область усиления прагматического фактора речевой зоны. В основе этого явления находится динамический фактор, который и определяет наполнение смысловой составляющей русских частиц в речевом аспекте.

Генерируемые частицами коммуникационные процессы достаточно разнообразны. Однако ведущими, по нашим наблюдениям, являются:

- интенсифицирование модусно-оценочных смыслов на уровне коммуникационной сферы;
- семантическое сжатие, лежащее в основе компрессии коммуникационно значимой, по мнению автора, информации, а также развёртывания данной информации говорящим в типичной ситуации речевого общения с целью достижения прагматически мотивированной интенции;
- смысловое наслоение, в перспективе увеличивающее исходный понятийный объём языкового знака в коммуникационной сфере;
- модельное упрощение, отражающее структурное компрессирование предложения и приобретение последним статуса модусно-ответного;
- парцелляция, основанная на субъективно мотивированном разбиении предложения с частицей на комплекс конструктивно укороченных отрезков;
- десемантизация, определяющая нивелирование исходной семантики русской частицы.

Данные коммуникационные процессы, генерируемые в предложениях

частицами, находят своё оригинальное отражение в модусно-оценочных ситуациях речевого общения. Рассмотрим данные процессы более детально.

Процесс интенсифицирования характеризуется следующими коммуникативными свойствами. В первую очередь, интенсифицирование рефлерирует область усиления коммуникационного статуса частиц фактически всех семантических групп в сфере речевой коммуникации. Указанный процесс ярко проявляет себя в аспектах:

а) либо усиленного подтверждения говорящим произносимого с целью усиления прагматически-мотивированного воздействия на собеседника:

*«Это **только** цветочки, ягодки будут впереди»* (Поговорка);

*«Ну, выбирайте, куда пойдём **прямо** сейчас, – сказал он»* (Ф. Иванов);

б) либо, напротив, снижения степени категоричности высказывания для некатегоричного воздействия на собеседника:

*«Ехать сейчас можно **только** лишь в один город»* (газетный текст);

*«Ваши документы почти уже готовы, осталось **лишь** принести их»* (журнальный текст).

Рассматриваемый процесс является ярким показателем соотнесённости конкретной коммуникационной реакции как говорящего, так и адресата на окружающие события, факты, явления, обусловленные, как правило, комплексом событийных факторов:

*«Можно **уже** перестать ждать, ничего не произойдёт»* (журнальный текст);

*«Хорошо, что сделано **ещё** одно очень важное дело»* (А. Иванов);

«А без этой проработки и перспективы видятся **лишь** частично» (газетный текст);

«**Просто** я думал, что ему не понравится эта затея» (В. Шукшин).

Интенсифицирование качественной модусной зоны, генераторами которой в коммуникационной сфере выступают русские частицы, является базой для проекции на собеседника актуализируемых говорящим смыслов усиленной достоверности, категоризации, речевого напора, экспрессивизации, предположения и т. п.:

«Отвечает... твёрдым голосом: – **Где уж тебе!**» (М. Салтыков-Щедрин);

«**Разве** это к вам и вашим делам не относится?» (В. Быков);

«**Что за праздник!**» (В. Шишков);

«Меня же больше всего в тот момент заинтересовала **именно** вода» (О. Баринов);

«**Вот так** ситуация... Никто и не думал, что всё может так развернуться» (журнальный текст).

С процессом интенсифицирования связан **процесс семантического сжатия**. Действие данного процесса позволяет частице приобретать статус коммуникационного знака передачи объёмных, но свёрнутых смыслов, используемых для компрессированного донесения до собеседника оценочной характеристики описываемой ситуации:

«Ну, вот вот и всё... – **Да где уж!** Ещё ничего не потеряно» (журнальный текст);

«Я в суд подам... – **Ишь ты!**...» (Р. Сенчин);

«Да не знаю я ничего об этом. – **Вот как? И правда?**» (Д. Донцова);

«**Уж будто**. – проговорил проводник, с опаской оглядываясь в сторону опушки» (журнальный текст).

Частицы в этом случае продуктивно образуют нечленимые предложения как компрессированные речевые аналоги членимых предложений:

«К нему утром уже приходили? – **Вряд ли**» (Д. Донцова);

«Человек раздумывал. – **Да едва ли...**» (А. Иванов);

«Вот это-то и не произойдёт со мной. – **Уж будто!**» (Т. Устинова);

«Ещё раз попробуй. Ведь может получиться, наконец. – **Да нет, вряд ли**» (К. Симонов).

Для подобных нечленимых предложений, в составе которых находятся лишь частицы, типична компрессия смысловых зон. Последнее приобретает весьма важное значение для свободного функционирования данных предложений не только в устной, но и в письменной сферах коммуникации. В этом аспекте особый вес приобретает генерирование частицами параметра кодирования-раскодирования презентуемой информации на уровне когнитивных ментальных структур.

Процесс смыслового наслоения предопределяет увеличение семантического объёма частицы в сфере коммуникационного диалога с целью восполнения различного рода речевых лакун, в частности пресуппозитивных:

«И что же, вы там работаете? – **Куда уж**» (Д. Донцова);

«Да вот так я и думаю, простите. – **Уж будто?**» (журнальный текст);

«И он больше не отступит от сказанного? – **Да, где уж!**» (В. Головачев);

«**Вот так вот!**... – произнёс Николаич, протягивая широкую ладонь» (журнальный текст);

«Да, это действительно так. – **Ишь ты!**» (Д. Донцова).

Итогом действия процесса смыслового наслоения является усиление прагматического статуса собственно частицы в коммуникационной сфере. Кроме того, частицы, являясь прагматически значимым инструментарием прагматического воздействия, выступают, таким образом, актуализаторами комплекса модусно-кваликативных смыслов, обращённых, в первую очередь, к адресату:

«**Ужели** утолять я рада... Все жажды тщетные души!» (К. Павлова) (смыслы недоумения и сожаления);

«**Авось** получится со временем, но пока нет результата» (газетный текст) (смыслы желательности и ожидания);

«Ну что, сделал намеченное? – Да **вроде как**» (С. Снегов) (смыслы раздумья, радости и надежды);

«Это **навряд ли**, – тихо и устало проговорил кто-то на том берегу» (П. Дроздов) (смыслы глубокого сомнения и уныния);

«Да, так мне кажется. **Чай**, из окна славно смотреть» (А. Иванов) (смыслы предположения и возможности);

«Ей думалось о том, что лучше не станет, но **авось** да всё образумится» (журнальный текст) (смыслы кажимости и предположения);

«Но именно это и послужило ему **якобы** поводом для принятия решения» (А. Казанцев) (смыслы эвидентальности и предположения);

«Он был **едва ли не** единственным из нас, кто добился в жизни всего, чего хотел» (газетный текст) (смыслы избыточности и усиленной категоричности);

«Вот я **авось** тебе задам!» (журнальный текст) (смыслы намерения, возможности и предположения);

«**И куда уж** нам до вас дотянуться» (Д. Донцова) (смыслы сарказма и отрицательной оценки);

«**Вот так, вот так!** Давай её сюда, подставляй сбоку» (А. Иванов) (смыслы наставления, утвердительной констатации и подтверждения).

Модусно-оценочные смыслы, генерируемые частицами могут, таким образом, пересекаться, накладываясь один на другой, совмещаться в смысловом поле одного речевого высказывания. Последнее обусловлено как прагматическими, так и пресуппозитивными факторами речевой сферы.

Процесс модельного упрощения лежит в основе структурного упрощения конструкции, реализуемой в речевой сфере, и параллельного увеличения семантической ёмкости самой частицы в ответных высказываниях:

«Надеюсь, всё прошло благополучно? – **Ещё бы!**»;

«И потом, думаешь, ничего не случится? – **Вряд ли**»;

«Геймишься сегодня? – **Конечно!**»

Данные процесс реализуется на базе стандартной для коммуникационного пространства тенденции к значимому сокращению структурного объёма конструкции. Типичными функциональными свойствами частицы как структурообразующего и смыслообразующего элемента ответного предложения является, во-первых, увеличение прагматического статуса русской частицы на пропозитивно-модусном уровне языково-речевой структуры, поскольку частица является актуализатором целого комплекса речевых квалификационных смыслов – смыс-

лов оценочных, эмотивных, модальных, экспрессивных, но обязательно ориентированных на адресата:

«**Что за** дела! И как это понимать?» (газетный текст);

«И **где уж** там!.. Уверен, что не сделают!» (журнальный текст);

«**Куда уж** нам дотянуться до идеала!» (Ю. Семенов);

«**Будто** не знали!.. Ещё как знали!» (Ю. Семенов).

Во-вторых, частицы способны выполнять нетипичную для служебного слова типологическую функцию образования нечленяемого предложения: «**Уж будто!** К нам это не относится» (С. Кудряшов); «Ты с ним? – **Едва ли!**» (В. Шукшин). Для подобных эквивалентов предложений типично сжатие информационных полей, что является одной из причин продуктивного функционирования слов-предложений в разговорной речи.

В-третьих, укажем на специфику функционирования русских частиц как реализаторов модельно-конструктивной функции в предложении. Например, частица способна выступать в предложении в качестве репрезентатора логического предиката: «И всё-таки: лететь или не лететь? – Да **где уж!**» (журнальный текст).

Процесс парцелляции положен в основу обусловленного расчленения конструкции, в составе которой фиксируется частица, на конструктивно короткие, но коммуникативно полноценные сегменты, выполняющие коммуникативную функцию речевого сообщения. В данном случае частицы функционируют в качестве знаков развёртывания оценочной речевой ситуации в диалоге. Основными признаками частицы в парцеллированной

конструкции являются: увеличение семантического ранга собственно частицы, а также повышение её коммуникативного статуса как авторского инструмента генерации субъективно-авторских смыслов, ориентированных на собеседника:

«Результат-то хоть получили? Или все в поисках? – Да **где уж** там!» (журнальный текст).

«А **что за** мысли такие унылые!» (журнальный текст);

Отметим также, что процесс парцелляции, как правило, сопутствует коммуникативной репрезентации оценочных смыслов раздражения, досады, радости, удивления, раздумья, иронии/сарказма и под.

Процесс десемантизации определяет специфику функционирования разноуровневых семантически опущённых элементов языка, например, частицы *как бы*. В результате реализации указанного процесса у данной частицы нивелируется исходная модальная семантика и проявляются функциональные параметры скрепа:

«А я ведь **как бы** знаю, что происходит» (журнальный текст);

«Проблема **как бы** решилась, поэтому всё в порядке» (газетный текст).

В коммуникативно-прагматическом аспекте десемантизированная модальная частица *как бы* – это языковой элемент, подвергшийся сильным семантическим трансформациям. В этом плане *как бы* характеризуется утерей модально-предположительного значения и трансформацией своего базового лексико-грамматического потенциала, что и служит причиной появления у языкового элемента новых коммуникативно-функциональных характеристик. Результатом является

то, что *d* настоящее время в русской языково-речевой сфере наличествуют фактически два омонимичных элемента – «полноценная» модальная частица как *бы*, участвующая в формировании субъективно-модального аспекта, предложения и её семантически опустошённый звуковой эквивалент с нивелированным модальным и приобретённым связочным значением скрепа:

«Я тут накануне как бы вижу, что она потеплела ко мне» (разговорная речь);

«Да в твоём смартфоне как бы шесть гигов оперативки, а ты говоришь о тормозах. Ищи вирус» (Интернет).

С процессом десемантизации тесно связаны и другие коммуникативные функции частицы *как бы*:

1) функция снижения категоричности сообщаемого, при выполнении которой семантически трансформированная частица применяется говорящим для донесения до адресата модусного смысла некатегоричности в оценке события (*«Ты как бы не сильно утруждай себя, всё уже решено»* (Интернет); *«Я как бы не считаю, что оно того стоит»* (Интернет); *«Я как бы должен тебе сказать об этом»* (Интернет));

2) функция реализации десемантизированной частицы в сфере диалогической речи, заключающаяся в том, что указанный языковой элемент проявляет свою трансформированную семантику в коммуникативно-событийной ситуации, к которой автор сообщения либо имел непосредственное отношение, либо имеет косвенное представление о данном событии;

3) функция речевого скрепа, типичная для десемантизированных

элементов в сфере активного речевого диалога. Указанная функция характеризует частицу как полностью десемантизированную, семантически опустошённую. В этом случае при помощи частицы автор высказывания делает попытку нивелировать речевые паузы, лакуны при актуализации мыслительных операций (опасение, неуверенность, раздумье, догадка, ожидание и др.).

В целом разработка проблемы коммуникативно-прагматического потенциала русских частиц доказывает, что описанные коммуникационные процессы являются важными и прагматически обусловленными, проявляющимися квалификативно-модусные свойства языковых знаков, например, частиц русского языка.

Описание функционально-прагматических свойств русских частиц позволяет сделать, по нашему мнению, важное заключение относительно того, что рассматриваемые языковые элементы и в грамматическом, и в коммуникативно-смысловом аспектах составляют многоплановую стройную систему, которой оперируют коммуниканты для необходимого реагирования на речевую ситуацию общения в координатах: субъективно-модальной характеристики сообщаемого (предположение, сомнение, целесообразность, возможность, вероятность, необходимость, долженствование, эвиденциальность, кажимость, колебание, избыточность, акцентированное подтверждение, некатегоричное отрицание, мотивированное согласие/несогласие); оценочной квалификации (позитивная или негативная оценка события или его фрагмента); эмотивной квалификации (выражение радо-

сти, восторга, одобрения, умиления, раздражения, порицания, досады и пр.); экспрессивизации сообщаемого; локализации авторского взгляда при указании на что-то или кого-то; ограничении; определительном уточнении. Итогом актуализируемой русскими частицами модусно-кваликативной характеристики сообщаемого в коммуникативной сфере является корректирующее, интенсифицирующее, компрессирующее, усложняющее, локализирующее или парцелирующее влияние частицы как грамматически служебного, но коммуникативно и прагматически ёмкого языкового элемента на общее смысловое поле предложения-высказывания.

Выводы

Исследование коммуникативно-прагматических характеристик языковых элементов незначительно-го уровня, описание специфических

факторов сфер речевого общения и особенностей реализации коммуникативных процессов способствует упорядочиванию общих тенденций динамического функционирования русских частиц, систематизации их языково-речевых свойств, описанию семантической структуры высказываний с частицами, мотивации применения антропоцентрического подхода к анализу служебных элементов русской языковой системы.

Поднимаемые в статье вопросы являются, как нам думается, перспективными, так как выявляют одну из важных граней прагматики в аспекте детализации коммуникативных прагматических свойств русских частиц. Последнее, в свою очередь, открывает достаточно обширные перспективы описания функций языковых элементов в речевой сфере в соотношении с общеязыковым фактором антропоцентризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.Н. Частицы разговорной речи. М.: Издательство Московского государственного университета, 1964. 186 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.
4. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания. М.: Издательство Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской, 1986. С. 3–8.
5. Нагорный И.А. Русские частицы и речевая ситуация оценочной квалификации события // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 15–22.
6. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М.: Наука, 1985. 169 с.
7. Стародумова Е.А. Русские частицы. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1997. 68 с.
8. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Академия наук СССР, 1960. 378 с.
9. Kiefer F. Two recent studies on presupposition // *Lingua*. 1977. Vol. 43. pp. 247–271.

10. Lakoff G. Pragmatics in natural logic // Formal semantics of natural language / Ed. by E.L. Keenan. Los Angeles: Cambridge University Press, 1975. pp. 253–286.
11. Lakoff R. The pragmatics of modality // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1972. Vol. 8. pp. 229–246.

REFERENCES

1. Vasil'eva A.N. Chastitsy razgovornoj rechi [Particles of the colloquial speech]. Moscow, Moscow State University Publ., 1964. 186 p.
2. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
3. Vinokur T.G. Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya [The speaker and the listener: Variants of speech behaviour]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 171 p.
4. Lekant P.A. [Sentence and statement]. In: Stroenie predlozheniya i sodержanie vyskazyvaniya [The structure of the sentences and the content of the statements]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1986. pp. 3–8.
5. Nagornyi I.A. [Russian particles and speech situation of evaluative qualification of events]. In: Nauchnyi rezul'tat. Seriya "Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki" [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2016, vol. 2, no. 1(7), pp. 15–22.
6. Nikolaeva T.M. Funktsii chastits v vyskazyvanii: Na materiale slavyanskikh yazykov [Functions of particles in a statement: On a material of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 169 p.
7. Starodumova E.A. Russkie chastitsy [Russian particles]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1997. 68 p.
8. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on the syntax of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1960. 378 p.
9. Kiefer F. Two recent studies on presupposition. In: Lingua, 1977, vol. 43, pp. 247–271.
10. Lakoff G. Pragmatics in natural logic. In: Formal semantics of natural language. Los Angeles, Cambridge University Press, 1975. pp. 253–286.
11. Lakoff R. The pragmatics of modality. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1972. Vol. 8. pp. 229–246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета; член-корреспондент МАНПО;
e-mail: ignago@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Nagornyy – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Institute of foreign languages, Jilin University; Corresponding Member of the International Academy of Science Teacher Education
e-mail: ignago@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И.А. Русские частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 25–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34

FOR CITATION

Nagornyy I.A. Russian particles as a tool of reflection of communication processes in the speech sphere. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 25–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34

УДК 81`42

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-35-55

ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: МЕЖДУ УНИКАЛЬНЫМИ «ЭКЗЕМПЛЯРАМИ» И НАУЧНЫМИ ОБОБЩЕНИЯМИ

Сидорова М.Ю.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема перехода от анализа уникальных объектов к обобщениям при лингвистическом изучении художественного текста. Сначала выявляются типичные нарушения логики этого перехода в современных исследованиях. Затем демонстрируется, как представление о правомерности лингвистического изучения художественного текста складывалось в мировой филологии второй половины XX в.; характеризуются факторы, повлиявшие на этот процесс, и методологические трудности преодоления разрыва между а) лингвистикой предложения и лингвистикой текста; б) изучением «сверхиндивидуальных», т. е. языковых, объектов и неповторимых «экземпляров», т. е. художественных текстов. В заключение автором формулируются методологические предпосылки преодоления типизированных в начале статьи исследовательских проблем.

Ключевые слова: лингвистика, художественный текст, генеративная грамматика, нарратология, лингвистика текста

GRAMMAR OF FICTIONAL TEXT: BETWEEN UNIQUE “EXAMPLES” AND SCIENTIFIC GENERALIZATIONS

M. Sidorova

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the problem of transition from unique objects to generalizations while analyzing works of fiction. First, we reveal violations in the logic of this transition which are typical for modern research. Then we demonstrate how world philology arrived at the idea of the legitimacy of linguistic study of fictional texts in the 2nd half of the 20th century. We characterize factors which influenced this process and methodological difficulties in overcoming the gap between a) sentence linguistics and text linguistics; b) studies of “superindividual”, e.g. linguistic, objects and inimitable examples, e.g. fictional texts. In conclusion, we formulate methodological prerequisites for the elimination of the research problems listed at the beginning of the article.

Key words: linguistics, fictional text, generative grammar, narratology, text linguistics.

...Всякое познание... всегда разрывается между двумя неизбежными и избитыми истинами – что объекты бывают только единичные и что наука бывает только об общем; которая зато ободряется и как бы намагничивается другой, не столь распространенной истиной: общее содержится в частном, а значит, вопреки общему пред-
рассудку, познаваемое – в таинственном.

Ж. Женетт

Данная статья – первая в серии, посвящённой методологическим проблемам современной лингвистики, и речь в ней пойдёт о проблеме, которую можно назвать если не вечной, то возвращающейся на разных этапах развития науки. Это вопрос, с одной стороны, о научной ценности лингвистического анализа отдельного литературного произведения, с другой – о способности лингвистики делать генерализации касательно текстов художественной литературы, о правомерности таких генерализаций, об условиях, которые должны быть выполнены для того, чтобы подобные генерализации были адекватными, то есть соответствовали сущности исследуемого предмета (произведений словесного творчества) и критериям научности. Без обобщений, желательно приводящих к классификациям и обладающих предсказующей силой, нет науки; и описывая, как выражался М. Рифаттерр в своей критике Р.О. Якобсона, “the grammar of the poem”, мы рискуем оказаться на уровне научности, эквивалентном бытовому утверждению «Моя кошка любит шоколад» и бесконечно далёком от утверждения научного «Кошки – млекопитающие». Но в то же время нет науки и без соответствия метода и цели предмету исследования, а уникальность, неподражаемость является сущностной чертой произведения художественной литературы, как и вся-

кого искусства, на которой во многом и основана роль этого произведения в эстетической коммуникации.

Об актуальности обозначенной проблемы сигнализирует содержание тезисов, поданных в 2016–2018 гг. на международную конференцию молодых учёных «Ломоносов» в секцию «Язык художественной литературы». Симптоматичными, с этой точки зрения, являются три типа подходов, каждый из которых представлен в многочисленных работах молодых исследователей. Продемонстрируем их, сопровождая примерами без указания авторов (поскольку тексты эти доступны для рецензирования только в анонимном виде, а дальше стадии рецензирования они не проходят).

1 тип. Берётся некоторый лингвистический объект, далее его общеизвестная классификация и текстовые функции иллюстрируются примерами из того или иного автора. В этом случае получается «исследование» под названием «Глаголы, обозначающие звуковую и содержательную стороны речи, в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”», «Безличные предложения в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: структура и семантика», «Бисубстантивные предложения как средство выражения оценки в прозе Л. Улицкой», «Метафорические модели в повести А. и Б. Стругацких “Понедельник начинается в субботу”» или

«Актуализация информации в односоставных предложениях (на материале произведений М.М. Пришвина)». Структура подобных тезисов однообразна. Дается определение объекта, констатируется его важность в языке вообще и/или в художественном тексте, далее то же самое сообщается про каждый вид объекта примерно по одной и той же схеме:

Обобщенно-личные предложения – это... Они используются для... Пример из «изучаемого» автора...

Неопределенно-личные предложения – это... Их использование позволяет... Пример из «изучаемого» автора...

Такую последовательность иногда инкрустируют констатацией (никакими подсчётами не подтверждённой) частотности этих предложений/глаголов и т. п. в текстах данного автора, а в качестве объяснения выдвигают опять же их «особую выразительность» или то, что они «позволяют ярко/живо/лаконично изобразить/представить/увидеть...». В заключении может присутствовать пафос, заменяющий вывод: «В целом, односоставные предложения в творчестве М.М. Пришвина позволяют передать все оттенки настроения и мироощущения автора, который стремился запечатлеть каждое мгновение, постичь его красоту, научить нас любить родную природу». Или: «...Глаголы, характеризующие звуковую и содержательную стороны речи, придают тексту художественного произведения яркость, метафоричность и экспрессивность, составляя неотъемлемую черту русского национального колорита». Очевидно, что подобные «выводы» могут быть присоединены к текстам, посвящённым многим писа-

телям, но при этом значимыми научными генерализациями не являются.

Штамповать подобные «исследования» можно сотнями (достаточно только представить матрицу, где по горизонтали – перечень всех известных лингвистических объектов, а по вертикали – список всех писателей и поэтов, творивших на русском языке). Приращение филологического знания от них – почти нулевое: мы ничего нового не узнаём ни об односоставных предложениях, ни о Пришвине, ни о безличных предложениях, ни об Улицкой, ни о метафорических моделях, ни о Стругацких. Вся русская литература в этом случае превращается в иллюстрацию Академической грамматики, справочника Д.Э. Розенталя или словаря поэтических образов Н.В. Павлович, о чём молодые исследователи открыто и заявляют в качестве выводов, например: «Исходя из перечисленного, можно сказать, что предметное поле «Люди, их действия и состояния» наиболее широко проиллюстрировано примерами из повести. Очевидно, что авторов более всего привлекают люди, их внутренняя жизнь: мысли, чувства, воспоминания, отношения».

Характерным для этого типа лингвистических работ является отказ от попытки самостоятельно сформулировать цель, идею, замысел, стратегию автора либо, заимствовав такую формулировку из литературоведческих работ или записных книжек, публицистики, комментариев самого автора, привести свои наблюдения в соответствие с этой целью, идеей и т. п., т. е. объяснить, какую роль играют «титulusные» лингвистические объекты в её реализации. Иными словами, это отказ от решения задачи, которую

ставил перед лингвистом, изучающим произведение художественной литературы В.В. Виноградов: «... Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать. И тогда его задача – в подборе слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней психологической объединённостью систему и сквозь неё прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [5, с. 3]. Ни о поиске «внутренней психологической объединённости», ни о «преобразующей» личности автора, подвергающей языковой материал **эстетическому оформлению**, речь не идёт.

Этот отказ проявляется как на уровне отдельных примеров, так и в попытках обобщения, для которых характерна крайне простая логика: данный лингвистический объект или приём используется исследуемым автором, потому что необходим и без него никак нельзя в художественной литературе. Решение задачи, сформулированной Виноградовым, подменяется рассуждениями о необходимости, например, метафоры «для создания у читателя образного представления о героях, что, в свою очередь, и приводит к более глубокому и полному пониманию авторского замысла и распределению смыслов текста» и о том, что «индивидуальная авторская метафора всегда содержит высокую степень художественной информативности, так как выводит слово (и предмет) из автоматизма восприятия, поскольку без метафорической насыщенности художественного текста невозможно создание ассоциативных художественных

образов у читателя, без чего, в свою очередь, невозможно достичь полного понимания смыслов текста». И у Стругацких, стало быть, тоже так. И у всех остальных.

2 тип. В качестве объекта исследования заявляется некоторая общая черта/особенность круга художественных текстов, ограниченного хронологически и/или по другому признаку, и эта общая черта рассматривается «на материале/примере произведений/языка» того или иного автора. При этом исследователь не утруждает себя доказательством того, что именно этот автор максимально репрезентативен для поставленной задачи. В этом случае получаются тезисы на тему «Особенности репрезентантов сравнений в современной женской прозе (на материале произведений М.Л. Степновой)» или «Семантический процесс именования в поэзии начала XX века (на примере языка А. Крученых)». Очевидно, что ни М.Л. Степнова, ни А. Крученых не могут служить основанием для генерализаций по сформулированным темам. У авторов подобных исследований явно «сбита» настройка индукции-дедукции.

3 тип. Постулируется якобы особая роль того или иного языкового элемента в творчестве некоторого писателя или поэта, и эта роль демонстрируется на отдельных примерах, подаваемых по модели «может быть так... а может и так...». В этом случае у нас получатся тезисы на тему «Особенности представления числа “три” в художественной прозе А.П. Чехова» или «Семантика синего цвета в произведениях В. Высоцкого». При этом подходе, в отличие от первого и второго, акцент делается на индивидуальности из-

учаемого автора, но эта «индивидуальность» выявляется даже не на примере отдельных произведений, а в отдельных словоупотреблениях. Например, «собственная, авторская символика, отличающаяся от общезыковой, характерной для русской лингвокультуры», у числительного «три» в рассказах Чехова может иллюстрироваться следующим образом: «К примеру, “три” становится символом неуверенности, когда данное количество употребляется вместо необходимого большего, к примеру, при описании рукопожатия: “Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец” (“Толстый и тонкий”). Данное числительное может стать знаком низкой цены, дешёвки: “Тебе, живущему на счёт жены, платить пятнадцать рублей за цилиндр, когда отлично, не в ущерб ни моде, ни эстетике, ты мог бы проходить в трёхрублевой шапке!” (“75000”). По-особому звучит числительное “три” в рассказе “Анна на шее”, где с его помощью отождествляются человек и вещи, предметы: “Значит, у вас теперь три Анны: одна в петлице, две на шее”. В этом логическом каламбуре автор с помощью числительного показывает униженное положение Анны, её бесправие, восприятие её другими героями как вещи». Проблема здесь даже не в случайности и нерепрезентативности трёх единичных примеров из трёх разных рассказов, не в ошибках лингвистической и лингвокультурологической интерпретации, а в том, что на основании этих примеров делается обобщающий вывод об «особенностях» символической системы писателя.

Безусловно, работы, из которых извлечены приведённые примеры,

ученические. Но, во-первых, это не исключения, а статистическая масса, преобладающий стандарт, во-вторых, как правило, тезисы, подаваемые на конференцию «Ломоносов», отражают содержание курсовых, дипломных работ и диссертаций их авторов, то есть исследований, выполняемых **под руководством**. Значит, перед нами не отдельные недопонимания отдельных студентов и аспирантов, а то, что претендует сейчас на норму в исследовании художественного текста. Но значит ли это, что мы разучились исследовать художественный текст и учить этому молодых филологов, причём это произошло после сравнительно недавнего бума, который лингвистическое изучение художественного текста пережило в отечественной науке в начале XXI в. и который выразился в появлении ряда монографий, содержавших существенную методологическую часть ([21; 22; 24] и др.)?

Мы полагаем, что корень проблемы как раз в том, что современное поколение молодых исследователей выросло в ситуации, когда право лингвиста заниматься художественным текстом неоспоримо, воспринимается как данность, и для них филологические дискуссии второй половины XX в., в которых это право выкристаллизовалось в жестоких спорах, – за научным горизонтом. Представляется, однако, что возвращение к этим дискуссиям и анализ аргументов, использовавшихся в них обеими сторонами, может иметь существенный методологический смысл, помогая расставить правильные ориентиры в лингвистическом изучении художественного текста.

В конце XX в. мировая наука нашла пути выхода из замкнутого круга, в

котором блуждали во второй половине столетия генеративная грамматика и нарратология, пытаясь обнаружить баланс между анализом отдельного текста, тем более художественного, с грамматическими «отклонениями», и теорией строения текста вообще или большой группы текстов; между последовательной, но «стерильной» теорией и простой регистрацией фактов [55, p. 225].

Генеративная грамматика с её стремлением вывести обладающие предсказующей силой, всеохватывающие и не противоречивые правила «грамматичности» (grammaticalness) предложений языка вставала в тупик, сталкиваясь с «аграмматичными» поэтическими структурами. В дискуссии 1960-х гг., стимулированной исследованиями Р. Якобсона по поэтике, в первую очередь [44] и продолженной в [38–40; 45–47; 49; 53; 54] и др., высказывались предложения:

- либо инкорпорировать поэтические «неправильные» предложения и тексты в грамматику языка,

- либо составить «список» структур-«исключений» (содержащий существующие высказывания, но не правила конструирования новых, им подобных),

- либо создать для художественных текстов особую грамматику, порождающую отдельный поэтический текст, «диалект» одного автора или «поэтический диалект» языка в целом.

Однако камнем преткновения в «генеративных» дискуссиях было убеждение, открыто или внутренне разделяемое в то время большинством их участников: “All stylistic studies are in some sense concerned with texts while those leading to the construction of

grammars ultimately are not” [54; p. 58]. Не случайно Т.А. Ван Дейк в аналитической статье 1971 г. «Некоторые проблемы генеративной поэтики», с одобрением оценивая энтузиазм «лингвистов, изучающих литературу» и «литературоведов, использующих грамматику» в поиске более адекватных инструментов исследования, замечал, что инструменты, предлагаемые трансформационной моделью, предназначались не для описания художественных текстов, а для описания «предложений художественных текстов» (“the wide-spread enthusiasm of linguists-studying-literature and of literary-scholars-using-grammar for the more adequate theoretical tools, offered by the transformational model with which the sentences of literary texts can be described”) [34, p. 5].

Грамматика заканчивалась уровнем изолированного предложения и сводилась к «правилам правильности» – она не выходила в текст (не рассматривала ни категории текста, ни взаимодействие текстового целого и составляющих его единиц) и не объясняла закономерностей функционирования языковых единиц и единств в коммуникации. При таком подходе текст закономерно оказывался объектом стилистики, но не грамматики. Описание отдельного текста сводилось к простому наклеиванию «этикеток», к “one-to-one relation” между текстом и метаязыком грамматики, к «сумме данных», в которой отсутствовали термины теоретические в полном смысле этого слова (т. е. выходящие за пределы непосредственных данных) [39, p. 2]. Из этого логично следовало утверждение, что «лингвиста, в отличие от литературного критика, обнару-

жение существенных различий между художественным и научным (или нехудожественным) текстом не интересует» [39, р. 18].

Грамматика художественного текста могла существовать только как грамматика одного единственного текста, причём текста «отклоняющегося», выходящего за пределы генеративной грамматики языка¹. В этом споре «грамматисты», утверждавшие, что “no grammatical analysis of a poem can give us more than the grammar of the poem” [49; р. 213]², и внешне противостоявшие им «структуралисты» (представители структурной, или генеративной, поэтики) оказывались, если вглядываться в суть, по одну сторону баррикады. Первые утверждали, что грамматику художественного текста построить нельзя, вторые – что следует заниматься грамматикой «художественных предложений».

А вот Р.О. Якобсон, будучи носителем русской филологической традиции, в этой дискуссии заметно отличается от тех представителей западной лингвистики, которые находятся на одной с ним стороне: Якобсона в лингвистическом исследовании художественного текста в первую очередь интересует сам **текст**, выполняющий «поэтическую», эстетическую функцию, тогда как его сторонники не могут вырваться из плена рассуждений о «поэтических» **предложениях**. Это ощущается, например, при сопостав-

лении работ Якобсона по «грамматике поэзии», включая компактные разборы стихотворений Пушкина «Я вас любил» и «Что в имени тебе моем» [28, 29] с книгой С. Левина «Лингвистические структуры в поэзии» [45], которая очевидно была написана под воздействием идей Якобсона, но при этом в качестве основной проблемы лингвистического исследования художественного текста постулировала опять же определение теоретического статуса неграмматичных предложений. «Грамматика художественного текста», по мысли Левина, должна была писаться именно для того, чтобы понять, являются эти предложения результатом особого стилистического «выбора» из грамматики обычного языка или поэзия нуждается в особой грамматике.

Несмотря на несостоятельность генеративно-грамматического подхода к художественному тексту как таковому, положительным итогом дискуссии стало усиление интереса к отношениям художественной литературы и грамматики, в конечном счёте ставшее одним из факторов, которые привели к оформлению в самостоятельную отрасль исследований лингвистики текста и перестройке отношений между стилистикой и грамматикой. Не случайно «извиняющаяся интонация», с которой У. Хендрикс в 1969 г. писал: “...Grammar may be useful and relevant to the description of style”, – в 1976 г. сменилась утвердительной в названии его книги “Grammars of Style and Styles of Grammar”³.

¹ Показательное обсуждение подобной «грамматики одного текста» стихотворения Э. Каммингса “Anyone lived in a pretty how town” см. в [39; 46; 53; 54].

² Подробный ответ Р. Якобсона, по поводу совместной статьи которого с К. Леви-Строссом о «Кошках» Бодлера было сделано приведённое замечание, см. в [43, р. 760–785].

³ Объём статьи не позволяет остановиться на той промежуточной стадии движения от грамматики предложения к грамматике текста, которую можно назвать «грамматикой последовательности предложений». См. [42] и краткий обзор в [34].

С другой стороны к поиску грамматики художественного текста двигалась **нарратология**, которой удалось преодолеть тенденцию к отрыву от реального словесного текста и утверждению независимости нарративных структур от средства реализации (“medium of realization”)¹ – словесного, кинематографического и др. Однако «грамматика повествования» не подошла к грамматике языка ближе, чем на уровень абстрактных актантно-предикатных схем [11; 19; 20; 23], иллюстрируя тем самым замечание Цв. Тодорова о том, что частотность метафорического употребления слов *язык, грамматика, синтаксис* заставляла забыть об их прямом значении [55, p. 118]. Характерно, что сразу же за этим замечанием в работе «Грамматика повествования» сам Тодоров в полной мере демонстрирует его верность, утверждая, что грамматика универсальна, как «психологическая реальность», не только в языке, но и в других сферах «символической» дея-

тельности людей (*activites symboliques de l'homme*) [55, p. 119]. Предлагаемая Тодоровым «грамматика» не могла выполнить поставленной перед ней задачи – выработать промежуточные, «посреднические» категории между словесным материалом и нарративными функциями Проппа. «Нарративные трансформации» Тодорова – детализация, но не изменение уровня описания и объяснения.

Но о том, что эти «промежуточные» категории были необходимы, всё активнее говорили – каждый со своей стороны – и лингвисты, стоявшие вне генеративной парадигмы, и литературоведы. И те, и другие осознавали, что существует уровень анализа, от них ускользающий, – уровень, лежащий между уровнем конкретных языковых средств построения текста (*immediate constituents*) самым большим из которых является предложение, и “larger-grained structures of certain types of literary discourse” [41; p. 557] или **фикциональным миром**: “The terminological arsenal of the literary scholars applies, often very well, to the largest-size levels of this structure; that of the linguist applies equally well to the smallest-size levels; but there is **at present a poorly explored terrain in between**” [41; p. 557]; “The fictional world arises from language but it is not clear how this ascent occurs” [31, p. 129]; «Можно сказать, что забрасывается либо слишком мелкая сеть (в которую попадают лишь чисто языковые объекты), либо слишком крупная (в которую попадают, по-видимому, лишь экстралингвистические объекты)» [3, с. 445].

Однако, как уже было сказано, ни генеративная грамматика, ни стилистика – с лингвистической стороны,

¹ Критику, хотя и недостаточно подкреплённую солидными аргументами, такого подхода в [30] см. в [39; p. 19]. Отрыв нарратологических построений от реального языкового воплощения нарративных структур был заложен уже в методологии В. Проппа. В западных теориях повествования второй половины XX в. была представлена типичная для развития науки ситуация: материал успешно сопротивлялся попыткам «грандов» от него оторваться, «ученики» оказывались побеждены теорией. Достаточно сравнить [2] и [26] с [50]. Наиболее грамматичен в лучшем смысле этого слова был Ж. Женетт [12], за что и навлек на себя обвинения, например, в том, что привлечение лингвистического аппарата и «инструментальное использование» литературной теории, которая должна «увековечивать идеологические представления о сущности литературных текстов», подрывает методологию исследования и ставит под сомнение результаты [48].

ни нарратология или теория фикциональности – со стороны литературоведения – не смогли справиться с задачей обнаружения этого «среднего уровня» (*middle-size level*) – ни в виде единиц текста, ни в виде принципов его организации. Складывалась в некоторой степени парадоксальная ситуация, в которой осознание необходимости анализа языковых объектов, больших, чем предложение, наталкивалось на тот факт, что лингвистика того времени в целом и грамматика в частности ограничивали себя уровнем предложения.

Выход за пределы этого уровня сводился к транспозиции свойств предложения на текст/дискурс, и Р. Барту уже в 1966 г. **подобной лингвистики** **начинает не хватать**. Ему, безусловно, требуется определённая смелость, чтобы перейти от утверждения о том, что «с точки зрения лингвистики в дискурсе нет ничего такого, чего не было бы в отдельном предложении», к следующему выводу: «Вместе с тем, очевидно, что сам дискурс (как совокупность предложений) определённым образом организован и предстаёт в качестве сообщения, построенного по правилам языка более высокого порядка, нежели тот, который изучают лингвисты: дискурс располагает собственным набором единиц, собственными правилами, собственной “грамматикой”; находясь по ту сторону предложения (хотя и состоя исключительно из предложений), дискурс, естественно, должен быть объектом некоей другой лингвистики» [2, с. 390]. **Симптоматично**, что Барт здесь два раза использует слово «правила»: отталкиваясь от современной ему лингвистики, не желающей заниматься «правилами

высшего порядка», определяющими построение дискурса, он ищет лингвистики новой, при этом, судя по предъявляемым им критериям, весьма грамматичной, ибо грамматика как раз и есть наука о правилах.

Это движение к поиску «правил высшего порядка» и общих текстовых структур имело два существенных результата:

1) оформление как отдельной дисциплины «лингвистики текста», которая эксплицитно перевела текст из статуса источника языкового материала в статус законного объекта лингвистики, сконцентрировала внимание исследователей на текстовых единствах и позволила сформулировать целый ряд особенностей (не всегда претендовавших на статус правил) их построения; однако такой методологический недостаток как резкое разграничение лингвистики «до уровня предложения» и «лингвистики текста» не позволил ей охватить общими правилами всю систему языка и её функционирование, что смогли сделать системно-функциональная грамматика М.А.К. Холлидея [35–37] и коммуникативно-функциональная грамматика Г.А. Золотовой [13–17];

2) изменение методологического фокуса в литературоведческом исследовании словесных произведений. Мнение, что гуманитарные науки («науки о культуре») в отличие от точных, естественных наук интересуются конкретными, индивидуальными объектами, а не общими законами их построения и функционирования, стало уступать место (как в результате внутреннего развития литературоведения, так и под влиянием лингвистической парадигмы) убеждённости, что

обнаружение и понимание уникальных свойств объекта возможно лишь в соотнесении с некоторой схемой, матрицей, моделью общих, потенциальных свойств [56, p. 17].

Последняя тенденция, однако, полной реализации не получила. Р. Уэллек и Э. Уоррен писали в своей «Теории литературы», первое издание которой вышло в 1948 г.: “... **One should recognize that each work of literature is both general and particular, or – better, possibly – is both individual and general. Individuality can be distinguished from complete particularity and uniqueness. Like every human being, each work of literature has its individual characteristics but it also shares common properties with other works of art, just as every man shares traits with humanity, with all members of his sex, nation, class, profession, etc. We can thus generalize concerning works of art, Elizabethan drama, all drama, all literature, all art. Literary criticism and literary history both attempt to characterize the individuality of a work of an author, of a period or of a national literature. But this characterization can be accomplished only in universal terms, on the basis of a literary theory**” [56; p. 19]. А спустя полвека С. Чэтмен использовал в качестве эпиграфа к своей статье 1998 г. «Что же случилось с теорией литературы?», содержащей критический обзор развития теоретического литературоведения последних десятилетий и пессимистическую характеристику его тогдашнего состояния, слова А. Конан-Дойля – «Огромная ошибка – теоретизировать, пока у вас нет данных» (It is a capital mistake to theorize before one has data) [32, p. 367]. Примерами верного, продуктивного соотношения между научной теорией

и практикой Чэтмен считал развитие теорий «точки зрения» и нарратологию: обе они возникли из изучения материала как попытки его объяснить и развивались «по подсказке» материала, «модифицируясь под давлением контрпримеров».

Идеальной иллюстрацией того, как методологические сомнения касательно специфического и общего, теории и частных наблюдений в анализе произведения художественной литературы успешно разрешаются в нарратологической работе, является предварение Ж. Женетта к его сочинению «Повествовательный дискурс». Оно начинается заявлением: «Специфический объект настоящего исследования – это повествование в книге Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”». Явное противоречие между обозначенным объектом и названием исследования требует методологических разъяснений, которые Женетт предоставляет немедленно. Сначала он противопоставляет два принципиально различных подхода к прояснению данной ситуации: «либо открыто и явно отдать, как это делают другие, специфический объект исследования на откуп общему подходу, а критический анализ – на откуп теории (тогда «Поиски» окажутся здесь не чем иным, как поводом для обсуждения общих проблем, источником примеров и иллюстраций для нарративной поэтики, где специфические черты романа окажутся подавленными «законами жанра»); либо, наоборот, подчинить поэтику критике, сделать предлагаемые здесь понятия, классификации и процедуры исключительно инструментами *ad hoc*, предназначенными для точного и строгого описания прустовского повествования

во всём его своеобразии, обращаясь к теоретическим отступлениям только в целях уточнения метода». Однако ни одна из этих систем защиты не устраивает Женетта: ему «представляется невозможным рассматривать “В поисках утраченного времени” в качестве простой иллюстрации того, что могло бы считаться повествованием вообще, или повествованием романном, или повествованием автобиографическим, или повествованием Бог знает какого еще класса, сорта или разновидности: специфичность прустовской наррации, взятой в ее целостности, не сводима ни к чему другому, и какие-либо экстраполяции будут здесь методологически ошибочными; “Поиски” иллюстрируют только сами себя». Тем не менее, с точки зрения Женетта, эта специфичность может быть объектом научного анализа, сопоставлений, сравнений и обобщений: «Как и всякое художественное произведение, как всякий целостный организм, “Поиски” построены из универсальных или по меньшей мере сверхиндивидуальных элементов, которые собраны здесь в специфическое соединение, в некую своеобразную целостность. Анализ последней – это отнюдь не движение от общего к частному, но скорее от частного к общему: от того неповторимого предмета, каковой представляют собой “Поиски”, к тем сугубо общим элементам, фигурам и процедурам, общедоступным и широко используемым, которые я называю анахронизмами, итеративами, фокализациями, паралепсисами и т. п.» [12, с. 61–62].

Здесь следует подчеркнуть утверждения о том, что «Поиски» «иллюстрируют только сами себя» и представляют собой «неповторимый предмет».

Без опоры на подобные утверждения и констатации сути этой неповторимости невозможен ни нарратологический, ни лингвистический анализ художественного произведения. Второй важнейший компонент мысли Женетта – утверждение, что в этом «неповторимом предмете» «сверхиндивидуальные элементы» «собираются в специфическое соединение, в некую своеобразную целостность», – по сути синонимично приведённому выше высказыванию В.В. Виноградова и, соответственно, резко противоречит тем трём типам «ученических методологий», о которых мы говорили в начале. Переноса мысль Женетта с нарратологического на лингвистический анализ художественного текста, можно сказать: если безличные предложения, биноминативные предложения, метафора и т.п. – это сверхиндивидуальные элементы, то задача исследователя состоит в том, чтобы определить, каким образом они вступают в «специфическое соединение», обеспечивая неповторимость целостности.

Итак, позитивным методологическим результатом развития мировой филологии (в который, следует признать, больше вклада было внесено со стороны литературоведческой, прежде всего структурной поэтики и нарратологии, чем с лингвистической), в конце XX в. явилось выяснение соотношения между анализом отдельного текста и обобщениями, касающимися больших групп текстов, методологическое обоснование распространения результатов исследования индивидуального текста на тип текстов. Открытые независимо и примерно одновременно в системно-функциональной грамматике М.А.К. Холлидея и функцио-

нально-коммуникативной грамматике Г.А. Золотовой возможности объяснения системы языка и его текстового функционирования на базе общей грамматической теории, обнаружение того, что грамматика слова, предложения и текста – единая грамматика, а не разные, – подкрепили это обоснование с лингвистической стороны.

Что касается отечественного литературоведения и языкознания, исторически в них возможность по частному заключать об общем понималась как должное и не требовала особых доказательств, в том числе по отношению к тексту, а право лингвиста на анализ художественного текста воспринималось как естественное. Естественное движение от изучения отдельного произведения или писателя к теоретическим выводам было подкреплено крупнейшими авторитетами российской филологии. Ещё Ф.И. Буслаев в работе «Риторика и пиитика» указывал «исходную точку учению словесности»: «... Самой природой указывается путь преподаванию; как у всех народов теория словесности составлялась вследствие изучения образцов, так и каждый ученик должен вступить в теорию через самостоятельное чтение. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связывает ученика и лишает его свободного сознания, получая вид предрассудка» [4; с. 49]. Это касается не только учеников, но и учёных – теория и история словесности, утверждает Буслаев, «извлекаются» из чтения писателя, как из своего источника. В.В. Виноградов во многих своих работах ставил и решал задачи изучения индивидуального стиля писателя как проявления «стилистически-речевой специфики

художественной литературы», отражения «стиля эпохи» или «стиля школы» и источника сведений по истории русского литературного языка [5–8]. «Законы словесно-художественного творчества народа, отражающиеся и в развитии его языка, определяют направление, характер речетворчества писателей, строй образов и состав экспрессивных красок, используемых в литературных произведениях» [7, с. 208], – писал он. Литературное произведение должно рассматриваться лингвистом и как «представитель языкового типа» (исторического, общественно-социального), и как «отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений и эмоций» [5; с. 3]. Соблюдение этих требований обеспечивало методологический баланс, сохранявшийся в работах отечественных мэтров лингвистического изучения художественного текста и во второй половине XX в. В работах Е.А. Иванчиковой, Г.А. Золотовой и других учёных продуктивно используется термин «синтаксическая композиция художественного текста», предполагающий «характеристику разных сторон синтаксиса вычленяемых в данном тексте композиционно-тематических отрезков как частей структурного целого – с точки зрения отраженности в синтаксисе художественно-образного содержания» [18, с. 54]. «Общим итогом рассмотрения синтаксической композиции одного произведения писателя должно являться установление типологии композиционно-синтаксических форм в этом произведении, а также типологии

связи частей текста. ... Необходимым предварительным условием анализа синтаксической композиции художественного текста является учёт жанровой принадлежности художественного произведения и принятой в нём позиции автора», – пишет Е.А. Иванчикова [18, с. 54]. Как мы видим, и вопрос соотношения языковых компонентов художественного текста и его эстетической цельности, и вопрос соотношения единичности и типологичности здесь решены недвусмысленно – с опорой на функциональную специфику и образ автора.

Но если правомочность лингвистического анализа художественного текста в отечественной традиции не ставилась под вопрос, то дискуссии о правомочности **«лингвистики текста»** как особой дисциплины, её объекте, задачах и методах отечественное языкознание в последней трети XX в. переживало в полном соответствии с мировой тенденцией. Эта дисциплина своим возникновением, с одной стороны, отвечала, как сейчас принято говорить, на вызов Р. Барта и эксплицитно объявляла текст законным объектом лингвистики, с другой – в большинстве своих реализаций не преодолевала, а укрепляла барьер между лингвистикой предложения и лингвистикой текста¹. Именно в результате сохранения этого разграничения учёным пришлось задуматься о референции слова «текст» в названии новой дисциплины: является ли оно «именем класса», а если да, то каким образом собираются данные для этой науки? Примером размышлений на эту тему мо-

гут служить материалы конференции «Лингвистика текста», проходившей в Москве в 1974 г. Тогда в своих тезисах Ю.М. Скребнев отмечал, что «основу лингвистики текста образует эмпирическое представление о типичных для письменных форм общения речевых сегментах значительной протяженности, хотя порождением текстов такого рода не исчерпывается речевая деятельность общества» [25, с. 60]. Скептически оценивая возможность научного определения конкретных, операциональных, «научных» признаков текста *in toto* и соответственно перспективы «глобальной» лингвистики текста, он полагал, что «более точные данные могут быть получены при обращении исследователя не к тексту вообще, а к текстовым типам – путём обследования групп текстов, однородных по социальной функции. Если проблематична возможность создания лингвистики **текста** как дисциплины, сочетающей практический результат с научной строгостью, то вполне перспективно существование лингвистики **текстов**» [25, с. 61].

Такой «лингвистикой» исторически была стилистика, которой для стилистической идентификации текста всегда требовался отрезок, больший, чем одно предложение. Стилистическая компетенция носителей языка обусловлена локализованностью представлений о типах текстов в языковом сознании, т. е., тем самым, в самой структуре языка» [25, с. 66]. Традиционная формальная грамматика с задачей изучения текста справиться не могла: фигура говорящего и понятие «функции» ещё не стали фокусами грамматического описания, шаг

¹ Общее представление о содержании и динамике разворачивавшихся дискуссий в советской и мировой лингвистике дают [9] и [52].

от структурных схем предложения к структуре текста был неосуществим.

Не случайно на той же конференции П. Щедровицкий предложил две программы лингвистики текста. Либо лингвистика текста ставит перед собой задачу «распространить методы традиционной грамматики на отрезки речи большие, нежели предложение», либо она нацеливается на научное описание «во-первых, механизмов функционирования текстов в коммуникации и трансляции, во-вторых, естественных и искусственных механизмов порождения этих текстов, и наконец, в-третьих, строения самих текстов, обусловленного указанными выше моментами». Во втором случае «тексты как таковые будут резко противопоставляться системе языка» и «такая установка с самого начала исключит всякую возможность использовать традиционные средства и методы грамматики и заставит нас разрабатывать принципиально новую систему понятий и новые методы анализа» [27].

С.И. Гиндин в 1981 г., говоря о двух группах трактовок понятия «текст», отмечал, что «филологические» трактовки «объединяются противопоставлением того знакового образования (сообщения), которое передаётся в акте коммуникации, той знаковой системе (или системам), из элементов которой и по правилам которой оно построено» [10, с. 27]. Смена угла зрения в грамматиках Золотовой и Холлидея (не предложения образуют текст, не текст подчиняет себе предложения, а говорящий в соответствии со своей коммуникативной задачей и коммуникативной ситуацией формирует из

предложений цельный текст) положила конец этому противопоставлению.

Терминологическое сочетание «лингвистика текста» упрекали за нелогичность, поскольку оно как бы имплицировало возможность «лингвистики морфемы», «лингвистики слова», «лингвистики фонемы». Тем не менее эта формулировка играла свою позитивную методологическую роль. В коллективной монографии [1, с. 6] подчёркивалось, что термин «лингвистика текста» не может распространяться на «исследования, использующие текст лишь как источник необходимых языковых фактов, но не рассматривающие текст как целостное, законченное образование, функционирование элементов в котором обусловлено в первую очередь такими характеристиками текста, как связность, целостность и отдельность». А именно с примерами таких исследований мы встретились в начале данной статьи. «... Лингвистика текста видит свою задачу именно в комплексном рассмотрении текста; если же внимание исследователя сосредоточивается на отдельных компонентах текста ... то обязательно с учётом их взаимосвязи с другими элементами текста в плане выполнения общего коммуникативного задания и собственно текстообразования. Отсутствие такого комплексного подхода к тексту и стремления ответить на вопрос «почему в тексте использовано именно это языковое средство и как оно связано с языковыми средствами других уровней, используемыми в том же тексте, в процессе выполнения коммуникативного задания», то есть невыявление структурной и коммуникативной взаимообусловленности единиц текста, относит проведённое

исследование к области уровня или функционального анализа» [1, с. 6]. В результате такой ориентации, а также сопротивления языкового материала искусственному «отталкиванию» лингвистики текста от лингвистики предложения, это отталкивание стало преодолеваться уже в пределах первой, о чём свидетельствует, например, содержание сборника [51].

Суммируя вышесказанное, можно обозначить следующие этапы разработки рассматриваемой методологической проблемы во второй половине XX в.

1. Генеративная грамматика на Западе и формальная грамматика в СССР до 1970-х гг.: верхний уровень анализа – предложение, поэтому вопрос о соотношении лингвистического анализа уникальных текстов с генерализацией не стоит.

2. Генеративная / структурная поэтика: существенный разброс мнений – от сведения цели «грамматики поэзии» до изучения «поэтических предложений», с одной стороны, до якобсонианского комплексного анализа текста с учётом интенции автора – с другой, и обращения к позиции субъекта – читателя, совмещающего языковую и литературную компетенции (обе – включающие набор правил интерпретации текста) у Дж. Куллера [33].

3. Западная теория литературы, нарратология, теория фикциональности того же периода: генерализации о художественных текстах возможны; необходим «промежуточный» между лингвистикой, не выходящей за пределы предложения, и литературоведением, оперирующим более крупными категориями уровня анализа; нужна

другая лингвистика – наука о «правилах высшего порядка».

4. Отечественная лингвистика (в первую очередь школа акад. В.В. Виноградова): художественный текст – законный предмет лингвистического исследования; генерализации о нём возможны и необходимы; грамматический и стилистический анализ текста гармонизированы (без пространного теоретического обсуждения их соотношения); условия релевантности лингвистического анализа текста – опора на позицию автора и функциональную специфику, на рассмотрение языковой ткани текста в её единстве и в соотношении с художественной интенцией автора.

5. Лингвистика текста с 1970-х гг. на Западе и в СССР: текст эксплицитно утверждается как объект лингвистики; методологический плюс – «запрет» на рассмотрение отдельного языкового факта в тексте вне целостности текста и взаимодействия с другими объектами; методологический минус – отказ от построения общей грамматики от слова до текста, сегрегация лингвистики текста от лингвистики других уровней и языковой системы в целом.

6. Системно-функциональная грамматика М.А.К. Холлидея и коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой утверждают единую парадигму анализа всех уровней языковой системы и их функционирования, включая текст, и вступают в плодотворное взаимодействие с разнообразными методологиями лингвистического анализа художественного текста, выстроенными вокруг фигуры субъекта – автора или читателя (такими, например, как система авторских стратегий О.Г. Ревзиной).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. 191 с.
2. Барт Р. Введение в структуральный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Московский государственный университет, 1987. С. 387–422.
3. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 442–449.
4. Буслаев Ф.И. Риторика и пиитика // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С. 41–50.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды. М.: Наука, 1980. Т. V. 296 с.
6. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы // Избранные труды. М.: Наука, 1976. Т. IV. 511 с.
7. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
8. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия наук СССР, 1963. 252 с.
9. Гиндин С.И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1977. Т. 36. № 4. С. 348–366.
10. Гиндин С.И. Что такое текст и лингвистика текста // Аспекты изучения текста: сборник научных трудов. М.: Университет дружбы народов, 1981. С. 25–32.
11. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Вестник Московского государственного университета. Филология. 1996. № 1. С. 118–135.
12. Женетт Ж. Фигуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. Т. 1–2. 944 с.
13. Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – деятельность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 287 с.
14. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.
15. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 284–296.
16. Золотова Г.А. О перспективах синтаксических исследований // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 500–514.
17. Золотова Г.А. Труды В.В. Виноградова и проблемы текста // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1995. № 4. С. 84–98.
18. Иванчикова Е.А. О принципах изучения синтаксической композиции художественного текста // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33. Вып. 1. С. 53–59.
19. Косиков Г.К. От Проппа к Греймасу // Вестник Московского государственного университета. Филология. 1996. № 1. С. 114–117.
20. Косиков Г.К. Структурная поэтика сюжетосложения во Франции // Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. М.: Наука, 1984. С. 155–205.
21. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось–89, 1999. 192 с.
22. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
23. Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 627 с.
24. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Центр-М, 2000. 416 с.

25. Скребнев Ю.М. Функциональный аспект лингвистики текста // *Лингвистика текста*. 1974. Т. 2. С. 60–66.
26. Тодоров Цв. Грамматика повествовательного текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1978. Вып. 8. С. 450–463.
27. Щедровицкий П. Как возможна «лингвистика текста»: две программы исследований // *Лингвистика текста*. 1974. Т. 2. С. 197–204.
28. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // *Poetics. Poetyka. Поэтика*. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Institut Badan Literackich. Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. С. 397–417.
29. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
30. Bremond C. Le message narratif // *Communications*. 1964. Vol. 4. pp. 4–32.
31. Burton D.M., Michaels E.L. The Style function // *Poetics*. 1972. Vol. V. pp. 124–137.
32. Chatman S. Whatever happened to literary theory? // *Southern Review*. 1998. Vol. 34. No. 2. pp. 367–383.
33. Culler J.D. *Structuralist Poetics: structuralism, linguistics and the study of literature*. London: Routledge and Kegan Paul, 1975. 301 p.
34. Dijk van T.A. Some problems of generative poetics // *Poetics*. 1971. Vol. 1. Iss. 2. pp. 5–35.
35. Halliday M.A.K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors* // *Explorations in the Functions of Language*. London: Edward Arnold, 1973. pp. 103–143.
36. Halliday M.A.K. The Linguistic Study of Literary Texts // *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague: Mouton, 1964. pp. 301–307.
37. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976. 375 p.
38. Hendricks W.O. *Essays on semiolinguistics and verbal art*. The Hague–Paris: Mouton, 1973. 210 p.
39. Hendricks W.O. Three Models for the Description of Poetry // *Journal of Linguistics*. 1969. Vol. V. No. 1. pp. 1–22.
40. Hill A.A. Some further thoughts on grammaticality and poetic language // *Style*. 1967. Vol. 1. No. 2 pp. 81–91.
41. Hockett Ch.F. *A Course in Modern Linguistics*. New-York: Macmillan, 1958. 621 p.
42. Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie // *ASG-Bericht*. 1968. No. 2. s. 1–18.
43. Jakobson R. *Poetry of grammar and grammar of poetry*. New-York: Mouton Publishers, 1981. 814 p.
44. Jakobson R., Levi-Strauss C. “Les Chats” de Charles Baudelaire // *L'Homme*. 1962. T. II. No. 1. pp. 5–21.
45. Levin S.R. *Linguistic Structures in Poetry*. The Hague: Mouton, 1962.
46. Levin S.R. Poetry and Grammaticalness // *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague: Mouton, 1964. pp. 308–314.
47. Levin S.R. Two Grammatical Approaches to Poetic Analysis // *College Composition and Communication*. 1965. Vol. 16. No. 5. pp. 256–260.
48. Rees van C.J. Some Issues in the Study of Conceptions of Literature: a Critique of the Instrumentalist View of Literary Theories // *Poetics*. 1981. Vol. X. No. 1. pp. 49–89.
49. Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Baudelaire's *Les Chats* // *Yale French Studies*. 1966. No. 36/37. pp. 200–242.
50. Ruder V. *Semiotique du Conte* // *Poetics*. 1972. Vol. VI. pp. 50–71.
51. *Tekst i Zdanie. Zbiór studiów* / red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 389 p.

52. Text vs. Sentence: Basic Questions of Text Linguistics. 2 vols. / Ed. By Petofi J.S. Hamburg: Buske, 1979.
53. Thorne J.P. Poetry, Stylistics and Imaginary Grammars // Journal of Linguistics. 1969. Vol. V. no. 1. pp. 147–151.
54. Thorne J.P. Stylistics and Generative Grammar // Journal of Linguistics. 1965. Vol. I. No. 1. pp. 49–59.
55. Todorov Tz. Poétique de la prose. Paris: Éditions du Seuil, 1971. 189 p.
56. Wellek R, Warren A. Theory of Literature. London: Penguin Books, 1973. 375 p.

REFERENCES

1. Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta [Aspects of general and special linguistic theory of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 191 p.
2. Bart R. [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. In: Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. [Foreign aesthetics and literary theory 19–20th centuries]. Moscow, Moscow State University Publ., 1987. pp. 387–422.
3. Bart R. [Linguistics of text]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978. Iss. 8. pp. 442–449.
4. Buslaev F.I. [Rhetoric and poetics]. In: Russkaya slovesnost'. Antologiya [Russian literature. Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997. pp. 41–50.
5. Vinogradov V.V. [On the language of artistic prose]. In: Izbrannyye trudy [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. V. 296 p.
6. Vinogradov V.V. [The poetics of the Russian literature]. In: Izbrannyye Trudy [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Vol. IV. 511 p.
7. Vinogradov V.V. Problemy russkoi stilistiki [Problems of the Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 320 p.
8. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika [Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1963. 252 p.
9. Gindin S.I. [The Soviet text linguistics. Some problems and results (1948–1975)]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Department of Literature and Language], 1977, vol. 36, no. 4, pp. 348–366.
10. Gindin S.I. [What is text and text linguistics]. In: Aspekty izucheniya teksta: sbornik nauchnykh trudov [Aspects of the study of the text: collection of scientific papers]. Moscow, 1981. pp. 25–32.
11. Greimas A.J. [Reflections on actantial models]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Moscow State University Bulletin. Philology], 1996, no. 1, pp. 118–135.
12. Zhenett Zh. Figury [Figures]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. Vol. 1–2. 944 p.
13. Zolotova G.A. [Speaking person and text structure]. In: Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – deyatelnost' [Language as a system. Language as a text. Language as an activity]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1995. 287 p.
14. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow, 1982. 368 p.
15. Zolotova G.A. [Composition and grammar]. In: Yazyk kak tvorchestvo [Language as creativity]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1996. pp. 284–296.
16. Zolotova G.A. [On the prospects for syntactic studies]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Department of Literature and Language], 1986, vol. 45, no. 6, pp. 500–514.

17. Zolotova G.A. [Works of V. Vinogradov and problems of the text]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], 1995, no. 4, pp. 84–98.
18. Ivanchikova E.A. [On the principles of study of the syntactic composition of a literary text]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language], 1974, vol. 33, no. 1, pp. 53–59.
19. Kosikov G.K. [From Propp to Greimas]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Philology], 1996, no. 1, pp. 114–117.
20. Kosikov G.K. [Structural poetics of plot construction in France]. In: Zarubezhnoe literaturovedenie 70-kh godov. Napravleniya, tendentsii, problemy [Foreign literature of the 70s. Directions, trends, problems]. Moscow, Nauka Publ., 1984. pp. 155–205.
21. Lukin V.A. Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii i elementy analiza [Literary text: the foundations of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow, Os'–89 Publ., 1999. 192 p.
22. Nikolina N.A. Filologicheskii analiz teksta [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 256 p.
23. Stepanov Yu.S., ed. Semiotika. [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983. 627 p.
24. Sidorova M.Yu. Grammatika khudozhestvennogo teksta [The grammar of a literary text]. Moscow, Centr-M Publ., 2000. 416 p.
25. Skrebnev Yu.M. [The functional aspect of text linguistics]. In: Lingvistika teksta [Text linguistics], 1974, vol. 2, pp. 60–66.
26. Todorov Ts. [The grammar of the narrative text]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics], 1978, iss. 8, pp. 450–463.
27. Shchedrovitskii P. [What makes “text linguistics” possible: two programs of research]. In: Lingvistika teksta [Text linguistics], 1974, vol. 2, pp. 197–204.
28. Jakobson R.O. [Poetry of grammar and grammar of poetry]. In: Poetics. Poetyka. Poetika [Poetics. Poetyka. Poetics]. Warszawa, Polska Akademia Nauk, Institut Badan Literackich, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. pp. 397–417.
29. Jakobson R.O. Raboty po poetike [Work on the poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.
30. Bremond S. Le message narrative. In: Communications, 1964, vol. 4, pp. 4–32.
31. Burton D.M., Michaels E.L. The Style function. In: Poetics, 1972, vol. V, pp. 124–137.
32. Chatman S. Whatever happened to literary theory? In: Southern Review, 1998, vol. 34, no. 2, pp. 367–383.
33. Culler J.D. Structuralist Poetics: structuralism, linguistics and the study of literature. London, Routledge and Kegan Paul, 1975. 301 p.
34. Dijk van T.A. Some problems of generative poetics. In: Poetics, 1971, vol. 1, iss. 2, pp. 5–35.
35. Halliday M.A.K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors*. In: Explorations in the Functions of Language. London, Edward Arnold, 1973. pp. 103–143.
36. Halliday M.A.K. The Linguistic Study of Literary Texts. In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, Mouton Publ., 1964. pp. 301–307.
37. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman, 1976. 375 p.
38. Hendricks W.O. Essays on semiolinguistics and verbal art. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1973. 210 p.
39. Hendricks W.O. Three Models for the Description of Poetry. In: Journal of Linguistics, 1969, vol. V, no. 1, pp. 1–22.

40. Hill A.A. Some further thoughts on grammaticality and poetic language . In: *Style*, 1967, vol. 1, no. 2, pp. 81–91.
41. Hockett Ch.F. *A Course in Modern Linguistics*. New-York, Macmillan Publ., 1958. 621 p.
42. Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie. In: *ASG-Bericht*, 1968, no. 2, s. 1–18.
43. Jakobson R. *Poetry of grammar and grammar of poetry*. New-York, Mouton Publishers, 1981. 814 p.
44. Jakobson R., Lévi-Strauss C. “Les Chats” de Charles Baudelaire. In: *L’Homme*, 1962, T. II, no. 1, pp. 5–21.
45. Levin S.R. *Linguistic Structures in Poetry*. The Hague, Mouton Publ., 1962.
46. Levin S.R. *Poetry and Grammaticalness*. In: *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague, Mouton Publ., 1964. pp. 308–314.
47. Levin S.R. *Two Grammatical Approaches to Poetic Analysis*. In: *College Composition and Communication*, 1965, vol. 16, no. 5, pp. 256–260.
48. Rees van C.J. Some Issues in the Study of Conceptions of Literature: a Critique of the Instrumentalist View of Literary Theories. In: *Poetics*, 1981, vol. X, no. 1, pp. 49–89.
49. Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Buadelaire’s Les Chats. In: *Yale French Studies*, 1966, no. 36/37, pp. 200–242.
50. Røder V. *Semiotique du Conte*. In: *Poetics*, 1972, vol. VI, pp. 50–71.
51. Dobrzyńska T., Janus E., ed. *Tekst i Zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 389 p.
52. Petofi J.S., ed. *Text vs. Sentence: Basic Questions of Text Linguistics*. 2 vols. Hamburg, Buske, 1979.
53. Thorne J.P. *Poetry, Stylistics and Imaginary Grammars*. In: *Journal of Linguistics*, 1969, vol. V, no. 1, pp. 147–151.
54. Thorne J.P. *Stylistics and Generative Grammar*. In: *Journal of Linguistics*, 1965, vol. I, no. 1, pp. 49–59.
55. Todorov Tz. *Poetique de la prose*. Paris, Éditions du Seuil, 1971. 189 p.
56. Wellek R, Warren A. *Theory of Literature*. London, Penguin Books, 1973. 375 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: sidorovadoma@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Sidorova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian language, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: sidorovadoma@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными «экземплярами» и научными обобщениями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 35–55.

DOI: [10.18384/2310-7278-2018-4-35-55](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-4-35-55)

FOR CITATION

Sidorova M.Yu. Grammar of fictional text: between unique “examples” and scientific generalizations. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 35–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-35-55

УДК 811.161.1'38

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-56-71

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ СОКРАЩЁННЫХ ДЕРИВАТОВ НАЧАЛА ХХІ В., МОТИВИРОВАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ

Янь Юй*Университет имени Сунь Ятсена**519000, г. Чжухай, Залив Танцзя, Университетский проспект, д. 2,**Китайская Народная Республика*

Аннотация. В статье рассмотрена вся совокупность теоретических проблем, связанных с принципами классификации сокращённых слов русского языка. Предметом анализа послужили сокращения-неологизмы, мотивированные заимствованиями, типа *скейт* (←*скейтборд*). Автор показывает, что такие слова, как *скейт*, включены в формально-смысловые отношения с другими лексическими единицами, что делает их полноправными элементами русской словообразовательной системы. Выводы исследования строятся на всестороннем изучении сплошной выборки сокращений из двух словарей неологизмов ХХІ в. В результате анализа языкового материала в статье установлены и охарактеризованы три продуктивных класса сокращений анализируемого типа, соответственно с начальными (*байк* ← *аквабайк*), конечными (*боулинг*₂ ← *боулинг-клуб*) и срединными (*Инет* ← *Интернет*) сокращаемыми компонентами.

Ключевые слова: актуальная лексика, заимствование, неологизмы ХХІ века, словообразование, производность, сокращение, деривационный класс сокращённых слов.

CLASSIFICATION PROBLEMS OF THE RUSSIAN REDUCED DERIVATES IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY, MOTIVATED BY BORROWED WORDS

Yan Yu*Sun Yatsen University**135, Xingang Xi Road, Guangzhou, 510275, People's Republic of China*

Abstract. This article deals with the whole set of theoretical problems connected with the classification principles of abbreviated words in the Russian language. The subject of the analysis was the abbreviations-neologisms motivated by borrowings (such as *скейт* ← *скейтборд*). The author shows that words like *скейт* are included in formal-semantic relationships with other lexical units, which makes them full-fledged elements of the Russian word-formation system. The conclusion of the study is based on a comprehensive study of the continuous samples of abbreviations from two dictionaries of the neologisms of the 21st century. As a result of the linguistic material analysis, three productive classes of the analyzed type abbreviations are established in the article, according to with reduced beginning (*байк* ← *аквабайк*), end (*боулинг* ← *боулинг-клуб*) and middle (*Инет* ← *Интернет*) components.

Key words: actual lexicon, borrowed words, neologisms of the 21st century, word formation, production, reduction, derivational class of words.

Сокращённые слова как объект derivационного анализа

Одной из особенностей современной русистики является неослабевающий интерес к словарной фиксации русской лексики рубежа XX–XXI вв. [6; 18; 19; 21; 22] и всестороннее изучение её языковых (в частности, словообразовательных) свойств [8; 11; 17; 25–27 и др.].

В данной статье анализируется один из классов русских дериватов-неологизмов, активно используемых в русской речи начала XXI в., – сокращённые слова, мотивированные иноязычными заимствованиями и семантически эквивалентные им. Сравним в спортивном жаргоне: *скейт* ← *скейтборд* ‘короткая доска на роликах’ [19, с. 921]. Такие дериваты являются реализацией компрессивной функции словообразования [9, с. 102–113] – функции деривационного «сжатия», или сокращения, производящей базы деривата в результате словообразовательного акта.

Мы не рассматриваем иные, даже очень похожие виды дериватов, в частности сокращения типа *техно* ‘«технологический» стиль в искусстве (архитектуре, дизайне, поп-музыке)’ (см. [19, с. 984; 22, с. 571]). Дело в том, что такие слова не являются неологизмами XXI в. (*техно* присутствует уже в толковом словаре языковых изменений конца XX в. [18, с. 631]). Кроме того, дериват *техно* образован не от заимствования последних двух десятилетий, а от русского прилагательного в составе терминологического словосочетания *технологический стиль*.

Не анализируются нами и такие сокращённые дериваты, при образовании которых, кроме словообразовательной операции сокращения производящего, используется аффиксация. Так, в XXI в. в словарях русского языка появилось слово *вамп* ‘женщина, обольщающая мужчин, часто являющаяся причиной драм и страданий; роковая женщина’ [22, с. 126]. У данного слова развилось дополнительное значение ‘стиль макияжа, для которого характерны яркие тона губ, фиолетовые или синие тени, подчёркнутый излом бровей и светлая пудра; а также стиль одежды, для которого характерны контрастные, часто чёрные и красные тона’ [21, с. 119–120]. Слово *вамп* по форме и смыслу соотносится со словом *вампир* ‘1. В суеверных представлениях: существо, высасывающее кровь живых людей; популярный персонаж современных фильмов ужасов, представлений и т. п.; 2. (парапсихол.) человек, живущий за счёт энергии, жизненных сил других людей’ [19, с. 173; 21, с. 120; 22, с. 126]. Однако дериват *вамп*, как видно из приведённого выше толкования его значений, семантически не эквивалентен слову *вампир*. Для выражения номинативного отличия деривата от производящего необходимо, очевидно, предполагать наличие в словообразовательной структуре деривата нулевого словообразовательного аффикса (о нулевой аффиксации см.: [3, с. 367–368]).

Итак, в сферу нашего внимания попадают лишь мотивированные новейшими заимствованиями «чистые» (не осложнённые аффиксацией) со-

кращения, которые семантически эквиваленты производящим и, как и их производящие, появились только в словарях неологизмов XXI в. [19; 21; 22], но отсутствовали, например, в языке активной лексики XX в. [18].

Деривационный класс сокращённых слов, мотивированных заимствованными словами и появившихся в последние два десятилетия, насколько нам известно, не становился до сих пор объектом целенаправленного научного изучения. В нашей статье показано системное соотношение подобных сокращений с их производящей базой, обсуждаются проблемы словообразовательной классификации русских неологизмов-сокращений начала XXI в., рассматриваются особенности взаимоотношения различных подклассов анализируемого деривационного класса производных слов.

Вопросы теории словообразовательного анализа современной сокращённой лексики

При анализе сокращений, мотивированных заимствованной лексикой XXI в., приходится учитывать, что данные дериваты входят в ряды как словообразовательных, так и собственно семантических отношений, которые учитываются не только при словообразовательном анализе, но и при лексикографическом представлении новой лексики. Проиллюстрируем сказанное соотношением трёх лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова *байк*: *байк₁*, *байк₂* и *байк₃*.

Слово с корнем *-байк-* было заимствовано в конце XX в. из английского языка, причём первоначально лишь

в значении ‘мотоцикл (чаще дорогой, иностранного производства)’ (жарг.) [18, с. 69]. В течение нескольких лет слово *байк* имело только одно, указанное выше значение, что подтверждается вышедшим в начале XXI в. словарём [19, с. 101]. Но уже к концу первого десятилетия нового века у слова *байк* в русском языке появились новые значения, слово стало многозначным. В [22, с. 55–56] и [21, с. 55] словарная статья **Байк** содержит указание на три ЛСВ¹:

байк₁ ‘мотоцикл (обычно в речи байкеров и мотогонщиков)’;

байк₂ ‘велосипед для маунтинбайкинга или ВМХ’²;

байк₃ ‘то же, что аквабайк’.

С точки зрения лексикологии три указанных ЛСВ слова *байк* образуют лексико-семантическое единство, подтверждаемое структурой единой словарной статьи. ЛСВ *байк₁* имеет прямое номинативное значение, а у *байк₂* и *байк₃* – переносные значения: перенос наименования соответственно метонимический (*байк₂* – это лишённый мотора *байк₁*, приспособленный для использования в горной местности) и метафорический (*байк₃* устроен совсем не так, как *байк₁*, и сблизается с ним только повышенной скоростью передвижения и связанными с ней ощущениями и рисками).

¹ Здесь и ниже подстрочным индексом обозначается номер ЛСВ в словарной статье лексикографических источников анализируемого нами языкового материала.

² Графическое заимствование ВМХ означает ‘1. велосипед с маленькими колесами, длинными рамами и пегами, предназначенный для выполнения прыжков и акробатических трюков; 2. вид спорта, спортивное развлечение – катание на велосипедах класса ВМХ с выполнением акробатических трюков и прыжков’ [21, с. 723].

Однако с точки зрения дериватологии все перечисленные ЛСВ, образующие лексикографическое единство, существенно различаются между собой, это фактически разные единицы русской словообразовательной системы.

ЛСВ *байк*₁ является непроемлемым, но он активно включается в систему современного русского словообразования как производящее для целого ряда дериватов. Слово в данном значении сразу же после заимствования стало вершиной самостоятельного словообразовательного гнезда (ср. дериваты *байкер*, *байкерский*, *байкерство*, *байк-шоу*, отмеченные уже в [18, с. 69–70]; в [19, с. 102] к данному гнезду добавляется также дериват *байк-клуб*).

ЛСВ *байк*₂, напротив, производный с точки зрения критерия словообразовательной производности по Г.О. Винокуру: основа считается производной тогда, когда есть соотнесённая с ней производящая [2, с. 425]. *Байк*₂ – это сокращённый дериват, производящим для которого, согласно толкованию его семантики (см.: [21, с. 56]), является заимствование *маунтинбайк*₁ ‘велосипед с толстыми шинами, амортизаторами, большим количеством передач и специальным рулём; горный велосипед’ (ср.: [21, с. 387]). Сокращённым дериватом является и ЛСВ *байк*₃ (← *аквабайк*₁ ‘ночное водное средство передвижения обтекаемой формы, с мощным подвесным двигателем’) [21, с. 67]. Так как у двух указанных ЛСВ разные производящие, они (и все подобные ЛСВ) должны рассматриваться как различные единицы словообразовательной системы (всестороннее обоснование положения об отличии деривационных свойств разных ЛСВ

одного и того же многозначного производящего слова см. в [24]).

Возможно, специального разъяснения требует то обстоятельство, что (в отличие от слов *зав* и *заведующий*) и дериват *байк*₃, и производящее *аквабайк*₁ не были реально образованы в русском языке, они практически одновременно были заимствованы из английского языка. Почему же такое соотношение двух заимствованных слов становится фактом русского словообразования? Мы присоединяемся к мнению Г.О. Винокура, Н.М. Шанского, Е.А. Земской и других ведущих российских дериватологов, что необходимо последовательно различать этимологию слова (историю его появления в русском языке) и его синхронные словообразовательные (=формально-семантические) связи с другими словами [3, с. 419–426; 23, с. 5–74]; ср. [5, с. 286–291]. Поэтому в данной статье мы разграничиваем этимологический и словообразовательный анализ слова. Оказавшись в лексической системе современного русского языка, заимствованные слова автоматически включаются в сетку формальных и семантических отношений между словами данного языка (в том числе и заимствованными). В итоге форма и семантика одного из ЛСВ заимствованного слова *байк* проще всего объясняется в русском языке через форму и семантику одного из ЛСВ другого заимствованного слова: *аквабайк* (*байк*₃ – то же, что и *аквабайк*₁). Это значит, что между данными ЛСВ двух заимствованных слов установились отношения производности, и эти отношения позволяют говорить о том, что перед нами формально-семантическое единство производящего

и производного [3, с. 420–425]), которое в современной лингвистической литературе принято называть словообразовательной парой. Словообразовательная пара, как известно, является важнейшей комплексной единицей синхронного словообразования [5, с. 385].

Основными источниками анализируемого в данной статье языкового материала являются словари неологизмов XXI в. [21; 22]. Из этих словарей методом сплошной выборки были извлечены все зафиксированные в них сокращённые слова, образованные от заимствований. Сокращения-неологизмы XXI в. рассматривались нами на фоне данных, предоставляемых как словарём русской лексики конца XX в. [18], так и словарём так называемой актуальной лексики начала XXI в. [19]

Введённое Г.Н. Складневской понятие актуальной лексики является очень важным для нашего исследования. Под актуальной лексикой начала XXI в. принято понимать, по определению Складневской, «ту часть лексического состава современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные языковые процессы последних годов XX–начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на языковое сознание его носителей» [19, с. 6]. Из приведённого определения актуальной лексики вовсе не следует, что она включает только новые слова. Кроме неологизмов типа *автогражданка* в состав актуальной (в указанном смысле) лексики входят как неологизмы, так и давно известные всем носителям русского языка слова типа *исламизм*, активность употребления которых за последние годы ощутимо

выросла, и возвращённые из пассивного пласта лексики в активный речевой оборот слова типа *гувернантка*, *иерей*, и графические заимствования типа *CD*, *DVD*, *BMX*. Перед нами, если можно так выразиться, один из наиболее **влиятельных** пластов русской лексики XXI в., и изучение этой лексической подсистемы очень важно для определения современного состояния русского языка.

Любое зафиксированное в словарях неологизмов XXI в. сокращённое слово является, бесспорно, частью актуальной лексики, оно служит кодифицированным обозначением явления, актуального или для всего современного русскоговорящего социума, или же для определённой его части – групп носителей русского языка, объединённых профессиональными интересами, спортивными пристрастиями, общностью хобби, организации отдыха и т. п. Лица, в речи которых употребляются подобные неологизмы, относятся к числу наиболее активно участвующих в жизни современного общества (это молодёжь, образованные слои социума) и влияющих на развитие русского языка, на обновление его лексической системы.

Теоретические и терминологические вопросы изучения сокращений

Русские сокращённые дериваты-неологизмы давно уже стали объектом изучения русской дериватологии. Так, исследуя активные процессы в русском словообразовании на материале неологической лексики, Е.А. Земская обнаружила целый ряд сокращений – разговорных слов, жаргонизмов и профессионализмов, которые были впер-

вые зафиксированы лексикографами в 1981 г. в СМИ и художественной литературе: *бук* 'букинистический магазин', *пласт* 'пластинка', *шиз* 'шизофреник', *хор* 'согласен'¹, *гросс* 'гроссмейстер', *пром* 'промышленное объединение', *универсал* 'универсальный станок', *автомат* 'автоматическое устройство', *аккорд* 'аккордная оплата' [4, с. 86].

Направление изучения неологизмов, которые было представлено в указанном исследовании Е.А. Земской, в нашей статье развивается и уточняется (с учётом данных, полученных И.С. Улухановым и другими учёными) на материале сокращённых дериватов, появившихся в русском языке в начале XXI в. При этом научная характеристика сокращённых дериватов требует решения целого ряда проблем, в том числе и терминологических.

Так, Д.Н. Алексеев издал в 1979 г. монографию, посвящённую, судя по её названию, сокращённым словам русского языка [1]. Но уже во введении к этой книге говорится, что объектом изучения являются не сокращённые слова в указанном выше значении, а аббревиатуры (результат применения сложносокращённого способа словообразования) [1, с. 3]. Смешение двух способов словообразования – собственно сокращения (так образуются **простые** дериваты типа *зав*) и аббревиации (благодаря которой появляются **сложные** дериваты типа *завкафедрой*), по нашим наблюдениям, наблюдается во многих исследованиях (см.: [23, с. 70–71, 290]; ср. также: [10, с. 139, 255] и др.). Однако Е.А. Земская справедливо

считает, что «термин “аббревиация” целесообразно закрепить за производством сложносокращённых слов...» [4, с. 86]. Ср. современные русские дериваты-аббревиатуры типа *сисадмин* (← *системный администратор*), *СМИ* (← *средства массовой информации*), *ПБОЮЛ* (← *предприниматель без образования юридического лица*) и т. п. [19, с. 720, 916, 927].

Чётко разграничив в терминологическом отношении способы образования сложносокращённых дериватов (аббревиатур типа *СМИ*) и простых сокращённых слов (сокращений типа *бук* 'букинистический магазин'), Е.А. Земская допускает, к сожалению, одну досадную терминологическую неточность. Она называет дериваты типа *бук* «усечениями». «Усечением» она называет и способ образования таких дериватов [4, с. 86]; см. подобную терминологию также в книге И.С. Улуханова [20, с. 33–35]. Однако известно, что термин «усечение» широко используется в науке для обозначения лингвистического явления совсем другого уровня (фактически вспомогательного в системе языка). Мы имеем в виду один из четырёх способов дополнительной (сопутствующей) морфонологической трансформации основы слова в словообразовании: *немец* → *немка* или же в словоизменении: *держа(ть)* – *держ(у)*. Нужно заметить, что усечение как морфонологическое явление было детально описано именно Е.А. Земской в широко известном университетском учебнике русского языка [3, с. 340–341]. С учётом всего сказанного мы считаем неоправданным использование термина «усечение» для обозначения и морфонологического явления, и особого способа словообразования.

¹ Ср. пример из [16, с. 245]: «Я сказал: “Надо поговорить”, а ты... Такое непонимание неприлично, Фёдор Аникинович». Пауза. «Хор. Идёт», – ответил Федя (Б. Гусев. Открытие).

В нашей работе дериваты типа *бук, скейт* обозначаются терминами «сокращённое слово», или «сокращение» (о давней традиции применения этих терминов в словообразовании в связи с изучением слов типа *зав* см.: [15, с. 170–172]). Сокращением (а не усечением) мы называем и тот способ словообразования, благодаря которому образуются дериваты типа *бук*.

Проблема классификации сокращений

Сокращённые дериваты в научной и учебной литературе по словообразованию обычно представлены в виде списков, которые не отражают каких бы то ни было попыток классификации данного вида производных слов [10, с. 255]; см. также [3, с. 373; 4, с. 86 и др.].

Поэтому хотелось бы отметить монографию И.С. Улуханова [20, с. 33–34], где было показано, что сокращённые дериваты могут различаться по тому, какой сегмент производящего сокращается. На основании данного классификационного признака И.С. Улухановым были разграничены сокращения: 1) с сохранённой в деривате **начальной** частью производящего (*спец* ← *специалист*), 2) с присутствующей в деривате **конечной** частью производящего (разг. *Тина* ← *Валентина*), 3) с сохранённой **срединной** частью производящего (*Дела* ← *Аделаида*) и 4) с представленными в сокращении одновременно и **начальной, и конечной** частями производящего (*Сима* ← *Серафима*).

Данный классификационный признак представляется нам очень важным. Но он не получил в указанной книге обозначения особым термином.

Будем в нашей статье называть этот признак **локализационным**, так как он связан с локализацией деривационной операции сокращения¹ на том или ином сегменте формальной структуры производящего.

В исследовательской части нашей статьи предлагается рассмотрение новейших русских сокращённых дериватов с точки зрения локализационного признака. Основная цель исследования заключается в установлении того, какие из локализационных классов сокращений являются продуктивными для дериватов, мотивированных заимствованиями XXI в.

Классы сокращённых дериватов, выделяемые по признаку локализации сокращаемого компонента производящего

В результате проведённого исследования нами были установлены три продуктивных деривационных класса сокращений, мотивированных заимствованиями XXI в. Это первые три класса из четырёх, выделенных И.С. Улухановым в [20]. Данные классы включают дериваты, в которых представлено сокращение соответственно начального, конечного и срединного компонентов производящего. Ещё один локализационный класс дериватов, с опоясывающей (или кольцевой) локализацией деривационной операции сокращения – одновременно на начальном и конечном сегментах производящего (типа *Де́ла* ← *Аделаи́да*, пример И.С. Улуханова), в собранном нами материале не был представлен.

¹ Об особенностях и функциях данной деривационной операции см.: [7; 9].

Рассмотрим подробнее состав и особенности каждого из указанных трёх продуктивных классов сокращённой лексики.

Деривационный класс 1: производные типа **боулинг₂** (← *боулинг-клуб*).

Дериваты данного класса представляют собой начальный сегмент производящего слова, т. е. деривационная операция сокращения локализована на конечном сегменте производящего. Подобные дериваты по праву открывают перечень классификационных рубрик сокращений, предлагаемых в монографии И.С. Улуханова [20, с. 33]. Анализ собранного нами материала подтверждает, что в современном русском языке это самый представительный класс сокращений: к нему относится больше половины (55,26%) всех проанализированных нами дериватов.

Наиболее многочисленной в данном деривационном классе является лексико-семантическая группа (ЛСГ) сокращений, отражающая такие стороны жизни современного общества, как **спорт, сохранение здоровья, активный отдых, путешествия**.

Например, в словарях неологизмов XXI века представлено заимствование *аквабайкинг*. Это слово служит номинацией нового спортивного увлечения молодёжи, ср. в [21]: ‘вид спорта – гонки на водных мотоциклах’ [21, с. 42]. Нужно сказать, что в Интернете нами были обнаружены многочисленные примеры употребления ещё одного сложного слова с тем же корнем *-байк-*, строящегося по той же словообразовательной модели, что и *аквабайкинг*: *маунтинбайкинг* ‘увлечение ездой на маунтинбайке’ [12]; Ср.: *Один из таких «велопарков» расположился в Зауэрланде, в 110 километрах от Дортмунда.*

*Курорт Винтерберг известен в мире как место проведения Международного кубка по бобслею. Но это зимой. Когда снег сходит, любители **маунтинбайкинга** устраивают здесь свои гонки «Dirt Masters» [14]. Попробуйте себя в **маунтинбайкинге** – это станет для вас невероятным приключением, полезным жизненным опытом и, возможно, любимым спортом [13].* Отсутствие слова *маунтинбайкинг* в словарях неологизмов [21; 22] нам кажется по этой причине досадным упущением, есть все основания рассматривать это слово в контексте современной русской словообразовательной системы.

Мы так подробно говорим об этом потому, что в словарях новейших неологизмов отмечаются не только «полные», но и сокращённые обозначения указанных видов спорта: *аквабайк₂* ‘то же, что аквабайкинг’ [21, с. 42] и *маунтинбайк₂* – сокращение от *маунтинбайкинг* ‘горный велоспорт, включающий ряд дисциплин’ [21, с. 320]. Таким образом, выстраивается пропорциональный ряд словообразовательных пар, где полным наименованием видов спорта соответствуют их сокращённые наименования:

аквабайкинг → *аквабайк₂*

маунтинбайкинг → *маунтинбайк₂*

К данному ряду подключается ещё одна словообразовательная пара: *маунтинбординг* ‘вид спорта, спортивное увлечение – катание на снаряде в виде четырёхколёсной доски по горным склонам с выполнением различных элементов, трюков’ → *маунтинборд₂* ‘то же, что маунтинбординг’ [21, с. 322].

В рассматриваемую «спортивно-оздоровительную» ЛСГ входят также другие дериваты данного класса сокра-

щений: **бейс** 'то же, что бейс-джампинг' [21, с. 66] ← **бейс-джампинг** 'экстремальный вид спорта – прыжки с высотных зданий, пролётов мостов и других объектов с парашютом' [21, с. 67]); **бодискан** 'то же, что бодисканер' ← **бодисканер** 'сканер, предназначенный для обнаружения предметов под одеждой' [21, с. 97]; **боулинг**₂ 'то же, что боулинг-клуб' ← **боулинг-клуб** 'спортивная организация, а также помещение, где находится эта организация и где имеется специально оборудованный зал для игры в боулинг' [21, с. 102]; **дёрт**₁ 'то же, что дёрт-джампинг' [21, с. 180–181] ← **дёрт-джампинг** 'дисциплина маунтинбайка – спуск на велосипеде по горной трассе, оборудованной трамплинами и др. специальными сооружениями' [21, с. 182]; **инлайн** 'то же, что инлайн-хоккей' ← **инлайн-хоккей** 'вид спорта, спортивное развлечение – хоккей на роликовых коньках, в который играют пластиковыми клюшками и мячом либо шайбой, с двух сторон по периметру которой расположены выступы' [21, с. 216]; **поул** 'то же, что поул-позишн' [21, с. 413–414] ← **поул-позишн** 'при старте автомобильных гонок – наиболее выгодная позиция на внутренней дорожке трека, занимаемая гонщиком, выигравшим квалификационные соревнования' [21, с. 414]; **роуп** 'то же, что роупджампинг' [21, с. 462] ← **роупджампинг** 'экстремальное развлечение – прыжки с мостов, скал, подъёмных кранов и др. высоких объектов на альпинистской веревке' [21, с. 463]; **сайкл**₂ 'то же, что сайкл-аэробика' [21, с. 469] ← **сайкл-аэробика** 'аэробика на велотренажёрах, занятия которой способствуют коррекции веса и развитию мышц' [21, с. 470]; **спа**₃ 'то же, что спа-отель' [21, с. 523] ← **спа-отель** 'са-

наторий, предоставляющий комплекс лечебно-оздоровительных процедур, первостепенное значение среди которых имеют процедуры, использующие целебные свойства минеральных вод, термальных источников и моря (обычно оздоровление осуществляется по индивидуальным программам)' [21, с. 671]; **стрит** 'то же, что стритстайл' [21, с. 542] ← **стритстайл**₁ 'дисциплина BMX, скейтбординга и роллер-скейтинга – катание на специальной площадке, оборудованной трамплинами, прямыми и радиусными перилами, ступеньками, разгонными горками и т. д., во время которого необходимо показать как можно больше сложных и хорошо исполненных трюков; уличный стиль катания' [21, с. 544].

Остальные ЛСГ в рамках данного подкласса сокращений представлены немногочисленными примерами.

ЛСГ '**компьютерные программы и интернет-коммуникация**': **ник** 'то же, что никнейм' [21, с. 362] ← **никнейм** 'псевдоним, прозвище, гл. обр. уникальное имя пользователя сетевого ресурса' [21, с. 363]; **торрент** 'то же, что торрент-трекер' [21, с. 579] ← **торрент-трекер** 'компьютерная программа, координирующая обмен файлами между пользователями сети посредством технологии битторрент' [21, с. 581]; **софт** 'то же, что софтвер' [21, с. 521] ← **софтвер** 'в информатике – программное обеспечение' [21, с. 522].

ЛСГ '**культура, искусство, развлечения**': **брейк** 'то же, что брейк-данс' [21, с. 105] ← **брейк-данс** 'современный танец с характерной ломаной пластикой движений, имитирующей движения роботов, с элементами акробатики и пантомимы' [21, с. 106]; **рейв**₃ 'то же, что рейв-пати' [21, с. 444] ← **рейв-**

пати 'вечеринка, обычно сопровождаемая концертом, красочным шоу, с громкой музыкой в стиле рейв, ярким светом, мерцанием лазеров, пиротехническими эффектами, танцами и наркотиками' [21, с. 446]; *фанфик* 'то же, что фанфикшен' ← *фанфикшен* 'жанр непрофессиональных литературных произведений, создаваемых их поклонниками на основе сюжета популярного оригинала; произведение в этом жанре' [21, с. 613].

ЛСГ 'социальные группы общества': *мидлы* / *миддлы* 'то же, что мидл-класс' ← *мидл-класс* / *мидлкласс* 'социальная группа, включающая мелких предпринимателей, служащих и т. д. со средним уровнем достатка, единым стилем потребления и целым рядом общих черт; средний класс' [21, с. 339]; *скины* 'то же, что скинхеды' [21, с. 496] ← *скинхеды* 'члены молодёжных националистических группировок, атрибутами внешнего облика которых являются особый стиль одежды и бритые наголо головы; бритоголовые' [21, с. 495–496].

ЛСГ 'наука и техника': *концепт* 'то же, что концепт-кар' ← *концепт-кар* 'автомобиль, являющийся воплощением оригинальной концепции и, как правило, представляемой на автомобильных выставках для оценки шансов на успех у потребителей в случае его серийного производства' [21, с. 274].

Таков состав 1-го из изученных нами деривационных классов сокращений-неологизмов XXI в.

Деривационный класс 2: производные типа *мейл* (← *имейл*).

Дериваты данного класса являются результатом сокращения начального сегмента производящей базы, именно на этом сегменте локализована деривационная операция сокращения произво-

водящего. Следовательно, дериват представляет собой финальный сегмент производящего. В монографии И.С. Улуханова [20, с. 33] высказывается предположение, что такие дериваты обнаруживаются не слишком часто (автор пишет, что факты подобного сокращения конечных фонем производящих слов «не исключены»).

Анализ собранного нами языкового материала позволяет сделать несколько иные выводы. Действительно, данный деривационный класс сокращений менее частотен, чем предыдущий. Но на изученном нами материале сокращённых неологизмов, производных от заимствований, 1-й и 2-й деривационные классы статистически вполне сопоставимы: 2-й класс включает 39,47% дериватов, входящих в собранную нами картотеку.

Данный деривационный класс представлен производными однозначными словами, а также ЛСВ многозначных слов, принадлежащих различным ЛСГ актуальной лексики XXI в., которые отражают разные стороны жизни современного российского общества.

Наиболее активно в рамках 2-го класса сокращений представлена лексика **массовой и интернет-коммуникации**: *бот* 'то же, что робот' ← *робот* 'программа, незаконно устанавливаемая на чужом компьютере, позволяющая злоумышленнику выполнять некие действия с использованием ресурсов заражённого компьютера (рассылать спам, перебирать пароли в удалённой системе, атаковать компьютер третьей стороны на отказ в обслуживании; компьютер, на котором установлена такая программа)' [21, с. 101]; *медиа* 'средства коммуникации, ин-

формации, в т. ч. массмедиа' [21, с. 324] ← *массмедиа* 'средства массовой информации (радио, телевидение, пресса и др.)' [21, с. 19]; *мейл* 'то же, что имейл' [21, с. 332] ← *имейл* '1. система телекоммуникации, позволяющая пользователям компьютерной сети посылать сообщения друг другу; электронная почта; 2. сообщение, передаваемое или получаемое по e-mail' [21, с. 212]; *мессенджер* 'то же, что интернет-мессенджер' [21, с. 337] ← *интернет-мессенджер* 'сервис в Интернете для обмена сообщениями в реальном времени (например, ICQ)' [21, с. 220]; *ридер* 'то же, что букридер' [21, с. 454] ← *букридер* 'мобильное устройство в виде планшета для чтения электронных книг' [21, с. 111]; *сайт* 'то же, что веб-сайт' [21, с. 471] ← *веб-сайт* 'тематически или концептуально объединенная информация, предоставляемая пользователям сети при обращении по определённому адресу' [21, с. 471].

Несколькими сокращёнными дериватами представлена в словарях неологизмов XXI в. также **спортивная лексика**. В эту ЛСГ входят уже рассмотренные в начале статьи производные ЛСВ: *байк*₂ (← *маунтинбайк*₁) и *байк*₃ (← *аквабайк*₁), а также дериваты: *борд-кросс* 'то же, что сноуборд-кросс' [21, с. 100] ← *сноуборд-кросс* 'дисциплина сноубординга – групповая скоростная гонка по трассе с трамплинами и виражами' [21, с. 517]; *бэг* 'то же, что футбэг₁' [21, с. 114] ← *футбэг*₁ 'спортивный мяч, набитый песком или другим наполнением, для игры в футбэг' [21, с. 653]; *скутер*₂ 'то же, что электро-скутер' [21, с. 504] ← *электроскутер* 'транспортное двух или трёхколесное средство, использующее электродвигатель для передвижения' [21, с. 708].

Менее многочисленны другие ЛСГ данного деривационного класса сокращений.

ЛСГ '**бизнес (включая шоу-бизнес) и реклама**': *баинг* 'то же, что медиабаинг' [21, с. 66] ← *медиабаинг* 'в рекламной деятельности – оптовая закупка рекламного времени и площадей в газетах, журналах и др. средствах массовой информации и в наружной рекламе с последующей продажей рекламным агентствам' [21, с. 326]; *лейбл*₂ 'то же, что рекорд-лейбл' [21, с. 300] ← *рекорд-лейбл* 'известная звукозаписывающая фирма' [21, с. 447]. В эту лексико-семантическую группу мы включаем также слово-сокращение *байер* / *баер* 'то же, что медиабаер' [21, с. 65] ← *медиабаер* / *медиабайер* 'компания, занимающаяся медиабаингом' [21, с. 327]. Однако дериваты со значением лица очень часто бывают словообразовательно связаны с глагольной или же именной лексикой, обозначающей действия, ср.: *покупатель* ← *покупать*; *кардер* 'человек, занимающийся кардингом' ← *кардинг* 'кража денег с банковских карт' [21, с. 442] и т. п. Поэтому для деривата *баер* возможна словообразовательная пара как с производящим именем *медиабаер* (*баер* ← *медиабаер*; в таком случае способ словообразования – сокращение), так и с входящим в ту же лексико-семантическую группу сокращённым производящим отвлечённым именем *баинг* (*баер* ← *баинг*; при таком подходе можно говорить об образовании данного деривата способом суффиксации, с морфонологическим усечением в производящем суффикса *-инг*). Оба словообразовательных толкования данного деривата правомерны, что означает, что это слово входит одновременно в раз-

ные деривационные классы, в том числе и в изучаемый нами класс сокращений.

ЛСГ '**медицина и косметология**': **лифтинг** 'в косметологии – подтяжка кожи, удаление морщин, складок и т.п. чаще нехирургическими методами (в результате применения специальных масок и кремов, стимуляции мышц при помощи электродов)' [21, с. 304] ← **фейс-лифтинг/фейслифтинг** 'в косметологии – подтяжка кожи, удаление морщин, складок и т. п. чаще нехирургическими методами (в результате применения специальных масок и кремов, стимуляции мышц при помощи электродов)' [21, с. 619].

Деривационный класс 3: производные типа **Инет** (← **Интернет**).

Дериваты данного достаточно малочисленного класса (5,27% от общей выборки неологизмов-сокращений) являются результатом сокращения срединного (внутреннего) сегмента производящей базы.

Этот деривационный класс включает сокращённые слова: **видеоконференция** 'то же, что видеотелеконференция' [21, с. 138] ← **видеотелеконференция** 'телеконференция, во время которой для визуального контакта участников совещания используются видеокамеры и мониторы' [21, с. 140] и **Инет** 'всемирная компьютерная сеть Интернет' [21, с. 215] ← **Интернет** 'всемирная информационная компьютерная сеть, объединяющая множество неkomмерческих компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся информацией друг с другом' [18, с. 411].

Выводы

Таким образом, анализ современных сокращений-неологизмов, моти-

вированных заимствованиями, показывает, что далеко не все выявленные И.С. Улухановым классы сокращённых дериватов являются для изученного нами языкового материала продуктивными.

Из четырёх возможных классов сокращённых дериватов, разграничиваемых по признаку локализации деривационной операции сокращения, в проанализированном нами материале проявили себя как высокопродуктивные два деривационных класса. Наиболее продуктивным оказался 1-й деривационный класс, включающий дериваты – результат финальной (конечной) локализации операции сокращения производящего, типа **булинг** (← **булинг-клуб**). Следующим по степени продуктивности является 2-й деривационный класс, объединяющий дериваты – результат начальной (инициальной) локализации операции сокращения, типа **мейл** (← **имейл**). Самую низкую степень продуктивности обнаружил 3-й деривационный класс, со срединной локализацией операции сокращения производящего; класс включает единичные дериваты типа **Инет** (← **Интернет**). Единственным непродуктивным (на материале изученных нами сокращений-неологизмов XXI в., мотивированных заимствованиями) оказался 4-й из обнаруженных И.С. Улухановым деривационных классов, с опоясывающей (кольцевой) локализацией операции сокращения формальной структуры производящего. Нам не удалось обнаружить ни одного сокращённого деривата-неологизма, который бы приближался по особенностям своего образования к уменьшительным личным именам

типа **Коля** (← *Николай*), **Тоня** (*Антонина*) и т. п.

Намечая перспективы дальнейшего изучения системы сокращений-неологизмов, отметим, что локализационный классификационный признак не является для сокращений единственно возможным. В статье Е.В. Клобукова [7, с. 72–73] было показано, что сокращённые дериваты различаются также по характеру границы между сокращаемой и несокращаемой частями производящей базы сокращения (совпадает или не совпадает эта граница

с морфемным швом; ср. примеры из нашей картотеки: *концепт-|кар* и *фан-фик|шн*). Сокращения могут различаться и по грамматическому статусу их производящей базы (словом или целостным по своей семантике словосочетанием мотивировано сокращение, ср.: *брейк* (← *брейк-данс*) и *техно* (← *технологический-стиль*).

Анализ новейших сокращений с точки зрения двух последних классификационных признаков заслуживает, на наш взгляд, отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.Н. Сокращённые слова в русском языке. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. 326 с.
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442.
3. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой; изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2002. С. 286–441.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность; изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 224 с.
5. Клобуков Е.В. Отражение графических заимствований в словарях русского языка // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова: сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 199–217.
6. Клобуков Е.В. Словообразование // Современный русский литературный язык: академический учебник / под ред. П.А. Леканта. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. С. 343–401.
7. Клобуков Е.В. Сокращение производящей базы деривата как объект дериватологии // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Павла Александровича Леканта / отв. ред. Н.Б. Самсонов. М.: ИИУ МГОУ, 1917. С. 70–74.
8. Клобуков Е.В., Шакар Р. Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 15–27.
9. Клобукова Л.П., Клобуков Е.В. Некоторые особенности реализации компрессивной функции языка на уровне словообразования // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей к 85-летию профессора Майи Владимировны Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 102–113.
10. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словообразование // Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2005. С. 133–452.
11. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
12. Маунтинбайкинг [Электронный ресурс] // Викисловарь : [сайт]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/маунтинбайкинг> (дата обращения: 28.04.2018).

13. Маунтинбайкинг [Электронный ресурс] // Клумус : [сайт]. URL: <https://clumus.com/ru/activities/mountain-biking/> (дата обращения: 28.04.2018).
14. Маунтинбайкинг в Германии — отдых для активных туристов [Электронный ресурс] // German-Guide.ru : [сайт]. URL: <http://german-guide.ru/mauntinbayking-v-germanii-otdyih-dlya-aktivnyih-turistov/> (дата обращения: 28.04.2018).
15. Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. Краткий словарь-справочник. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1985. 208 с.
16. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81 / под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1986. 288 с.
17. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка; изд. 2-е. М.: Флинта; Наука, 2011. 168 с.
18. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
19. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
20. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 1996. 221 с.
21. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. 765 с.
22. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX–начало XXI вв.). М.: АСТ; Астрель, 2010. 943 с.
23. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Издательство Московского университета, 1968. 311 с.
24. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2004. 1022 с.
25. Янь Юй. Декомпозиция в современном русском словообразовании // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 157–160.
26. Янь Юй. К изучению закономерностей стилистической универбации в русском языке начала XXI века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 72–75.
27. Янь Юй. Особенности сложения сокращённых заимствованных основ в русском языке рубежа XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 3. С. 153–175.

REFERENCES

1. Alekseev D.N. Sokrashchennye slova v russkom yazyke [The abbreviated words in the Russian language]. Saratov, Saratov University Publ., 1979. 326 p.
2. Vinokur G.O. [Notes on the Russian word formation]. In: Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. pp. 419–442.
3. Zemskaya E.A. [Word formation]. In: Sovremennyyi russkii yazyk [Modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. pp. 286–441.
4. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' [Word-formation as an activity]. Moscow, LKI Publ., 2007. 224 p.

5. Klobukov E.V. [Reflection of the graphic borrowings in the Russian dictionaries]. In: Pamyati Anatoliya Anatol'evicha Polikarpova: sbornik statei [To the memory of Anatoly Polikarpov: collection of articles]. Moscow, Moscow University Publ., 2015. pp. 199–217.
6. Klobukov E.V. [Word formation]. In: Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk [Modern Russian literary language]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2013. pp. 343–401.
7. Klobukov E.V. [Reduction of the producing base of the derivative as an object of derivatology]. In: Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu professora Pavla Aleksandrovicha Lekanta [Rational and emotional in Russian. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 85th anniversary of Professor Pavel Lekant]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 1917. pp. 70–74.
8. Klobukov E.V., Shakar R. [Interaction of morphological, lexical and word-formation means of expression of animateness-inanimateness]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya" [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2016, no. 3, pp. 15–27.
9. Klobukova L.P., Klobukov E.V. [Some features of the implementation of the compressive function of the language at the level of word formation]. In: Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh statei k 85-letiyu professora Maii Vladimirovny Vsevolodovoi [Language, consciousness, communication. Collection of scientific articles to the 85th anniversary of Professor Maya Vsevolodova]. Moscow, MAKS Press Publ., 2018. pp. 102–113.
10. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. [Word formation]. In: Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, 2005. pp. 133–452.
11. Marinova E.V. Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign words in the Russian speech at the end of 20 – beginning of 21st century: problems of development and functioning]. Moscow, ELPIS Publ., 2008. 495 p.
12. [Mountain Biking]. In: Vikislovar' [Wiktionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/маунтинбайкинг> (accessed: 28.04.2018).
13. [Mountain Biking]. In: Klumus [Clumus]. Available at: <https://clumus.com/ru/activities/mountain-biking/> (accessed: 28.04.2018).
14. [Mountain Biking in Germany – vacation for active travelers]. In: German-Guide.ru. Available at: <http://german-guide.ru/mauntinbayking-v-germanii-otdyih-dlya-aktivnyih-turistov/> (accessed: 28.04.2018).
15. Nemchenko V.N. Osnovnye ponyatiya slovoobrazovaniya v terminakh. Kratkii slovar'-spravochnik [Basic concepts of word formation in terms. A brief reference dictionary]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1985. 208 p.
16. Kotelova N.Z., ed. Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 81 [New in the Russian lexicon. Vocabulary materials – 81]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 288 p.
17. Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka [Neology and neography of the modern Russian language]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011. 168 p.
18. Sklyarevskaya G.N., ed. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya [Explanatory dictionary of the Russian language of the late 20th century. Language changes]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.
19. Sklyarevskaya G.N., ed. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika [Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century. The actual lexicon]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 1136 p.
20. Ulukhanov I.S. Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya [Units of word-formation system of the Russian language and their lexical realization]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, 1996. 221 p.

21. Shagalova E.N. Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka [The newest dictionary of Russian language of the 21st century]. Moscow, AST; Astrel'; Poligrafizdat Publ., 2012. 765 p.
22. Shagalova E.N. Slovar' noveishikh inostrannykh slov (konets XX–nachalo XXI vv.) [The newest dictionary of foreign words (the end of 20–beginning of 21st centuries)]. Moscow, AST; Astrel' Publ., 2010. 943 p.
23. Shanskii N.M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Essays on Russian word formation]. Moscow, Moscow University Publ., 1968. 311 p.
24. Shirshov I.A. Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: kompleksnoe opisanie russkoi leksiki i slovoobrazovaniya [Explanatory word-formation dictionary of the Russian language: a Comprehensive description of the Russian vocabulary and word formation]. Moscow, AST; Astrel'; Russkie slovari Publ., 2004. 1022 p.
25. Yan Yu. [Decomposition in the modern Russian word formation]. In: Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science], 2017, no. 5, pp. 157–160.
26. Yan Yu. [On the regularities of stylistic univerbation in the Russian language in the beginning of the 21st century]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2013, no. 6, pp. 72–75.
27. Yan Yu. [The features of the addition of the abbreviated borrowed stems in the Russian language of the 20–21st centuries]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2017, no. 3, pp. 153–175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Янь Юй – кандидат филологических наук, научный сотрудник факультета русского языка Школы международных исследований Университета имени Сунь Ятсена;
e-mail: 228933400@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan Yu – PhD in Philological Sciences, scientific researcher at the Russian Department of the International Investigations School, Sun Yatsen University;
e-mail: 228933400@qq.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Янь Юй. Проблемы классификации русских сокращённых дериватов начала XXI в., мотивированных заимствованиями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 56–71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-56-71

FOR CITATION

Yan Yu. Classification problems of Russian reduced derivatives in the beginning of the 21st century, motivated by borrowed words. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 56–71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-56-71

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-72-80

«СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА И ПРОБЛЕМА ЦИКЛООБРАЗОВАНИЯ

Бурмистрова Ю.Д.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается история изучения принципов циклообразования в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева, выявляются проблемные точки в этом вопросе. Они обусловлены тем, что внимание исследователей было направлено исключительно на русское издание миниатюр в «Вестнике Европы», без учёта иных публикаций, подготовленных при участии автора, например, во Франции. В исследовании подводится итог современному состоянию изучения циклической природы русского прижизненного издания «Сенилий» Тургенева. В качестве циклообразующего фактора «Стихотворений» предложена версия об условной свободе читательского прочтения с тяготением к телеологичности, которая обусловлена, с одной стороны, текстом обращения Тургенева к читателям, которое предвляло первое издание миниатюр, а с другой – ориентацией на особый тип читателя, преемственностью первоначальных названий и даже т. н. ложным хронологическим принципом, который отличает русское издание.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, цикл, «Стихотворения в прозе», “Senilia”, лирическая прозаическая миниатюра.

“POEMS IN PROSE” BY I. TURGENEV AND THE CYCLE-FORMING PROBLEM

Y. Burmistrova

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article deals with the history of studying the cycle-forming principles of “Poems in prose” written by I. Turgenev. The possible problematic points are analyzed. These problems might be explained by the fact that researchers have paid their attention only to the

Russian edition first published in magazine "Herald of Europe" without taking into account other publications finalized and edited by the author himself, which was the case with French lifetime edition, for example. The study sums up the results of cycle-forming problem study in the Russian edition of "Poems in prose". As a new approach to this problem, a new version of cycle-forming principle is suggested. It says about relative freedom of readers' perception with the firm tendency to teleologic. On one hand, it is explained by the author's appeal published in the first edition in the Russian magazine and, on the other, by the orientation to the special type of readers, titles' tradition and even the so-called fake chronological principle that distinguishes the Russian edition.

Key words: I. Turgenev, cycle, "Poems in prose", "Senilia", lyric prosaic miniature.

Термин «циклизация» в литературоведении получил развитие в 40-х гг. XX столетия. Среди фундаментальных работ, посвящённых циклизации, необходимо отметить исследование Хелены Мустард «Лирический цикл в немецкой литературе», в которой впервые было дано определение цикла [12, с. 6]. Х. Мустард, в первую очередь, задаётся вопросом об определении места цикла в литературе. Изучение циклических особенностей вызывает ряд сложностей, обусловленных тем, что цикл не является жанром в точном понимании, а потому не имеет каких бы то ни было стилистических или эстетических предписаний.

Первые исследователи, обратившиеся к изучению вопросов циклизации, рассматривали исключительно лирические циклы. Так Р.М. Вернер в своём исследовании "Lyrik und Lyriker" даёт следующее определение понятию «лирический цикл»: "By a lyric cycle we understand a small collection of lyrics which are held together by the uniform character of a single mood or which present a brief epic sequence in lyric fashion" («Под лирическим циклом мы понимаем небольшую коллекцию/группу лирических миниатюр, связанных друг с другом посредством общего характера единого настроения или

представляющих краткую эпическую последовательность в лирическом стиле». — перевод Ю. Б.) [13, с. 35].

Лишь в более поздних исследованиях, начиная с 1960-х гг., учёные предприняли попытки поиска циклообразующего фактора в прозаических произведениях [3, с. 476]. Среди наиболее значимых отечественных литературоведов, занимающихся циклизацией, можно выделить исследования А. Блока, Р. Вроона, М.Н. Дарвина, Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Лебедева, Л.Е. Ляпиной, В.А. Сапогова, В.И. Тютю, И.В. Фоменко.

В западноевропейских исследованиях большинство учёных сходятся во мнении, что циклом можно назвать такое объединение миниатюр, при котором каждая миниатюра, с одной стороны, сохраняет свою независимость, а с другой – обогащается новыми смыслами, возникающими в ходе прочтения цикла [11, с. 159]. Однако при этом мнения специалистов разнятся в вопросе о том, какое объединение миниатюр можно назвать циклом: некоторые исследователи полагают, что изучать следует только те тексты, которые были объединены в цикл непосредственно писателем; в то время как другие называют циклом любую группу миниатюр, в том числе объединён-

ные редактором или исследователями [12, с. 8].

Думается, рассмотрение цикла как «наджанрового объединения» наиболее перспективно, поскольку такой взгляд учитывает как самодостаточность текста, входящего в цикл, так и его взаимосвязь с другими фрагментами цикла [5, с. 23]. Подобный подход актуален для тургеневских «Стихотворений в прозе», которые, например, издавались в разной последовательности и комбинации для русского и французского читателя: входящие в общее целое миниатюры достаточно свободны, хотя и организованы автором в каждом из изданий в определённом порядке и последовательности.

В России «Стихотворения в прозе» были опубликованы в декабре 1882 г. в журнале «Вестник Европы». В цикл вошло 50 миниатюр, отобранных писателем лично, под заглавием “*Senilia*” (от лат. – старческий), которое впоследствии с лёгкой руки М.М. Стасюлевича трансформировалось в «Стихотворения в прозе» [8, с. 473–474]. Русское издание открывало слово от редактора, где в ряду прочего было представлено обращение Тургенева к читателям, а также указано, что циклообразующим является хронологический принцип. В журнале каждая миниатюра имела заглавие и дату, когда она якобы была написана. Последние исследования рукописей Тургенева, хранящихся в Парижском архиве писателя, произведённые А. Мазоном и Ш. Салоном, доказали, что при переносе миниатюр из черновой или белой рукописей в наборный текст Тургеновым были скорректированы даты некоторых «стихотворений» [9, с. 375]. Причины, побудившие писателя скорректиро-

вать даты, остаются туманными, однако представляется сомнительным, что это несоответствие было следствием простой невнимательности автора. Очевидно, что Тургенев делал акцент на хронологическом принципе циклообразования, хотя он и оказывался на самом деле мнимым.

Вопрос о циклообразующем факторе усложняется наличием «обращения к читателям» Тургенева, которое он настоятельно просил включить в предисловие [7, с. 118]. В «обращении» акцентирована значительная доля свободы читательской рецепции, в связи с чем возникают новые научные представления о цикловом единстве «Сенилий». Действительно, затронутые в цикле темы крайне разнообразны по своему содержанию, что позволяет каждому читателю найти то, что созвучно его настроениям в конкретный период.

Возможно, именно этим продиктованы многочисленные попытки поиска учёными циклообразующего фактора тургеневского цикла. Одной из первых работ, посвящённой этой проблематике, является исследование Н.К. Невзорова «И.С. Тургенев и его последние произведения: “Стихотворения в прозе” и “Клара Милич”». Н.К. Невзоров сравнивает «Сенилии» с «калейдоскопом бриллиантов», различных по форме и качеству [6, с. 5], и предлагает следующую классификацию миниатюр, основываясь на их содержании: 1) раскрывающие художественный мир Тургенева; 2) обращённые к социальной тематике; 3) к теме приближающейся смерти (по аналогии с первоначальным названием “*Posthuma*” — от лат. «посмертные»); 4) посвящённые родному краю. Ключе-

вым фактором, позволяющим объединить миниатюры, для Н.К. Невзорова является общность мотивов. Однако такая классификация не разъясняет проблему, связанную с последовательностью расположения миниатюр в рамках циклах, а также существенно упрощает тематику. Тем не менее это была первая попытка систематизации миниатюр, которая во многом предполагала прочтение цикла в соответствии с напутствием автора.

Исследование Л.П. Гроссмана «Последняя поэма Тургенева» стало также важной вехой в осмыслении циклообразующего принципа русского издания тургеневских миниатюр. Ссылаясь на тот факт, что работа над циклом проходила постепенно, шаг за шагом приобретая чёткую и цельную концепцию, Л.П. Гроссман выделяет в нём т. н. «смысловые триптихи» [2, с. 94–97]. Главный триптих посвящён России. Он включает «стихотворения» «Деревня», «Сфинкс» и «Русский язык». Таким образом, получается, что данный триптих открывает и закрывает цикл, образуя кольцевую композицию. Среди прочих основных триптихов Л.П. Гроссман выделяет следующие: Природа («Природа», «Морское плавание», «Собака»), Античные песни («Нимфы», «Лазурное царство», «Н. Н.»), Любовь («Стой!», «Голуби», «Воробей»), Христос («Христос», «Два богача», «Повесить его»), Смерть («Старуха», «Последнее свидание», «Насекомое»), Судьба («Necessitas-Viliberias», «Два брата», «Щи»), Безверие («Монах», «Молитва», «Что я буду думать?»), Старость («Старик», «Камень», «Как хороши, как свежи были розы»), Апокалипсис («Конец света», «Разговор», «Черепья»). Также Л.П. Гроссман

обозначает дополнительные 5 триптихов: Три драмы («Маша», «Роза», «Памяти Вревской»), Три портрета («Довольный человек», «Дурак», «Эгоист»), Три сатиры («Восточная Легенда», «Два четверостишья», «Враг и друг»), Житейская пошлость («Корреспондент», «Услышишь суд глупца», «Житейское правило»), Благодетельность («Нищий», «Милостыня», «Пир у Верховного Существа»).

Объединение миниатюр в триптихи представляется нам перспективным. Во-первых, такое прочтение соответствует замыслу Тургенева о свободе читательского выбора (чтение «враздробь»). Во-вторых, оно помогает систематизировать существующие и выявить новые мотивы в творчестве писателя, а также разгадать тургеневские настроения в ходе написания цикла. Конечно, таких триптихов может быть больше, равно как и их содержание во многом может варьироваться в зависимости от читательского восприятия. Тем не менее у такого подхода имеется ряд упущений. В частности, исследователь полностью игнорирует расположение миниатюр относительно друг друга в цикле. Хотя сам автор советовал «не читать их сподряд» [9, с. 125], думается, расположение миниатюр всё-таки имеет значение, хотя бы потому, что Тургенев лично координировал работу над циклом. Более того, Л.П. Гроссман выделяет 5 миниатюр («Соперник», «Чернорабочий и Белоручка», «Завтра! Завтра!», «Мы ещё повоюем!», «Посещение»), которые не вошли ни в один триптих. Однако предположение, что данные «стихотворения» были включены в цикл по ошибке или якобы случайно, представляется сомнительным.

Отдельный раздел в книге Г.Б. Курляндской «И.С. Тургенев: Мирозрение, метод, традиции» посвящён циклообразованию в «Стихотворениях в прозе». Г.Б. Курляндская справедливо размышляет о чередовании эмоциональных рядов в цикле, когда последовательность оптимистических и пессимистических миниатюр создаёт цельную «цепь жизни» [4, с. 148]. Внутри цикла, по мнению учёного, существуют внутренние и не всегда заметные связи, которые вместе образуют единую историю «духовно-душевных» проявлений лирического героя. Таким образом, даже те миниатюры, которые могут показаться бессодержательными или находящимися за пределами цикла, являются неотъемлемыми и незаменимыми элементами целого. Поэтому 5 «стихотворений», что не вошли в триптихи, выделенные Л.П. Гроссманом, вполне могут быть классифицированы как такие «бессодержательные» миниатюры, находящиеся на стыке нескольких триптихов и выполняющих «соединяющую» роль.

Против свободного прочтения цикла, однако, решительно высказывался С.Е. Шаталов. Исследователь утверждает, что любая перегруппировка миниатюр ради «большого удобства» читателя нарушает авторскую концепцию цикла, и резко критиковал работы своих старших коллег [10, с. 149]. Внутреннее единство (мысли, развития, выводов) является обязательным признаком цикла, а потому любое объединение «стихотворений» по тематическому, жанровому, размерному или иному принципу есть явление недопустимое, по мнению исследователя.

В своём обширном исследовании С.Е. Шаталов также рассматривает

вопрос о принадлежности «Сенилий» к циклическому единству. Среди факторов, подтверждающих цикловую природу «Стихотворений в прозе», С.Е. Шаталов выделяет единство жанра входящих в цикл миниатюр, что подчёркивается в названии цикла. Согласно редакторской заметке М.М. Стасюлевича, предваряющей первое издание цикла в «Вестнике Европы», название цикла было выбрано не автором, а самим редактором, который посчитал его более удачным. Более того, жанровая природа такого новообразования как «стихотворения в прозе» до сих пор не определена точно.

Не менее важно и тематическое единство входящих в цикл миниатюр. С.Е. Шаталов предполагает, что темы цикла можно сузить до двух основных – мотивы жизни и смерти во всех их проявлениях. Несомненно, исследователь прав в таком лаконичном определении тем творчества Тургенева, как и в понимании коренной связи между ними: «жизнь Тургенев рассматривает либо как источник счастья, либо как воплощение горя, как преддверие смерти» [10, с. 151]. С.Е. Шаталов подчёркивает, что при этом у Тургенева нет противопоставления жизни и смерти: «Для Тургенева смерть – закон жизни и одно из её проявлений» [10, с. 152]. Именно рассуждения о жизни и смерти, по мысли С. Е. Шаталова, и выступают циклообразующим фактором в «Сенилиях» Тургенева: «Рассмотрев последовательно все фрагменты, мы можем утверждать закономерность чередования основных мотивов цикла: постепенно оттесняется страх смерти и кошмары, навеянные старческим настроением; мужество борения за жизнь, отвага борющихся со смертью

словно перевешивают, пересиливают эффект мрачных картин гибели индивидуальной и всеобщей. Смерть отступает; торжествует оптимистическое начало» [10, с. 152].

Пессимистические настроения присутствуют и в начале, и в середине, и в конце цикла, однако каждый раз их побеждают другие, торжествующие настроения, как полагает С.Е. Шаталов. Таким образом, тематически «Стихотворения в прозе» можно представить в виде волны, которая начинается сверху, с гуманистических нот о спокойствии и простом счастье (миниатюра «Деревня»), а затем сразу бросается в пучину, в трагические ноты о кратковременности человеческого бытия и неизбежности смерти (миниатюры «Разговор» и «Старуха») и т. д. Такое волнообразное движение тем и мотивов, тем не менее в конце приводит опять к подъёму – последние 7 миниатюр составляют торжествующий финал цикла. Исследователь выделяет 16–17 фрагментов (из напечатанных в первой редакции 50 миниатюр) с разной степенью трагического звучания, но при этом подчёркивает, что «преобладание оптимистических фрагментов безусловно определяет общее отношение писателя к жизни». А волновая, продуманная компоновка, по мнению учёного, есть не что иное, как «намерение писателя убедить читателя в закономерности оптимистического жизнеутверждающего вывода из сложных, зыбких *старческих* раздумий» (курсив автора цитируемой работы. – Ю. Б.) [10, с. 152].

Предложенное С.Е. Шаталовым объединение миниатюр по «волновому» тематическому принципу, думается, также справедливо. Однако не-

смотря на во многом справедливую критику других исследователей в их попытках разделить или объединить миниатюры в соответствии со своими представлениями, что, по мнению С.Е. Шаталова, разрушает циклическое единство «Сенилий», он сам не принимает во внимание наставление Тургенева о нецелесообразности чтения всех миниатюр в той последовательности, как они представлены в издании «Вестника Европы».

Среди последних работ, посвящённых «Стихотворениям в прозе», стоит отметить работу И.А. Беляевой «Система жанров в творчестве И.С. Тургенева», в которой в том числе затрагиваются вопросы жанрового своеобразие цикла. Опираясь на авторские пожелания Тургенева, исследователь акцентирует внимание на особом значении для писателя читательской свободы в прочтении миниатюр: «Автор предоставлял своим читателям свободу услышать или не услышать, принять или не принять ту общую идею, ту “точку зрения”, которая содержалась в его произведении», т. е. «читатель ... делал свободный выбор в следовании слову автора или отказе от этого пути» [1, с. 229]. Такое понимание циклообразующей природы «Стихотворений в прозе», однако, в некотором роде игнорирует те значения, те «скрепы», которые возникают на стыке миниатюр в едином целом «Сенилий». Тем не менее исследователь отмечает, что читательская свобода возможна только в обязательных границах: «Сенилии» – это цикл, а не сборник или подборка миниатюр.

Нам представляется, что «ограничить» свободу читателя может сам читатель, а точнее – национальная

специфика аудитории, для которой автором собиралось издание миниатюр. Другой границей выступает заглавие цикла. Два первоначальных названия – “Posthuma” и “Senilia” – обнаруживают некоторую преемственность. Мы возвращаемся к мотивам смерти и старости как к определяющим для этого цикла миниатюр. И хотя Тургенев от проблемно-тематических заглавий в итоге отказывается, общее тематическое единство, по нашему мнению, всё-таки существует. Вопрос лишь в том, как миниатюры организуются внутри цикла. Думается, организация внутри цикла во многом зависит от читателя, как и предполагал Тургенев: кто-то может следовать художественной логике писателя, расположившего миниатюры в несколько скорректированном хронологическом порядке, кто-то избрать свой путь и выстроить свои скрепы и своё прочтение цикла. Однако при этом основополагающими останутся мысли о жизни и смерти, а также «старческие» мотивы, обострившиеся в последних произведениях Тургенева.

Таким образом, циклообразующий принцип, лежащий в основе «Стихотворений в прозе», определить трудно, но возможно и необходимо. Цикл

объединяет различные миниатюры по жанру, тематике, размеру, форме и т. д., которые условно именуются «стихотворениями в прозе». Поиск циклообразующего фактора затрудняется и некой противоречивостью писателя, который, с одной стороны, предлагает условную свободу прочтения цикла в строго определённых рамках цикла, а, с другой, корректирует дату миниатюр для расположения в цикле, видимо, с определённой целью, которая до сих пор не ясна точно. Кроме того, французское издание «Сенилий», работу над которым также координировал писатель лично, имеет иной порядок, что опять же подтверждает идею о том, что порядок «стихотворений» в цикле (предназначенном для разного типа читателей – например, для русского и французского) выбирался не случайно. Поэтому в дальнейшем для научного описания природы циклизации в «Стихотворениях в прозе» Тургенева стоит учитывать разные, порой и взаимоисключающие тенденции – тяготение цикла к последовательности и его телеологичность (вплоть до ориентации миниатюр на определённый тип читателя), а также расчёт автора на свободу того, кто обращается к его тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: Московский городской педагогический университет, 2005. 250 с.
2. Гроссман Л.П. Последняя поэма Тургенева // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Современные проблемы, 1928. Т. 3. Тургенев. С. 95–98.
3. Кадацкая Д.С. Термин «цикл» в отечественном литературоведении // Молодой учёный. 2017. № 22. С. 473–478.
4. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. Тула: Гриф и Ко, 2001. 230 с.
5. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 279 с.

6. Невзоров Н.К. И.С. Тургенев и его последние произведения «Стихотворения в прозе» и «Клара Милич». Казань: Университетская типография, 1883. 25 с.
7. Недзвецкий В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: курс лекций для магистрантов. М.: Издательство Московского университета, 2011. 205 с.
8. Стасюлевич М.М. От редакции // Вестник Европы. 1882. Т. IV. С. 473-474.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. 607 с.
10. Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М.: Просвещение, 1969. 328 с.
11. Takeda I. Eudora Welty and the Short-Story cycle: a report on my research at the Mississippi Department of Archives and History // Eudora Welty Review. 2016. Vol. 8. pp. 159–172.
12. Mustard H. The lyric cycle in German literature. New York: King's Crown press, 1946. 275 p.
13. Werner R.M. *Lyrikund Lyriker. Eine Untersuchung. Hamburg and Leipzig: Beitrage zur Asthetik*, 1890. Vol. 1. 590 p.

REFERENCES

1. Belyaeva I.A. Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva [The system of genres in the works of I. Turgenev]. Moscow, Moscow City Teachers' Training University Publ., 2005. 250 p.
2. Grossman L.P. [The last Turgenev's poem]. In: *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Sovremennye problemi Publ., vol.3 "Turgenev", pp. 95–98.
3. Kadatskaya D.S. [The term "cycle" in the national literature]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 22, pp. 473–478.
4. Kurlyandskaya G.B. I.S. Turgenev. Mirovozzrenie, metod, traditsii [I. Turgenev. Worldview, method, traditions]. Tula, "Grif i Ko" Publ., 2001. 230 p.
5. Lyapina L.E. Tsiklizatsiya v russkoi literature XIX veka [Cyclization in the Russian literature of the 20th century]. St. Petersburg., Institute of Chemistry of St. Petersburg State University Publ., 1999. 279 p.
6. Nevzorov N.K. I.S. Turgenev i ego poslednie proizvedeniya "Stikhotvoreniya v proze" i "Klara Milich" [I. Turgenev and his last works "Poems in prose" and "Clara Milich"]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1883. 25 p.
7. Nedzvetskii V.A. I.S. Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya [Turgenev: the logic of creativity and mentality of the protagonist]. Moscow, Moscow University Publ., 2011. 205 p.
8. Stasyulevich M.M. [From the editors]. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1882, vol. IV, pp. 474.
9. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. [Complete works and letters: In 30 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Vol. 10. 607 p.
10. Shatalov S.E. Problemy poetiki I.S. Turgeneva [Problems of the poetics of I. Turgenev]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 328 p.
11. Takeda I. Eudora Welty and the Short-Story cycle: a report on my research at the Mississippi Department of Archives and History. In: *Eudora Welty Review*, 2016, vol. 8, pp. 159–172.
12. Mustard H. The lyric cycle in German literature. New York, King's Crown press, 1946. 275 p.
13. Werner R.M. *Lyrikund Lyriker. Eine Untersuchung. Hamburg and Leipzig, Beitrage zur Asthetik* Publ., 1890. Vol. 1. 590 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмистрова Юлия Дмитриевна – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: tweeeeca@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia D. Burmistrova – a postgraduate student at the Department of Russian literature, Lomonosov Moscow State University;
email: tweeeeca@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бурмистрова Ю.Д. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и проблема циклообразования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 72–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-72-80

FOR CITATION

Burmistrova Y.D. “Poems in prose” by I. Turgenev and the cycle-forming problem. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 72–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-72-80

УДК 821.112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-81-92

МОТИВ «ВРАЖДУЮЩИХ БРАТЬЕВ» В ДРАМАТУРГИИ Ф.М. КЛИНГЕРА И Ф. ШИЛЛЕРА

Гладилин Н.В.*Литературный институт имени А.М. Горького**123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация. Немецкие драматурги Ф.М. Клингер и Ф. Шиллер, начинавшие в художественной парадигме «Бури и натиска», по два раза каждый в своём творчестве обращались к типичному для этого течения мотиву «враждующих братьев». На примере четырёх драм в статье прослеживается постепенное затухание первоначального импульса «Бури и натиска», постоянная ревизия эстетических и мировоззренческих доминант. Шиллер, более молодой, сразу модифицирует радикальный субъективизм раннего Клингера, позже оба подвергают свои философские и эстетические взгляды дальнейшему пересмотру. Выясняется, что конфликт между братьями в «Близнецах» Клингера является как биологическое противостояние силы и слабости, в «Разбойниках» Шиллера – как идеологическое противостояние добра и зла, идеализма и материализма, в «Фальшивых игроках» Клингера – как бытовая стычка двух преступников, а в «Мессинской невесте» Шиллера – как обусловленное роком столкновение двух в равной мере идеализированных природных стихий в духе «веймарского классицизма».

Ключевые слова: Фридрих Максимилиан Клингер, Фридрих Шиллер, «Буря и натиск», враждующие братья, веймарский классицизм.

THE MOTIVE OF “ANTAGONISTIC BROTHERS” IN THE DRAMA OF F. KLINGER AND F. SCHILLER

N. Gladilin*Maxim Gorky Institute of Literature**25 Tverskoy blv., Moscow 123104, Russian Federation*

Abstract. Both German playwrights F. Klinger and F. Schiller, who started in the art paradigm of “Sturm und Drang”, twice addressed the motive of “antagonistic brothers”, typical for the literature trend. Using four dramas as examples, the article traces a gradual weakening of the initial impulse of “Sturm und Drang”, a constant revision of aesthetical and worldview dominant ideas. Being younger, Schiller immediately modifies extreme subjectivity of early Klinger and later they both reassess their philosophical and aesthetical judgments. It turns out that the conflict between the brothers in Klinger’s “The twins” appears as a biological opposition of strength and weakness, in Schiller’s “The Robbers” as an ideological opposition of good and evil, idealism and realism, in Klinger’s “The False Players” as a domestic quarrel of two criminals and in Schiller’s “The Bride of Messina” as the determined by fate, equally idealized two forces of nature inspired by “Weimar classicism”.

Key words: Friedrich Maximilian Klinger, Friedrich Schiller, “Sturm und Drang”, antagonistic brothers, Weimar classicism.

Мотив «враждующих братьев» – один из самых популярных в драматургии «Бури и натиска». Достаточно сказать, что когда в 1775 г. на пике популярности этого литературного течения, гамбургский театр учредил конкурс на лучшую современную драму с достойным премиальным фондом, в жюри поступило три пьесы – и все три строились на конфликте между родными братьями [см.: 13, s. 189–190]. В итоге премии была удостоена трагедия Ф.М. Клингера «Близнецы», в которой некоторые исследователи склонны видеть «самое чистое и самое интенсивное осуществление драмы “Бури и натиска”» [15, s. 264], а в её протагонисте Гвельфо – наиболее характерного героя «Бури и натиска», сильной, «автономной» личности, самой устанавливающей для себя законы и действующей в согласии с ними. Комментируя итоги гамбургского конкурса, А.Н. Макаров указывает на оптимальное соответствие «Близнецов» духу «бурного десятилетия»: «Показ эмоционально-чувственного начала, более прямолинейный, чем в пьесе Лейзевицка “Юлиус Тарентский”, обеспечил Клингеру пальму первенства» [5, с. 136].

На излёте «Бури и натиска» Клингер ещё раз обратился к мотиву братьев-антагонистов – на сей раз в комедии «Фальшивые игроки» (1782). Эта драма имеет некоторые интертекстуальные референции к появившимся годом ранее «Разбойникам» Шиллера, трактующим всё ту же тему и во многом созвучную идеям и эстетике «бурных гениев». Прошло совсем немного лет после публикации «Близне-

цов», однако характер пьесы принял во многом иные черты. На примере драм Клингера и Шиллера о братьях-врагах можно проследить всю короткую историю «Бури и натиска» – от её самых громких манифестаций до постепенного иссякания «штюрмерского» импульса. Наконец, уже в XIX в. Шиллер вновь использовал этот мотив в трагедии «Мессинская невеста или Братья-враги» (1803), уже не имеющей с «Бурей и натиском» ничего общего, всецело принадлежащей к парадигме веймарского классицизма.

До сих пор в научной литературе названные драмы сопоставлялись либо попарно, либо строго в контексте «Бури и натиска» (особенно часто выбор ограничивался «Близнецами» и «Разбойниками»). Мы же ставим своей задачей рассмотрение эволюции мотива «братьев-врагов» у двух авторов не в синхронном, а в диахронном аспекте, с целью проследить, как эволюция заявленного мотива отражала эволюционные процессы в немецкой литературе в целом, на протяжении почти тридцати лет, на пути от «Бури и натиска» к веймарскому классицизму, не минуя и промежуточные этапы. При этом отметим, что прежде тема «братьев-врагов» в подобном аспекте разрабатывалась преимущественно немецкими литературоведами, тогда как в отечественной науке о литературе подобных специальных исследований заявленного мотива до сих пор не проводилось.

Мотив «враждующих братьев» у обоих драматургов представляет собой очевидную отсылку к Библии. В

«Близнецах» обделённый судьбой брат открыто сравнивается с Исавом, у которого Иосиф купил право первородства [ср.: 12, Bd. 2, s. 32], **братоубийство** в «Близнецах» и в «Разбойниках» аллюдирует к истории Каина и Авеля; кроме того, в «Разбойниках» и «Фальшивых игроках» сильны отсылки к притче о Блудном сыне. Но причина конфликта братьев в каждой драме своя; она определяется мировоззренческими установками авторов на момент написания той или иной драмы. Популярность этого мотива для «Бури и натиска» объясняет Х.Х. Борхердт: «Эпоха безграничного субъективизма, которая взбунтовалась против всякого стеснения, должна была даже семейные узы ощутить как проблематичные; и таким образом она трактует братоубийство как трагическое следствие борьбы гениальной отдельной личности с властью» [8, с. 33]. Но несмотря на библейские аллюзии, этот конфликт носит у штюрмеров секуляризованный характер: в своих злоключениях «обделённые», страждущие братья совсем не склонны винить Бога, но всецело – социальные условия, злокозненных родственников.

«Эмоциональная лексика, характерная экспрессивность стиля делают тексты автора типичными для всей литературы штюрмеров», – пишет о раннем Клингере М.В. Красильников [3, с. 37]. Правда, в «Близнецах», в противовес программным заявлениям авторов «Бури и натиска», чётко соблюдаются три аристотелевых единства – в частности, ради соответствия условиям гамбургского конкурса. Однако, например, единство действия являет себя как предельная монотония. В сущности, в трагедии, почти ничего

не происходит – внимание зрителя и читателя приковано исключительно к колебаниям внутреннего состояния Гвельфо. Чувствуя себя обойдённым в праве первородства, он то безуспешно старается выяснить, кто же из двух близнецов первым вышел из чрева матери, то обрушивается неумённой яростью на счастливица-брата, «похитившего» у него не только материальные блага, даруемые законом майората, но и невесту.

При этом из двух братьев-близнецов один только Гвельфо обрисован рельефно. Его антагонист Фердинандо очень недолго пребывает на сцене, о нём и его свойствах мы узнаем преимущественно из характеристик других действующих лиц, в первую очередь, самого Гвельфо. Конфликт братьев постепенно являет себя не столько как имущественный и любовный, сколько как чисто биологический: сила, воля, энергия, гипертрофированное мужество против слабости, мягкости, кротости, прекраснотуши. Гвельфо, который сам себя называет «львом» [12, Bd. 2, s. 44] и в котором поистине есть нечто звериное, видит нарушение миропорядка именно в том, что слабое и нежное одержало верх над сильным и грубым. «Я Гвельфо – человек, своими деяниями ужасный для друзей и врагов. И вот Фердинандо – тщеславный, жалкий, кукольный человек, который много болтает о чувствах и ничем не обладает, кроме девичьей душонки» [12, Bd. 2, s. 138]. Он настолько презирает Фердинандо, что после его смерти заявляет отцу: «Старик! У меня не было брата» [12, Bd. 2, s. 196].

Настольной книгой молодого Клингера, по утверждению Гёте, был

«Эмиль» Руссо [ср.: 1, с. 573]. Французский мыслитель всегда был для него главным идеологическим ориентиром. Но восхваление природного начала, изначальной свободы личности у Руссо модифицировалось у молодого Клингера в своеобразный культ грубого естества, свободного от рефлексии и этических ограничений. Клингер настолько последователен в своей апологии естественного права, что отрицает право слабого Фердинандо играть существенную роль в его трагедии. По сути, из её персонажей контрастом к Гвельфо служит скорее его наперсник Гримальди. Гвельфо олицетворяет собой действие, Гримальди – резиньяцию. Вместе с тем последний своими lamentациями о навсегда утраченном счастье и лестью в адрес своего друга умело распаляет его жажду мести, подталкивая к роковому поступку – братоубийству.

По нашему мнению, Гвельфо – не «образцовый» пример героя «Бури и натиска» (на эту роль скорее подходит харизматичный гётевский Гетц). Хотя бы потому, что это патологическая, психически больная личность, чья болезнь исключает какую-либо созидательную, творческую деятельность. Энергия Гвельфо совершенно бесплодна, направлена на разрушение; обида застит ему глаза, искажает объективный взгляд на реальность. Гвельфо склонен к пароксизмам лютой жестокости (к уже поверженному врагу [ср.: 12, Bd. 2, s. 14], к арендатору [ср.: 12, Bd. 2, s. 56], к слуге [ср.: 12, Bd. 2, s. 172]), не способен на любовь к ближним, обвиняет в своих злоключениях исключительно окружающих и никогда – самого себя. Ослеплённый своей *idûe fixe*, он перестаёт адекватно

воспринимать ситуацию: свято верит в своё первородство при полном отсутствии доказательств, воображает, что супруга брата любит не мужа, а его, Гвельфо, что абсолютно не соответствует истине. Мышление Гвельфо принимает откровенно параноидальный характер. Он настолько становится рабом своего аффекта, что, по сути, перестаёт быть «сильной личностью». И всё же он – весьма характерный для «Бури и натиска» персонаж: действует, не размышляя, ставит чувство выше разума, полагается во всём только на себя, верит в счастливую звезду своей «гениальной» натуры.

Шиллер выводит в «Разбойниках» сразу двух таких «гениев». Оба брата Мооры – сильные личности, ставящие своё «я» в центр мироздания и не гнушающиеся в средствах ради реализации своих планов. Но от клингеровского Гвельфо их отличают прежде всего развитые рефлексивные способности. Их действия мотивированы не столько биологически, сколько идеологически. Правда, отдавая дань многовековой традиции, особенно барочной, Шиллер делает злодея Франца безобразным, в противовес красавцу Карлу, и вменяет ему детское увлечение христианскими мучениками, тогда как Карл предпочитает жизнеописания великих полководцев у Плутарха. Это – прямая отсылка к Клингеру – у того близнецы имеют в детстве те же самые пристрастия. Но идеологические программы шиллеровских братьев не есть раз и навсегда заданная константа. Франц Моор – ультраматериалист и фанатик безграничной власти, в финале способный, однако, ужаснуться самому себе и воззвать к поруганному им Господу. Карл ана-

лизирует результаты своих деяний на протяжении всего действия – и в итоге не менее радикально пересматривает свою жизненную программу. В случае шиллеровских братьев разница их физических данных не играет большой роли: их конфликт принимает черты противостояния зла с добром. Франц – воплощение «принципа» зла – нарисован исключительно чёрной краской. В отличие от простодушного Гвельфо он – интеллект, сознательно попирающий этические законы, руководствуясь своеобразной «философией»: «Человек возникает из грязи, шлепает некоторое время по грязи, порождает грязь, в грязь превращается, пока наконец грязью не налипнет на подошвы своих правнуков! Вот и вся песня, весь грязный круг человеческого предназначения» [7, т. 1, с. 455]. Другое дело – Карл. Это характер неоднозначный: имея много добрых задатков, претендуя даже в своей разбойничьей ипостаси, на благородство и великодушие, он осознаёт, что добивался своих целей негодными средствами и предаёт сам себя суровому моральному суду: «Загубленное мною — загублено. Никогда не восстановит поверженного! Но я ещё могу умиротворить поруганные законы, утешать израненный мир. Ты требуешь жертвы, жертвы, которая всему человечеству покажет нерушимое величие твоей правды. И эта жертва — я! Я сам должен принять смерть за неё» [7, т. 1, с. 496]. Между тем, для молодого Клингера не имеет принципиального значения как раз этическая составляющая драмы. Вопрос о том, «добр» или «зол», «хорош» или «плох» тот или иной герой в случае трагедии «Близнецы» совершенно неуместен. Гвельфо живёт по закону, ранее сфор-

мулированному главным теоретиком «Бури и натиска» И.Г. Гердером: «Пусть каждый действует только из себя, согласно своему внутреннему характеру; будь верен себе – вот и вся мораль» [цит. по: 17, s. 7].

Это обстоятельство, как и ряд других, побуждает некоторых исследователей принципиально вынести творчество не только зрелого, но и молодого Шиллера за рамки «Бури и натиска». Наиболее аргументированной эта точка зрения выглядит у М. Ваккера. Сопоставляя «Близнецов» и «Разбойников», он отмечает не только кардинальную мировоззренческую, но и стилистическую разницу между двумя драмами и двумя авторами (доминантная роль глаголов у штюрмеров и существительных – у Шиллера, засилье абстрактных понятий в «Разбойниках» в пику конкретной лексике у Клингера, «рванный», «топчущийся на месте» характер монологов героев штюрмерских драм, у Шиллера – даже при многочисленных синтаксических нарушениях – «динамическое», подчинённое определённой цели высказывание, построенное по всем правилам риторики). М. Ваккер строго разграничивает аффект (у Клингера) и пафос (у Шиллера): «Тогда как при аффекте причину следует искать в абсолютизации мгновенного внутреннего состояния, в пафосе индивидум освобождается от диктата мгновения тем, что отражает вневременные закономерности» [18, s. 92]. Но главный «водораздел» всё же проходит в области философской концепции драм: конечное в «Разбойниках» всегда отсылает к трансцендентному, бесконечному, тогда как «штюрмеры» абсолютизируют земное, конечное. Писатели «Бури и натиска»

ставят на индивидуальное, Шиллер – на всеобщее. Таким образом, М. Ваккер справедливо видит в «Разбойниках» чётко проявленные ростки всего того, чем прославится Шиллер времён веймарского классицизма. К сходному выводу приходит отечественный исследователь А.Н. Макаров: «Мысль, положенная в основу «Разбойников», – мысль нравственная, этическая проблема, привычная всем уже на протяжении веков» [4, с. 135] – то есть тривиальная, лишённая штюрмерской «революционности».

Большинство исследователей, однако, рассматривают раннее творчество Шиллера и, в частности, его первую драму как поздний отрог «Бури и натиска». Так, В. Хиндерер видит в Шиллере «запоздалого штюрмера» [10, s. 230], усвоившего от старших современников индивидуалистический порыв к свободе и бунт против общественных конвенций. Даже по содержанию «Разбойники» примыкают к «Буре и натиску». Сюжет, как указывает У. Картхаус, заимствован из повести К.Ф.Д. Шубарта «К истории человеческого сердца» (1775), даже имена героев у Шиллера повторяют шубартовские [11, s. 125]. М.Н. Розанов, в свою очередь, замечает: «Разбойники» Шиллера имели себе предшественника в виде пьесы Ленца «Добродетельный негодяй» [6, с. 363], а страницей ранее показывает также интертекстуальную переключку с другой ленцевской пьесой – «Два старика». Безусловно и влияние Клингера – неистовость страстей, безмерная жажда справедливости, мегаломания, пренебрежение законами, стремление к абсолютной свободе. Это, в частности, находит отражение в знаменитой реплике разбойника Моо-

ра: «Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода порождает гигантов и высокие порывы. Проникши в брюхо тирана, они потворствуют капризам его желудка и задыхаются от его ветров! О, если бы дух Германа восстал из пепла! Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, пред которой и Рим и Спарта покажутся женскими монастырями [7, т. 1, с. 382]. Но таков Карл Моор лишь в первой половине драмы – чем дальше, тем больше он осознаёт плачевные последствия своих императивов. В нём просыпается совесть – инстанция, не имевшая большого значения для штюрмеров первого призыва. В результате, как пишет Т.Ю. Игнатьева, «Шиллер противопоставляет природной» свободе (die Freiheit des Raubtiers) свободу человеческую (die Freiheit des Menschen), имея в виду под «человеческим» то возвышенное и идеальное, что поднимает человека над его материальной природой» [2, с. 9]. Осознав принципиальный диссонанс своей преступной деятельности с «возвышенным и идеальным», с лежащей в основе мира предустановленной гармонией, Карл Моор терпит крах. Крах терпели и прежние герои «Бури и натиска», но он был обусловлен извне, а не изнутри, внешним противодействием, а не расколотым «я» персонажей, объятых моральным конфликтом.

«Разбойники» – первая штюрмерская драма, в которой персонаж полностью ощущает свою вину – и вместе с тем предвосхищение более поздних, не-штюрмеровских драм Шиллера, где концепт вины играет определяющую роль. Вместе с осознанием вины появляется осознание собственной от-

ветственности перед той самой идеей универсальной гармонии. Поэтому штурмерская по своему импульсу драма Шиллера уже преступает границы эстетики «Бури и натиска», по крайней мере в понимании Клингера. Шиллер моложе Клингера всего на семь лет, но ведь вся короткая история «Бури и натиска» оказалась немногим более долгой.

«Фальшивые игроки» уже знаменуют конец движения «бурных гениев». «Близнецы» и «Разбойники» по жанру были трагедиями (пусть Шиллер и предпочёл обозначение «драма»); «Игроки» названы автором «комедией» и таковой, в принципе, являются. «Несмотря на явные сюжетные параллели, – отмечает А. Пеплау, – само изображение брата-интригана, которому в “Игроках” отведена второстепенная роль, показывает, что Клингер старается приглушить конфликты в комедийном ключе. Так, хотя Карл фон Шталь и стремится завладеть наследством своего брата и его возлюбленной, он всё же, в отличие от Франца фон Моора, не вынашивает планы убийства; мотив предательства смягчён тем, что между сводными братьями нет кровного родства и Карл в своих действиях находится под существенным влиянием алчного управляющего имением» [16, s. 160].

Вопрос сознательного следования Клингером Шиллеру остаётся открытым: имена Карл и Франц встречаются в его пьесах довольно часто, причём в «Игроках» старшим, в отличие от «Разбойников», является Франц, и он же представляет собой сложный, неоднозначный характер, в отличие от совершенно несимпатичного Карла. Оба брата предаются одному по-

року – нечестной карточной игре, но если Карл – заурядный и к тому же неудачливый шулер, то выдающий себя за маркиза Франц – истинный «поэт» мошенничества с претензией на известное благородство души, подобно Карлу Моору не чуждый робин-гудовских установок. «Благородная, щедрая душа, этот маркиз! – говорит о нём его товарищ-шулер. – Надо сказать, он играет только для того, чтобы отнимать деньги у богачей и помогать беднякам» [12, Bd. 5, s. 116]. И действительно: своим выигрышем он составляет счастье честного, прямодушного, но бедного Капитана. Но «маркизу» Францу чужд трагический пафос Карла Моора: в сущности, он скептик, пошляк и циник. Его отношение к любящей его «романтической» [12, Bd. 5, s. 174] Юльетте начисто лишено какой-либо романтики (вспомним «высокие» чувства шиллеровского Карла к Амалии). Он видит в ней исключительно средство удовлетворения своих гедонистических потребностей и готов пренебречь её любовью ради своего эгоистического счастья. Его жизненные установки отчасти напоминают максимы «гениальных натур» раннего Клингера. Так, в ответ на увещания Капитана оставить преступный образ жизни он с большим достоинством дважды повторяет: «только я могу быть своим собственным судьей» [12, Bd. 5, s. 161–162]. Он отвергает тихую гавань семейного счастья: «И я должен позволить заключить себя в темницу, распрощаться с этой ареной, где я – самый везучий борец? Любое наслаждение доступно мне, и моя пылкая фантазия не знает границ своего вожделения. Нет, я хочу быть сильным и свободным!» [12, Bd. 5, s. 154] И как и

Гвельфо, как и Карл Моор на протяжении первой половины «Разбойников», он возлагает ответственность за своё моральное падение не на самого себя, а на общество, в частности, на своих близких: «Вы исторгли меня; предоставили меня моей судьбе, которая была ужасна, поскольку я чувствовал себя таким покинутым» [12, bd. 5, s. 151]. В результате «маркиза» Франц отказывается вернуться в лоно семьи и попросту сбегает от готового к прощению отца и беззаветно любящей его женщины, навстречу новым приключениям. Перед побегом он широковещательно заявляет: «Пришёл момент выбрать своё предназначение; быть филистером или человеком моего склада, не связанным никакими земными узами» [12, bd. 5, s. 168]. Но наследуя черты героев «Бури и натиска», центральный персонаж «Фальшивых игроков» комедийно снижен, руководствуется в своих действиях не «бурными» страстями, а циничным расчётом, его «профессия» предполагает умение владеть собой и обуздывать себя, у него «холодное, пресыщенное сердце» [12, Bd. 5, s. 103], интересы и цели его мелки, и самое главное – он не столько противостоит социуму, сколько пользуется его несовершенством, мимикрирует под него. В 80-е гг. XVIII в. Клинггер уже перестал быть штюрмером, изжил присущий «Буре и натиску» экстремизм, о чём, в частности, свидетельствуют созданные непосредственно перед «Фальшивыми игроками» комедии «Дервиш» и «Принц Шелковичный Червь», романы «Новый Орфей» и «Плимплампласко» (в соавторстве с Лафатером и Саразином) – намеренно легковесные, не совсем серьёзные, свободные от чувства трагизма бытия.

Спустя годы, к изданию своих произведений в 1794 г. Клинггер заново переработал и «Близнецов», и «Фальшивых игроков». Первая пьеса подверглась прежде всего стилистической правке – нарушения синтаксиса и грубые речевые обороты речи были сведены к минимуму. Во второй же автор диаметрально изменил финал. На сей раз добродетельному Капитану удаётся убедить «маркиза» Франца внять голосу совести, Блудный Сын порывает с криминальным образом жизни и возвращается в семью. «Убеждение» происходит своеобразно: посредством дуэли, в которой Капитан ранит Франца. Но всё равно этот финал воспринимается как неестественный, не вытекающий из логики действия и прежде всего характера героя. Клинггер как бы старается «догнать» Шиллера в своём развитии – ведь в «Разбойниках» именно совесть Карла Моора (а в известной мере – и его злодея-брата) определяет трагическую развязку. Но то, что у Шиллера было органичным, в случае второй редакции «Фальшивых игроков» выглядит натянутым, искусственным. Впрочем, к тому времени Клинггер был уже не драматургом, а сочинителем романов, в центре которых были преимущественно этические проблемы.

Шиллер же вернулся к мотиву враждующих братьев в своём позднем творчестве, когда уже целиком стоял на позициях веймарского классицизма. Его «Мессинская невеста» – наиболее радикальная попытка воссоздать дух и букву античной трагедии, которая, тем не менее, оказалась анахронической. В этом произведении два брата, соперничающие из-за невесты, вдруг оказывающейся их сестрой, суть не

характеры, а сюжетные функции. В основе их действий – воля слепого рока, а не мировоззренческие соображения. Эти действия часто вообще лишены мотивировки (например, изначальная вражда братьев и их внезапное примирение в первом акте). «Мессинская невеста» во многом имеет характер природной мистерии, где властвуют уже не внутренние законы личности субъекта, а объективные законы мироздания. На место социальных и психологических мотивов, руководивших героями «Разбойников», приходит фатум, индифферентный к добру и злу. Два враждующих брата принципиально ничем особенным не отличаются друг от друга, представляя собой равноценные стихийные силы. Не удивительно, что предсказания оракула, зловещие знамения, постепенное, «пошаговое» узнавание героями истинного положения дел, а также постоянные комментарии происходящего со стороны псевдоантичного хора – весь этот антураж софокловой трагедии оказался чужд и непонятен современникам Шиллера, поэтому он снял пьесу с репертуара веймарского театра после первого же представления. К тому же неубедительной получилась попытка перенести время и место действия античной по духу трагедии в христианскую эпоху и в христианскую страну. Тем более, что набожные увещания матери и сестры злополучных братьев не достигают цели: «Мессинская невеста» заканчивается самоубийством кающегося братоубийцы, что с христианской точки зрения есть величайший грех. «Предлагаемые Доном Сезаром обоснования – грубая смесь античных и христианских мыслей (а также низких аффектов и высоких идей), так что

представляется крайне рискованным признавать в финале драмы шиллеровскую концепцию возвышенного» [9, s. 152]. По сей день «Мессинская невеста» остаётся едва ли не самой невостребованной драмой Шиллера. Но вместе с тем в ней наиболее ярко выражены классицистские устремления автора, его требования «прекрасной видимости», уводящей от земной реальности несовершенных субъектов в идеальное царство объективной красоты. В статье о «Применении хора в трагедии», предпосланной «Мессинской невесте», Шиллер ясно заявляет, что «искусство только и достигает правды, совершенно отрываясь от действительности и становясь чисто идеальным. Сама природа есть лишь идея духа, никогда не воспринимаемая чувствами. Она лежит под покровом явлений, но сама никогда не обнаруживается в явлении. Лишь искусству идеала дано или, вернее, задано постичь этот дух сущего и закрепить его в осязаемой форме» [7, п. 6, с. 658].

Проследив двукратное обращение как «раннего» штюрмера Клингера, так и «позднего» штюрмера Шиллера к сюжету, основанному на вражде братьев, можно заметить, как первоначальный импульс «Бури и натиска», революционный в своей концепции личности, но наивно основанный на естественном праве и несущий для личности только саморазрушение и гибель, претворился в четыре различные этические и четыре различные эстетические концепции. Апология «естественного права» в «Близнецах», чреватая физической либо духовной гибелью для всех героев «Бури и натиска», подвергается в «Разбойниках» и «Фальшивых игроках» существенной

реvisions – в первой драме осознаётся необходимость соотносить свои поступки с универсальным миропорядком, а во второй происходит развенчание «гениального субъекта», который показан как авантюрист с крайне сомнительными жизненными принципами и приземлёнными интересами. Наконец, в «Мессинской невесте» происходит снятие всякой субъективной воли путём полного её подчинения игре трансцендентных сил. С эстетической точки зрения также налицо серьёзная эволюция: если в «Близнецах», как верно подмечает Г. Маттенклотт, персонажи одномерны – не действующие лица, а персонифицированные свойства в духе барокко [ср.: 14, s. 67], то герои «Разбойников» также воплощают какой-то один принцип, но уже в становлении, в диалектическом развитии. Персонажи «Фальшивых игроков» – живые фигуры в лучших традициях просветительского реализма,

а в «Мессинской невесте» мы опять имеем дело с плоскими персонажами-схемами. Таким образом, четыре пьесы с одним и тем же ярко выраженным мотивом «враждующих братьев» представляют собой четыре разных поэтологических конструкта, отражающих четыре разных этапа эволюции сознания одного из самых славных поколений в немецкой литературе – от ярко выраженного субъективизма «Бури и натиска» к предельной объективности веймарского классицизма. Соответственно, конфликт между братьями являет себя в «Близнецах» как биологическое противостояние силы и слабости, в «Разбойниках» – как идеологическое противостояние добра и зла, идеализма и материализма, в «Фальшивых игроках» – как бытовая стычка двух преступников, а в «Мессинской невесте» – как обусловленное роком столкновение двух в равной мере идеализированных природных стихий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И.В. Поэзия и правда. Из моей жизни. М.: Захаров, 2003. 736 с.
2. Игнатьева Т.Ю. Эволюция концепта «свобода» в драмах Ф. Шиллера // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. № 5(19). С. 7–15.
3. Красильникова М.В. Жанровое своеобразие романа Ф.М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» в контексте немецкой эпической традиции рубежа XVIII–XIX вв: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 213 с.
4. Макаров А.Н. Раннее творчество Фридриха Шиллера и тривиальность // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. 2014. № 3(44). С. 134–138.
5. Макаров А.Н. Элементы тривиальности в раннем творчестве Ф.М. Клингера // Дискуссия. Журнал научных публикаций. Серия: Филологические науки. 2014. № 2(43). С. 134–137.
6. Розанов М.Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц: Его жизнь и произведения. М.: Университетская типография, 1901. 582 с.
7. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1958.
8. Borchardt H.H. Schiller. Seine geistige und künstlerische Entwicklung. Leipzig: Quelle & Meyer, 1929. 164 S.
9. Buschmeier M., Kaufmann K. Einführung in die Literatur des Sturm und Drang und der Weimarer Klassik. Darmstadt: WBG, 2010. 160 S.

10. Hinderer W. Freiheit und Gesellschaft beim jungen Schiller // Sturm und Drang. Ein literaturwissenschaftliches Studienbuch. Kronberg/Ts: Athenäum, 1978. S. 230–256.
11. Karthaus U. Sturm und Drang. Epoche-Werke-Wirkung. München: Verlag C.H. Beck, 2015. 280 S.
12. Klinger F.M. Werke. Historisch-kritische Ausgabe in 21 Bänden. Tübingen: Niemeyer, 1997.
13. Luserke M. Sturm und Drang. Autoren, Texte, Themen. Stuttgart: Reclam, 1997. 389 S.
14. Mattenklott G. Melancholie in der Dramatik des Sturm und Drang. Erweiterte und durchgesehene Auflage. Königstein: Athenäum, 1985. 184 S.
15. May K. Beitrag zur Phänomenologie des Dramas im Sturm und Drang // Germanisch-romanische Monatsschrift. 1930. no. 18. S. 260–268.
16. Poelplau A. Selbstbehauptung und Tugendheroismus. Das dramatische Werk Friedrich Maximilian Klingers zwischen Sturm und Drang und Spätaufklärung. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2012. 284 S.
17. Siegrist Ch. Aufklärung und Sturm und Drang: Gegeneinander oder Nebeneinander? // Sturm und Drang. Ein literaturwissenschaftliches Studienbuch / Hink W. (Hrsg.). Kronberg/Ts.: Athenäum, 1978. S. 1–13.
18. Wacker M. Schillers "Räuber" und der Sturm und Drang. Stilkritische und typologische Überprüfung eines Epochenbegriffs. Göttingen: Kümmerle 1973. 205 S.

REFERENCES

1. Gete I.V. Poeziya i pravda. Iz moei zhizni [Poetry and truth. From my life]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 736 p.
2. Ignat'eva T.Yu. [Evolution of the concept "freedom" in Friedrich Schiller's dramas]. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya "Filologiya" [Bulletin of Pushkin Leningrad State University. Series Philology], 2008, no. 5 (19), pp. 7–15.
3. Krasil'nikova M.V. Zhanrovoe svoeobrazie romana F.M. Klingera «Faust, ego zhizn', deyaniya i nizverzhenie v ad» v kontekste nemetskoj epicheskoi traditsii rubezha XVIII–XIX vv: dis. ... kand. filol. nauk [Genre originality of the novel by F. Klinger "Faust, his life, deeds and overthrow to hell" in the context of the German epic tradition of the turn of the 19-20 centuries: PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2014. 213 p.
4. Makarov A.N. [Early works by Friedrich Schiller and the triviality]. In: Diskussiya. Politematicheskii zhurnal nauchnykh publikatsii [Polythematic journal of scientific publications "Discussion"], 2014, no. 3 (44), pp. 134–138.
5. Makarov A.N. [Elements of triviality in the early works of F. Klinger]. In: Diskussiya. Politematicheskii zhurnal nauchnykh publikatsii [Polythematic journal of scientific publications "Discussion"], 2014, no. 2 (43), pp. 134–137.
6. Rozanov M.N. Poet perioda "burnykh stremlenii" Jakob Lents: Ego zhizn' i proizvedeniya [The poet of the "wild aspirations" period Jakob Lenz: His life and works]. Moscow, University printing house, 1901. 582 p.
7. Shiller F. Sobranie sochinenii v 7 tomakh [Collected works in 7 volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955–1958.
8. Borchardt H.H. Schiller. Seine geistige und künstlerische Entwicklung. Leipzig, Quelle & Meyer Publ., 1929. 164 S.
9. Buschmeier M., Kaufmann K. Einführung in die Literatur des Sturm und Drang und der Weimarer Klassik. Darmstadt, WBG, 2010. 160 S.
10. Hinderer W. Freiheit und Gesellschaft beim jungen Schiller. In: Sturm und Drang. Ein literaturwissenschaftliches Studienbuch. Kronberg/Ts, Athenäum, 1978. S. 230–256.

11. Karthaus U. Sturm und Drang. Epoche-Werke-Wirkung. München, Verlag C.H. Beck, 2015. 280 S.
12. Klinger F.M. Werke. Historisch-kritische Ausgabe in 21 Bänden. Tübingen, Niemeyer, 1997.
13. Luserke M. Sturm und Drang. Autoren, Texte, Themen. Stuttgart, Reclam, 1997. 389 S.
14. Mattenklott G. Melancholie in der Dramatik des Sturm und Drang. Erweiterte und durchgesehene Auflage. Königstein, Athenäum, 1985. 184 S.
15. May K. Beitrag zur Phänomenologie des Dramas im Sturm und Drang. In: Germanisch-romanische Monatsschrift, 1930, no. 18, S. 260–268.
16. Poeplau A. Selbstbehauptung und Tugendheroismus. Das dramatische Werk Friedrich Maximilian Klingers zwischen Sturm und Drang und Spätaufklärung. Würzburg, Königshausen & Neumann, 2012. 284 S.
17. Siegrist Ch. Aufklärung und Sturm und Drang: Gegeneinander oder Nebeneinander? In: Hink W., ed. Sturm und Drang. Ein literaturwissenschaftliches Studienbuch. Kronberg im Taus, Athenäum, 1978. S. 1–13.
18. Wacker M. Schillers “Räuber” und der Sturm und Drang. Stilkritische und typologische Überprüfung eines Epochenbegriffs. Göttingen, Kümmerle 1973. 205 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладилин Никита Валерьевич – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Литературного института имени А.М. Горького;
e-mail: nikitagl@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Gladilin – Doctor in Philological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages Maxim Gorky Institute of Literature and ;
e-mail: nikitagl@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гладилин Н.В. Мотив «враждующих братьев» в драматургии Ф.М. Клингера и Ф. Шиллера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 81–92.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-81-92

FOR CITATION

Gladilin N.V. The motive of “antagonistic brothers” in the playwriting of F. Klinger and F. Schiller. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 81–92.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-81-92

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100

ДВА НИЩИХ: ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПРЕТЕКСТ В СТИХОТВОРЕНИИ К. СИМОНОВА «ДО УТРА ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ...»

Коржова И.Н.*Орский колледж искусств**462422, Оренбургская область, г. Орск, ул. Советская, д. 65, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию литературных и культурных традиций в стихотворении Симонova «До утра перед разлукой...». Определён претекст произведения – стихотворение Лермонтова «Нищий». Сравнительный анализ позволил заключить, что Симонov сохраняет двучастную композицию предшественника, но отказывается от прямой аллегоричности. Также выявлен второй источник стихотворения – фольклорный сюжет о возвращении мужа на свадьбу жены. Установлено, что советский поэт использует сюжетные ситуации претекстов, но меняет их оценку, одинаково не принимая лермонтовскую и народную аксиологию. Его собственная система ценностей основана на крайнем максимализме, бескомпромиссности и укрупнённости чувств. Но эти черты, близкие романтизму, соединяются с реалистической детализацией, прозаизацией языка и психологической сложностью лирического героя.

Ключевые слова: Симонov, Лермонтов, романтизм, реализм, идиостиль, интертекст, муж на свадьбе жены.

TWO BEGGARS: LERMONTOV'S SOURCE IN K. SIMONOV'S POEM "IN A DREAM, I SAW A WEDDING..."

I. Korzhova*Orsk College of arts**65 Sovetskaya Street, Orsk 462422, Orenburg region, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of literary and cultural traditions in Simonov's poem "In a dream, I saw a wedding..." The source of the work is defined to be the Lermontov's poem "The Beggar". A comparative analysis revealed that Simonov keeps composition in two parts, but refuses the direct allegory. Also revealed is the second source of the poem – a folklore plot about the return of the husband to the wedding of his wife. It's established the Soviet poet used the plot of sources, but changed their assessment, equally not accepting Lermontov's and folklore axiology. His own system of values is based on extreme maximalism, uncompromising and strong feelings. But these features, close to romanticism, are combined with realistic detail, colloquial style and the psychological complexity of the lyric hero.

Key words: Simonov, Lermontov, romanticism, realism, idiosstyle, intertext, husband at his wife's wedding.

Лирика, воспевающая «демонизм» и «роковое» начало [1, с. 151]; поэзия, в которой проглядывает «лицо старого гусара» [15, с. 204]; «страницы, предназначенные для развлечения в узком холостяцком быту» [8, с. 92]. Такие раздражённые оценки ряда критиков любовная лирика К. Симонова получила в те же годы, когда снискала наибольшую популярность у читателей. Его поэтическая манера была действительно своеобразна: в ней соединялись неханжеский язык страсти и обращённость к высоким романтическим традициям прошлого. О влиянии на образный строй и концептуальную сферу стихотворений Симонова блоковского культа Прекрасной Дамы и поэтического образа женщины-звезды Гумилёва мы писали ранее [7]. Д. Быков, рассматривая уже не столько поэтику Симонова, сколько общее направление в решении тем войны и Родины, связывает его лирику с теми же именами [4].

Ориентация на традиции проявлялась в обращении и к более удалённым временам. По наблюдению критика – современника Симонова Т. Хмельницкой, «История России привела его к истории русской поэзии, и Пушкин и Лермонтов послужили образцом для его исторических поэм» [16, с. 135]. Уроки у Лермонтова-баталиста не были единичными: стихотворение «Дожди», входящее в цикл «С тобой и без тебя», попытка рассказать о войне, используя достижения поэтики «Валерика» [6]. В цикле присутствует ещё одна отсылка к предшественнику. Стихотворению «Если родилась счастливой...» предпослан эпитафия из Лермонтова. Реминисцентность причудливо сочеталась в лирике Симо-

нова с открытым автобиографизмом и словно поднимала и освящала личные события, выявляя в современной любовной истории мотивы и ситуации вечные. По меньшей мере третья встреча с Лермонтовым в цикле «С тобой и без тебя» происходит в стихотворении «До утра перед разлукой...», ориентированном на стихотворение «Нищий». Этот текст Симонова и станет предметом нашего исследования, направленного на выявление характера взаимодействия поэта с традицией.

Симонов заимствует то развёрнутое в микросюжет сопоставление, которое положено в основу стихотворения «Нищий». Источник интертекстуальных включений подчёркивает точечная цитата: «Ты – невеста. Нищий – я» [12, с. 211]¹, – отсылающая к названию лермонтовского текста. Произведение Лермонтова имеет характерную для его ранней лирики двучастную композицию [11, с. 343]. Первая часть основана на приёме, который И. Розанов назвал «оживлением метафоры» [цит. по 11, с. 343]: перед нами разворачивается целый сюжет о жестоко обманутом нищем, получившем вместо подаяния камень. Этой сцене отведены две из трёх строф, последняя же содержит психологическую расшифровку: нищий – это герой, жестокий обманщик – героиня. Стихотворение Симонова также состоит из двух частей: в первой рассказывается о сне героя, увидевшего себя нищим у церкви, где происходит свадьба его возлюбленной. В отличие от претекста, ситуация первой части обрисована эскизно, но, очевидно, герой милостыню всё же получил. Косвенно об этом говорит

¹ Далее стихотворение Симонова цитируется по указанному изданию.

фраза из второй части: «Пусть случится всё, как снилось, / Только в жизни обещай – <...> / Милостыни не давай».

При сходстве композиции у Симонова вторая часть посвящена не просто аналогии, а перенесению полученного во сне психологического опыта на реальную ситуацию. В стихотворении «Нищий» развёрнутая метафора дана в объективном повествовательном ключе. Части соединяются наречием «так» («Так я молил твоей любви» [9, с. 65]¹), подчёркивающим аналогию. У Симонова соотношение планов сложнее: первая часть – сон героя, где он и героиня уже выступают действующими лицами, поэтому никакой дополнительной идентификации не нужно. Расшифровки требует лишь понятие «милостыня». Вторая же часть содержит не только переход к реальным отношениям («Только в жизни обещай»), но и стремление предотвратить совпадение ситуаций. Соотношение двух планов усложнено, граница между ними размыта: первая часть уже содержит сведения о реальных взаимоотношениях. Сон снится «до утра перед разлукой», это проекция опасений и страхов героя. Он боится не только измены любимой (во сне – свадьбы с другим), но и собственного, возможно добровольного, унижения (образ нищего на паперти). Сон, как форма проекции внутреннего мира, обладает гораздо большим потенциалом психологизации, чем «оживление метафоры». Уйдя от аллегоричности, Симонов во второй части так и не расшифровывает понятие «милостыня». Что это: жалость и снисходительность, короткая любовная уступка или даже

возвращение героини, запятнавшей любовь неверностью? Симонов и во второй части использует символический образ милостыни. Контекст и претекст его стихотворения дают направление ассоциациям, но оставляют образ неоднозначным; понятна только субъективная оценка действий героини как унижающих героя.

Если выбранный Симоновым композиционный приём говорит об углублении реализма, то конфликт выглядит даже более радикальным, чем у юного романтика Лермонтова. Сюжет «Нищего», по воспоминаниям современников, опирался на реальную историю. Е. Сушкова, адресат стихотворения, вспоминает о встрече во время паломничества в Троице-Сергееву лавру: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукой поднёс нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: “Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намерении приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!”» [14, с. 124]. По версии А.А. Столыпина, дальнего родственника Лермонтова, лишь пересказавшего семейные предания, сама Сушкова «из шалости подала слепому нищему камень, и Лермонтов сравнил это с её отношением к его отвергнутой любви» [13, с. 137]. Конечно, в последнем случае ситуация изменяется, потому что обе части тогда говорят о действиях одного лица. Но в стихотворении намёков на вторую версию нет.

Однако текст не просто вырос из житейской ситуации, а вобрал в себя

¹ Стихотворение Лермонтова в статье цитируется по указанному изданию.

культурные архетипы. Как указывает О. Миллер [11, с. 343], в произведение введены мотивы Нагорной проповеди. В Евангелии от Матфея Иисус вопрошает: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» [3, Мф 7:9]. Учёт Лермонтовым этого фрагмента подтверждается тем, что встретившийся поэту нищий искал денег, а в стихотворении бедняк просит «куска лишь хлеба». Такая трансформация помимо вовлечения евангельского текста говорит о насущной потребности в чувстве, невозможности жить без него. В Евангелии Христос обращает к людям чисто риторический вопрос, утверждая веру в доброту как в норму. Именно к этой этической норме и апеллирует Лермонтов, осуждая возлюбленную за немислимую жестокость. В стихотворении оба героя, как это и свойственно романтизму, вообще отличаются крайностью проявления чувств. Герой «молил <...> любви / С слезами горькими, с тоскою». Его ипостась – нищий – своим видом усиливает впечатление запредельных страданий: «бедняк иссохший, чуть живой». Героиня же являет исключительную жестокость, глумясь над героем. Важно, что её деяние носит характер не просто чёрствости, а богохульства. В религиозной среде существует представление, что подаяние предназначено Богу, кроме того в стихотворении подчёркнута святость места, которое осквернила героиня («У врат обители святой»). Итогом стихотворения является не просто разрыв, но тотальное разочарование героя. Это, пожалуй, единственное чувство, которое не называется и не объясняется прямо. Но фраза «обмануты навек»

с лёгким аграмматизмом позволяет говорить, что слово «навек» относится не к её действию – обмануть навек нельзя, а к его реакции, появившемуся недоверию к чувствам.

Стихотворение Симонова, помимо текста Лермонтова и опосредованно Евангелия, опирается на богатый фольклорный пласт. Сюжет «муж возвращается на свадьбу своей жены» входит в число мировых фольклорных сюжетов. В указателе Аарне, переведённом Андреевым, дано следующее описание: «В отсутствие мужа жена принуждена избрать себе нового мужа: прежний муж возвращается (иногда благодаря помощи лешего и открывается жене)» [2, с. 64]. Заметим, что в подобного рода ситуациях муж часто предстаёт в непрезентабельном образе бродяги, хотя может явиться и под личиной заморского гостя. Ориентация сюжета Симонова на несколько источников как раз проблематизирует его оценку ситуации. Фольклорный сюжет, известный в русской традиции в форме эпического повествования «Добрыня Никитич и Алёша Попович» и в сказочных вариантах, заканчивается неизменным узнаванием и возвращением женщины к настоящему мужу. В.М. Жирмунский, описавший инвариант более подробно, чем Аарне, так характеризует финал: «Жена с восторгом возвращается к своему старому мужу (прыгает к нему через пиршественный стол – в славянских версиях). Неудачный соперник, если он виноват, несёт заслуженную кару; в других случаях дело кончается примирением» [5, с. 324–325]. Т.Г. Мальчукова упоминает и о несчастливых развязках: «Для южнославянского эпоса даже в таком, казалось бы, едином

и благополучном сюжете, как “муж, вернувшийся на свадьбу своей жены”, прослеживается разнообразие концовок и внутренний трагизм» [10, с. 36]. В стихотворении Симонова ясность в финал не вносится. Просьба не подавать милостыню косвенно говорит о том, что героиня узнает мужа, иначе она не могла бы идентифицировать сегодняшнего просителя и нищего. С учётом лермонтовского сюжета, в котором милостыня трактуется как любовь героини, мы можем предположить, что герой отказывается не только от некоей жалостливой снисходительности, но и от соединения с женщиной, запятнавшей себя неверностью. Таким образом, фольклорная коллизия наполняется современным психологизмом, конфликт интериоризируется. Нормы народного сознания, утверждающего мораль парного брака и его прогрессивность по сравнению с правом рода на жену (левиратом), хотя и содержали в себе идею индивидуализации отношений, конечно, уже не могли удовлетворить героя Симонова.

Не может принять он и куда более современную аксиологию Лермонтова. Героиня Симонова совершает диктуемое требованиями милосердия и взыскуемое у Лермонтова деяние – она не бессердечна и не жестока. Но от её дара герой отказывается. Таким образом, он не принимает и христианские ценности, видя в них компромиссность. Любовь не может быть милостыней и даваться из чувства долга. Его чувство требует особой новой этики, собственно, любовь и является абсолютом, лежащим в её основе. Так реалист Симонов оказывается бескомпромисснее романтика Лермонтова, ещё повышая значение таких романтических черт,

как гордость и незапятнанность чувства.

Однако новый этический абсолют, отвергающий и народные, и христианские идеалы, реалистически и диалектически сложен. Обратимся к грамматике стихотворений. Текст Лермонтова хотя и содержит местоимения второго лица, обращён к героине лишь косвенно, это скорее обвиняющее зеркало, поставленное перед нею. У Симонова коммуникация не прервана: герой обращается к женщине как полноправному творцу их будущего. Психологическая тонкость стихотворения заключается в том, что герой не сам отказывается от милостыни, но просит женщину отказать в подавании. Причиной этого может быть и боязнь собственной слабости, и опасение, что она оскорбит бывшее чувство и тем самым обнаружит, что никогда не имела подлинной любви к герою. Такая бескомпромиссность, рождённая уважением к чувству, пронизывает многие стихотворения цикла «С тобой и без тебя», особенно усиливаясь к финалу. Вспомним строки помещённого рядом стихотворения: «Мы оба с тобою из племени, / Где если дружить – так дружить, / Где смело прошедшего времени / Не терпят в глаголе “любить”» [12, с. 210]. Но отказ от милостыни не означает отказа от просьбы. Парадокс этого стихотворения выражен в последних тавтологических строках: «Выходя, мне, сделай милость, / Милостыни не давай». Милость и милостыня разводятся по принципу энантиосемии. Милость, снисходя, сохраняет уважение, милостыня лишает его.

Анализ небольшого любовного стихотворения Симонова позволяет,

как в капле, увидеть своеобразие его поэтики. Прежде всего, бытовые сюжеты имеют глубокие корни и опираются одновременно и на народную традицию, и на русскую классику. Эти ориентиры задают основные категории, но не их оценку. Кроме того, стихотворение отличается поразительной неоднородностью, раскрытием иррациональности сознания. Психологи-

ческая точность имеет эквивалентом заземлённость лексики, разговорность конструкций. Но это поразительно сочетается с некоей этической укрупнённостью, утверждением собственных ценностей. Романтичность на уровне концепции соединяется со зрелой реалистической формой, что порождает феномен идиостиля Симонова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160.
2. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1929. 122 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Российское библейское общество, 2005.
4. Быков Д. 1900–1950. Время потрясений. М.: Эксмо, 2018. 544 с.
5. Жирмунский В.М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 314–335.
6. Коржова И.Н. «Смерть и вода»: лермонтовский претекст стихотворения К.М. Симонова «Дожди» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 23–26.
7. Коржова И.Н. Уроки нелюбви: традиции А. Блока и Н. Гумилёва в цикле К. Симонова «С тобой и без тебя» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 84–92.
8. Кулинич А. Русская советская поэзия. Очерк истории. М.: Учпедгиз, 1963, 382 с.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х т. М.: Правда, 1988, Т. 1. 720 с.
10. Мальчукова Т.Г. Сюжет возвращения мужа на свадьбу своей жены в «Одиссее» Гомера, а также в славянском и русском эпосе // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 7–70.
11. Миллер О.В. «Нищий» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 343.
12. Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.
13. Столыпин А.А. Средниково (Из семейной хроники) // Сура. 2014. № 4. С. 135–139.
14. Сушкова Е. (Хвостова). Записки 1812–1841. М.: Academia, 1928. 448 с.
15. Тарасенков А. Поэты. М.: Советский писатель, 1956. 394 с.
16. Хмельницкая Т. Твёрдые строки (поэзия Симонова) // Литературный современник. 1940. № 2. С. 130–137.

REFERENCES

1. Aleksandrov V. [Letters to Moscow (Konstantin Simonov: "With and without you" and "Poems of 1941")]. In: Znamya, 1943, no. 1, pp. 149–160.
2. Andreev N.P. Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne [The index of fairy tales by the system of Aarne]. Leningrad, Izдание Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1929. 122 p.

3. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie [The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testament canonical]. Moscow, Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo Publ., 2005.
4. Bykov D. 1900–1950. Vremya potryaseniya [1900–1950. Time of shocks]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 544 p.
5. Zhirmunskii V.M. [The epic story of Alpamysh and “The Odyssey” by Homer]. In: Sravnitel'noe literaturovedenie [Comparative Literature Studies]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. pp. 314–335
6. Korzhova I.N. [“Death and water”: Lermontov's pretext to K. Simonov's poem “Rains”]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 3 (69), vol. 1, pp. 23–26.
7. Korzhova I.N. [Lessons of absence of love: traditions of A. Blok and N. Gumilyev in K. Simonov's cycle “With and without you”]. In: Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 3.1, pp. 84–92.
8. Kulinich A. Russkaya sovetskaya poeziya. Ocherk istorii [Russian Soviet poetry. Essay on the history]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1963, 382 p.
9. Lermontov M.Yu. Sochineniya v 2-kh t. [Works in 2 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1988, Vol. 1. 720 p.
10. Mal'chukova T.G. [The plot of husband's return to his wife's wedding in “The Odyssey” by Homer and in the Slavic and Russian epic]. In: Problemy istoricheskoi poetiki [The Problems of historical poetics], 2015, iss. 13, pp. 7–70.
11. Miller O.V. [“The Beggar”]. In: Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981. pp.343
12. Simonov K.M. Stikhotvoreniya i poemyy [Poetry and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 623 p.
13. Stolypin A.A. [Srednikovo (From the family chronicle)]. In: Sura [Sura], 2014, no. 4, pp. 135–139.
14. Sushkova E. (Khvostova). Zapiski 1812–1841 [Notes 1812–1841]. Moscow, Academia Publ., 1928. 448 p.
15. Tarasenkova A. Poety [Poets]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. 394 p.
16. Khmel'nitskaya T. [Solid lines (Simonov's poetry)]. In: Literaturnyi sovremennik [Literary contemporary.], 1940, no. 2, pp. 130–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Орского колледжа искусств;
e-mail: clean24@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inessa N. Korzhova – PhD in Philological sciences, head of the Department of Educational, Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Orsk College of arts;
e-mail: clean24@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коржова И.Н. Два нищих: лермонтовский претекст в стихотворении К. Симонова «До утра перед разлукой...» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 93–100.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100

FOR CITATION

Korzhova I.N. Two beggars: Lermontov's source in K. Simonov's poem "In a dream, I saw a wedding...". In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 93–100.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-93-100

УДК 821.111.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-101-114

ОБРАЗ СЕВЕРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Лунина И.Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В статье представлен анализ образа Севера в публицистике Джека Лондона. На материале семи журнально-газетных публикаций американского писателя, которые можно определить как вариант жанра очерка (*feature story*), выявляются проблемно-тематические доминанты, черты стиля, арсенал художественных средств, используемых автором, определяется роль автора в создании объединяющего произведения образа Севера. В результате проведенного исследования сделаны выводы, о том, что образ Севера раскрывается в очерках как конкретно-историческое и метафорическое пространство, а соединение публицистического и образно-метафорического видения обуславливает особенности формирования художественного стиля писателя.

Ключевые слова: Джек Лондон, публицистика, образ, автор, факт, метафора.

IMAGE OF THE NORTH IN THE JOURNALISM OF JACK LONDON

I. Lunina*Moscow Region State University**141014, Moscow region, Mytischki, ul. Vera Voloshina, house 24*

Abstract. The article presents the analysis of the image of the North in the journalism of Jack London. On the material of seven newspaper-journalistic publications of the American writer, which are essays (*feature stories*), revealed are thematic dominants, features of style, the arsenal of the artistic means, utilized by the author, determined is the role of the author in the creation of the image of the North that unites the works. As a result of the conducted investigations, the author comes to the conclusion that the image of the North is revealed in the essays as historically real and metaphorical space, and the connection of publicist and descriptive-metaphorical vision causes the special features of formation of the artistic style of the writer.

Key words: Jack London, journalism, image, author, fact, metaphor.

Публицистическое наследие Джека Лондона, одного из самых известных и ярких писателей США начала XX в., представляет исключительный интерес для литературоведов, изучающих его творчество, а также историков американской литературы. Многочисленные статьи, эссе, очерки, репортажи, лекции писателя, по справедливому замечанию Д. Уичлана, «не только представляют хронологию жизни Дж. Лондона, но также формулируют его мысли» по актуальным вопросам того времени [19, р. 179], раскрывают особенности мировоззрения писателя.

К сожалению, в отечественном литературоведении газетно-журнальная публицистика Дж. Лондона до сих пор оставалась вне зоны научного интереса.

В США на рубеже XIX–XX вв. сотрудничество писателей с журналами и газетами было довольно «типичным явлением», как отмечает К. Родженкап: «Многие писатели обращались к написанию репортажей, и журналисты-репортёры становились писателями», так как «газетная журналистика» (newspaper journalism) «привлекала внимание читателей к художественным сочинениям писателей» [17, р. 130]. Дж. Лондон был в числе писателей, наиболее активно писавших для журналов и газет. Среди его публицистических произведений можно выделить журнальные и газетные публикации о Клондайке времён «золотой лихорадки», участником которой в период 1897–1898 гг. он был. Менее известные, нежели принёсшие ему мировую славу рассказы и романы, написанные на «северном материале», они, тем не менее, интересны с точки зрения анализа проблемно-тематических доминант, образной системы, отношений между автором-художником и автором-мыслителем, особенностей стиля. Б.С. Гиман называет Дж. Лондона писателем, который был «внутри северной темы», в художественных и публицистических произведениях которого жизнь Севера представлена «в популярном дискурсе» [10, р. 15], в чём исследователь видит оригинальность стиля писателя.

По содержанию и форме журнально-газетная публицистика Лондона близка к жанру очерка. Однако О.В. Казиминова, справедливо определяя

специфику жанра очерка в англоязычной литературе, предлагает использовать термин *feature story*, обосновывая это расхождением «в интерпретации жанра очерк» в российской и англо-американской теории [1, с. 61]. Англоязычный вариант понятия «очерк» (*feature*) может быть охарактеризован как «синтетический жанр, требующий объединения навыков репортёра с искусством рассказчика» [1, с. 64]. Публицистические произведения Лондона о Севере представляют собой в жанровом плане *feature*, обнаруживают синтез публицистического и художественного начал: правды и вымысла, образа-факта и художественного образа, но для удобства терминологического обозначения могут быть названы очерками, в которых авторское «я» проявляется, прежде всего, в создании художественных образов, образов-метафор, образов-символов. В очерках Лондона о Клондайке предметом изображения являются не столько условия, в которых живёт человек, трудности (бытового и природного характера), с которыми он сталкивается, сколько сам Север – как природное пространство, как особый, подчас загадочный мир (не случайно писатель часто именуется в тексте с заглавной буквы – North), как объект деятельности человека. Север представлен в публицистических текстах писателя как локус, «пространственный ориентир», обладающий признаками «относительной тождественности существующему в реальной действительности объекту и культурной значимости этого объекта для социума, на основе чего формируется когнитивная база и фиксируются стереотипные и индивидуальные представления о нём», обла-

дающие «способностью вызывать чувственно-мысленные представления» [5, с. 30]. Не менее важным предметом авторского изображения в северных очерках является процесс формирования личностных качеств человека в условиях Севера, в связи с чем пространство представлено и как топос, «место разворачивания смыслов» [5, с. 29–30].

Особенностью публицистических сочинений Лондона Ц. Тичи полагает приверженность писателя факту: «... в отличие от литературы XIX века» он всегда «ориентировался на реальный факт, который был основой сюжета в его художественных произведениях и публицистике» [18, р. 27]. Факты в очерках Лондона выполняют публицистическую, художественную и коммуникативную функции: представляют точную документальную информацию, которая получает в художественном сознании писателя эмоциональную, экспрессивную оценку, цель которой – вызвать интерес читателя к описываемым событиям, способствуют интеллектуальному и эмоциональному восприятию образа Севера.

В очерке «Через стремнины к Клондайку» (“Through The Rapids On The Way To The Klondike”, 1899 / *Home Magazine*) Дж. Лондон рассказывает о пути на Клондайк, пройденном им вместе с тремя товарищами, среди которых опытным путешественником был только Меррит Слупер – с ним писатель сохранил отношения и после возвращения в Калифорнию [12, р. 184].

В экспозиции автор вводит читателя в ситуацию, определяя время событий (клондайкская золотая лихорадка 1897 г.) образно – как «азартную погоню» [3, с. 191]. Противопоставляя

прошлое и настоящее Клондайка, «ветеранов», «первопроходцев» и «новое поколение золотоискателей», автор представляет историю покорения Севера как драматичное и трудное время: были погибшие, потерявшие веру, вернувшиеся назад, но были и те, кому удалось преодолеть трудности благодаря силе воли и стремлению к цели. К последним он причисляет себя и своих товарищей, обозначая тем самым главную тему своего очерка: «... в нас была крепка решимость, начав путь, пройти его до конца» [3, с. 192].

От общей картины ситуации автор переходит к рассказу о конкретном, наиболее важном эпизоде путешествия: «... я приступаю к рассказу о Бокс-каньоне и стремнинах Белой Лошади» [3, с. 192]. Название очерка указывает на выбор писателем в качестве центрального мотива дороги, маршрута. В.А. Шачкова определяет маршрут как «структурообразующее понятие произведения в жанре путешествия», в нём находит отражение «синтез объективных фактов, с которыми сталкивается путешествующий независимо от своей воли, и субъективный авторский отбор этих фактов» [8, с. 280].

Маршрут перехода Лондон воспроизводит с документальной точностью, сообщая в стиле репортажа о событиях, даёт топографическую справку о реке Шестидесятой Мили, особенностях её течения, о размерах и форме каньона Бокс, водопада Белая Лошадь. Желая придать большую достоверность своему рассказу, он вводит в повествование «чужой голос»: апеллирует к книге аляскинского пионера Майнера (Miner W. Bruce), к преданиям Юкона («Говорят, когда-то два шведа попали в этот водоворот» [3, с. 192]). Марш-

рут представлен автором в кратких, но образных пейзажных зарисовках, являющихся важным композиционным элементом, характерным для жанра путешествия, цель которых – передать настроение путешественников. Участником событий автор делает не только людей, но и природу, с которой они ведут на протяжении всего пути поединки. Метафоры, сравнения, эпитеты помогают Лондону представить «противника» человека в монументальном и бесстрастном обличье: путешественники то оказываются «в пасти Бокса», то лицом к лицу с «сорвавшегося с цепи хаоса» реки [3, с. 193].

В данной очерке, несмотря на важную, сюжетообразующую роль дороги, главным предметом авторского осмысления становится процесс контакта человека с миром Севера. Север, каким его представляет автор, – это место, где человек вступает в сложные отношения с природой, получает возможность испытать себя. Позиция автора-репортёра, передающего динамику сюжетного действия, отражающего стремительность событий, в деталях описывающего поведение реки, действия людей, управляющих лодкой, которая ведёт себя как живая, сменяется в очерке позицией автора-наблюдателя, анализирующего поведение человека в экстремальной ситуации.

Победа, которую человек в поединке с рекой в конце концов одерживает, оказывается возможной во многом благодаря тому, что он прислушался к внутреннему чутью и доверился реке. Осмысливая всё сказанное Лондоном и то, что прозвучало между строк, читатель, слышит голос автора: человек на Севере, как нигде в другом месте, должен быть внимателен к голосу

Природы; человеку нужно, проявляя лучшие свои качества, находить с ней общий язык.

После возвращения в Калифорнию Дж. Лондон обратился к редактору *San Francisco Bulletin* с предложением опубликовать «статью», в которой, по его словам, описал «исключительно романтическое» путешествие на Клондайке: «Я много плавал в других частях света, но не было ничего интереснее этого» [12, р. 18]. Однако он получил отказ с комментарием: «... интерес к Аляске упал» [9, р. 48]. Доработав материал, Лондон опубликовал его через девять месяцев (4 июня 1899 г.) в газете *Buffalo Express* под названием «Из Доусона в океан» (“From Dawson to the Sea”).

Подчёркивая исключительно важную роль автора в произведениях жанра путешествия, А.В. Полонский отмечает: «Автор травелога описывает своё путешествие, “пропуская” его через свою систему ценностей, свой, обусловленный культурой и практикой жизни опыт восприятия и переживания лично увиденного или услышанного от кого-либо...» [4, с. 209]. Автор в данном произведении – и участник путешествия, и комментатор-аналитик, оценивающий увиденное; это центральный образ, соединяющий в единое целое отдельные фрагменты в описании этапов путешествия. В очерке Лондон стремится представить целостную картину мира Севера, создавая, согласно законам жанра путешествия, «сложное взаимодействие объективного и субъективного, реальности и фантазии, статичности описаний и динамики пути, ожидаемого и действительного, общего и частного» [6, с. 11].

О маршруте путешествия автор повествует в топонимах, которые маркируют знаковые места в мире старателей Севера, сообщает об особенностях рельефа, растительности, животного мира. Но главным предметом изображения в очерке становится человек в реальных условиях суровой природы Севера, представленной метафорически, с использованием ярких эпитетов, что способствует эмоциональному восприятию образа Севера.

Север, каким его увидел в очерке Лондон, – это не только дикая природа, но и цивилизация: торговая компания, индейские и эскимосские поселения, в которых видно присутствие белых пришельцев, деятельность миссионеров. Автор создаёт собирательный образ людей, населяющих городки и поселения, через которые он и его спутники проходят. Передавая атмосферу городка у Полярного круга, он фиксирует события крупным планом: «Все смеётся, радуется и шумит. Местные щеголи заигрывают и кокетничают с девицами, индианки постарше судачат группками, ... **молодые ... хихикают по углам ...** Фантастически расплывающиеся клубы дыма носят в воздухе ... сходятся в свинцово-сером небе ... Дым поднимается ... , придавая всему окружающему таинственный колорит ирреальности» [3, с. 199]. Север видится автору «волшебной страной, полной неожиданностей» [3, с. 199], пейзаж убеждает читателей в сказочности, парадоксальности этого мира, поражающего красотой «ночи среди белого дня», увлекающей «стремительным потоком» [3, с. 193].

Описывая то или иное поселение, людей, которых он там встречает, Лондон фиксирует внимание на ключевой

детали, характеризующей определённую сторону жизни сурового края. В рассказе о Доусоне это особенно-сти климата, чрезвычайное событие здесь – ледоход весной; в старательском городке Майнук – дефицит новостей; в индейском поселении Нуклукьето его интерес вызывает местный праздник в честь хода лосося – автор любит чувство стихийной первобытной силой, проявляющейся в танце индейцев, действиями шамана, своими заклинаниями заставляющего женщин биться в экстазе. В католической миссии путешественники встретили священника, в котором их поражает его «уныло-бесстрастный» вид: для отца Монро миссионерская деятельность стала «промыслом», в силу чего, очевидно, христианство «не проникает глубоко» [3, с. 204] в души и умы аборигенов Севера, готовых обменять свой крестик на любой предложенный им товар. Контакт местного населения с белыми пришельцами автор фиксирует на нескольких уровнях: культурологическом (верования, одежда), экономическом (торговля), уровне личных отношений, переходя при этом от общих рассуждений, представляющих собирательный образ местного населения, к индивидуальным образам. Портретная деталь («глаза женщины-полукровки») становится поводом к рассуждению о тяжёлой участи на Севере женщин-полукровок в сравнении с судьбой белых женщин, превращает этот персонаж в символический образ всех индейских и эскимосских женщин.

Сообщая об образе жизни индейцев, эскимосов, мельмутов, автор описывает их жилища, традиции, особенности быта, религии, что характерно

для жанра этнографического очерка. Повествуя о своём общении с аборигенами, автор рисует обобщённый образ страдающего индейского населения, останавливаясь на его тяжёлом положении, обращаясь к читателю, призывает услышать «хорал душевной тревоги» [3, с. 202].

Трёхнедельное путешествие завершается «встречей с Беринговым морем». Тема дороги, центральная для очерка-путешествия, подчиняет себе не только художественное пространство очерка, но становится также доминантным тематическим центром, структурирующем образ Севера, который становится местом встречи мира природы, мира аборигенов и мира цивилизации.

Особенности развития северного края, обусловленные открытием в нём золотоносных участков, раскрыты Дж. Лондоном в очерке «Экономика Клондайка» (“The Economics of the Klondike”, 1900 / *Review of Reviews*). Начиная с вопросов: «Кто извлёк из этого выгоду? Кто оказался в проигрыше? Сколько всего золота добыто? Сколько всего средств было на это затрачено?» [2, с. 180], автор последовательно отвечает на них, прослеживая этапы золотой лихорадки на Клондайке с точки зрения экономических затрат и получения выгоды всеми, кто был в неё вовлечён – в цифрах, фактах, датах, с конкретными примерами.

Называя образно первых золотоискателей «аргонавтами», Лондон с топографической достоверностью представляет их маршрут (Скагуэй, Дайя, река Стикин, форт Врангеля, Эдмонтон и т. п.), сообщает о том, что покорение «северного Эльдорадо» требовало экономических вложений. Отвечая

на вопрос, «вернул ли Юкон золотоискателям хотя бы то, что они потратили, чтобы туда попасть?» [2, с. 182], автор представляет этапы освоения Клондайка и некоторые их итоги, замечая, что золото здесь было «открыто ещё до приезда тех, кто ринулся в эти края с разных концов света» [2, с. 183]. Характеризуя особенности процесса добычи золота в терминах (террасные россыпи, «отводы»), он даёт характеристику тем, кто были первыми. Зачастую на Юкон приезжали люди, не разбирающиеся в специфике золотодобычи, они становились жертвами обмана – «...новички, чье невежество способно вызвать лишь жалость» [2, с. 185]. Обобщая то, что узнал лично, о чём прочитал в соответствующих публикациях, Лондон оперирует цифрами, подробно раскрывая финансовый, экономический характер золотодобычи на Юконе, показывает, что лихорадка превратилась в серьёзное экономическое предприятие, скрупулёзно подводит «баланс», как он говорит, этого предприятия [2, с. 187].

Автор делает вывод о том, что, несмотря на то что для большинства это предприятие было убыточным, всё, что происходило на Юконе, имело положительный для будущего развития края результат. Золотая лихорадка стала началом бурного экономического развития региона. Завершает очерк образ Клондайка будущего: согласно уверенным прогнозам Лондона, покорение Севера станет экономически выгодным предприятием, и это будущее Северного мира готовится в настоящем, оно зависит от людей «в чьи руки вверена судьба Клондайка» [16].

В очерке «Охотники за золотом на Севере» (“The Gold Hunters of the

North», 1903 / *The Atlantic*) Дж. Лондон представил свои размышления о факторах, способствовавших освоению Севера, и роли людей в этом процессе. Название очерка является «наиболее эффективной формой передачи авторского замысла и его видения собственного произведения...», своего рода ключом к пониманию главной темы. Метафоричность названия указывает «на сквозной образ текста» [7, с. 18] – для Лондона важно представить историю Севера через судьбы людей, «охотников за золотом».

История Клондайка раскрывается автором в конкретно-историческом и образно-метафорическом планах: Север предстаёт в очерке как особый мир, приобретающий новый облик благодаря первым исследователям территорий, старателям, тем, кто формировал новые экономические отношения, а также как мир, создававший новый тип человека. При написании очерка писатель опирался на личный опыт и на литературные источники: книгу Э. Таппана «Паника на Клондайке» (Тарпан А. *The Klondike Stampede*, 1900), которую, по словам Д. Хамилтона, «Лондон использовал ... как главный источник информации о золотой лихорадке» [11, р. 51].

Историю освоения Севера Лондон раскрывает как последовательный исторический процесс, прослеживая его этапы. Первый он представляет как легендарно-мифологический: начиная с событий, предшествовавших «потoku охотников за золотом» [13], до того, как Америка в 1867 г. купила Аляску, с Ивана Баранова, основавшего в Ситке поселение охотников за пушниной, продолжает рассказом о создании в 1847 г. торговой компания Гудзона –

времени, когда русские и англосаксы вместе осваивали Север. Многие из тех, кто были первыми, остались в легендах Севера: о них, замечает автор, нет точных сведений. Второй период – время «охотников за золотом»: появляются новые герои, чья звезда восходит тогда, когда на Аляске открывают богатые месторождения золота (too much Gold [13]).

Каждый этап Лондон рассматривает с точки зрения того, каков был характер отношений людей с миром природы, как обстоятельства северной жизни влияли на поведение людей. Он подчёркивает, что для нового поколения «северных пришельцев» особенно важно было «соблюдать обычаи старых времён» [13]: идея исторической, культурной преемственности декларируется им как безусловный фактор, обеспечивший успех всего процесса. Автор-аналитик выявляет закономерности процесса освоения Севера, останавливаясь на событиях, которые его определяли; автор-лирик, используя выразительные эпитеты, яркие метафоры, предлагает читателю эмоциональное осмысление происшедшего. Подчёркивая уважительное отношение к Северу, называет его «отец Север» (Father North [13]) – эта метафора становится в очерке лейтмотивом.

Среди «охотников за золотом» Лондон выделяет несколько человек. Знаковой для Севера фигурой он называет Роберта Хендерсена, чью историю излагает со слов старателей, которые стояли у истоков формирования «северного кодекса жизни» [13]. Хендерсен был первым исследователем Клондайка, с него, констатирует автор, началась «золотая лихорадка»; «человеком, создавшим юконский край»

[13], назван в очерке и Фрэнк Дисмор. В Чарли Андерсоне его восхищают упорство и особое чутьё, позволившие прибывшему на Клондайк с несколькими сотнями долларов человеку, вопреки неверию в него окружающих, сделать невозможное – сколотить миллионное состояние. Джордж Кармак, по прозвищу Сиваш (его жена была индианкой), был одним из первых, установивших прочные отношения с индейцами, что не у всех старателей вызывало одобрение. О его непростых отношениях с Хендерсоном автор рассказывает как о событии, сохранившемся в истории края, – добыча золота сопровождалась неизбежной конкуренцией за золотоносные участки земли.

Преодолевая огромные трудности, в борьбе с ужасным холодом, страдая от голода и болезней, люди на Севере искали свою удачу: не все прошли до конца тяжёлый путь через «долгую арктическую ночь» [13]; многие из тех, кто отправлялся на Север с жёнами, а иногда и детьми, не рассчитав своих сил, вынуждены были поворачивать назад. Используя старательский речевой сленг, автор говорит о том, сколь важна на Севере удача: старатели «всегда поймут вилкой дождь из супа» [13].

Заканчивая повествование, Лондон делает вывод: охотники за золотом уверены в том, что благодаря своему труду они сумеют найти золото даже в «самом малообещающем месте» [13]. Старатели «нового времени», полагает автор, являются людьми, которые в конечном итоге победят Полюс. «Кто знает? Это у них в крови, и они на такое способны» [2, с. 278].

В письме от 5 ноября 1900 г. к своему другу времён «золотой лихорадки» Лондон выразил удивление в связи с его возвращением на Клондайк: «Это сюрприз для меня. Должно быть, есть очарование в Севере, который притягивает людей вновь и вновь ... Я тоже сильно желаю вернуться назад» [12, р. 217]. Образ Севера как романтического края, притягивающего тех, кто соприкоснулся с ним, как места «надежд, мечтаний и иллюзий» [10, р. 9] писатель раскрыл в очерке «Петер де Вилль, исследователь Лунной страны на Аляске, рассказал Джеку Лондону его историю увлечения Севером» (*“Peter de Ville, Alaska’s Moon Country Explorer, Tells Jack London His Story of the Luring North”, 1901 / San Francisco Examiner*). Автор выступает в очерке в роли интервьюера, задающего вопросы и комментирующего ответы собеседника, сообщая факты его биографии. Знакома читателей с героем своего очерка, Петером де Виллем, он сообщает что тот, кто сейчас продаёт овощи в Сан-Франциско на Пассифик Стрит, когда-то слышал зов дальних странствий и «жажда чудесного позвала его на край земли» [15]. Основная часть очерка – рассказ Петера де Вилля в форме прямой речи о том, что он видел, что пережил во время своих многолетних странствий по Аляске, Клондайку. Б.С. Гиман отмечает, что Лондон в рассказе героя акцентирует особое внимание на описании «неизвестной, загадочной, ненайденной земли» и «переживаниях Вилля во время его путешествия на Север» [10, р. 128].

Мир Севера читатель видит глазами старика, который 30 лет пересекал бескрайние пространства из конца в конец, переплывал Берингов залив на

каяке, на золотых приисках мыл золотой песок, годами жил, испытывая нужду. Его рассказ содержит не только точную информацию (многолетний маршрут он представляет в датах и географических терминах), но и элементы фольклора аляскинских старожилов (о скудности жизни говорит, что жить часто приходилось «на кроличьих следах и брюшках лосося») [15].

От вождя индейского племени Лаша, который стал его другом, Вилль узнал о Лунной Стране: «Часто он рассказывал мне о странной стране на Севере, Лунной Стране, как он называл её, где обитали странные люди и странные животные... Не было никого, кто оттуда бы вернулся» [15]. Спустя несколько лет, после неудачных попыток разбогатеть на золотых приисках, Вилль вместе с Лашем в сопровождении 72 индейцев и 180 собак попытался найти эту страну («притяжение Севера не отпускало Петера де Вилля», – комментирует автор). Рассказ об этом путешествии – «повествование, наполненное мистическим содержанием» [10, р. 157]. Описание перехода через Ледяное Озеро (Ice Lake), Ледяные Горы (Ice Mountains) – это не только сообщение о трудностях пути («Дни холода и голода, когда мы падали, чтобы умереть, я не забуду никогда» [15]), но и яркий арктический пейзаж «бескрайнего пространства ледяной страны» [15], где возникают миражи. Кульминация путешествия в Лунную Страну – встреча с «людьми высокого роста, белокожими, очень дружелюбными» [15], по-особому одетыми, управлявшими санями, за которыми бежали странные, похожие на медведя собаки. Своё возвращение назад де Вилль плохо помнит: осла-

бевшего, теряющего сознание, его спас Лаш; с ними вернулись только трое индейцев. Отвечая на вопрос Лондона, путешественник высказывает своё мнение об этой стране: «Я видел белых людей в Лунной Стране, и я часто думаю, что они потомки затерявшихся исследователей Арктики, имевших дело с индейцами и эскимосами. Кто знает?» [15]. Воспоминания о пережитом не отпускают Вилля, о чём свидетельствуют комментарии автора к его портрету: во время рассказа путешественник «устремляет свой взор туда, назад», в его глазах читается «пройденный путь» [15].

Вернувшись окончательно в мир цивилизации, Петер де Вилль два года, по его словам, был болен, но затем его «ум прояснился»: «... ко мне вернулась жизнь, стала такой, какая она есть теперь» [15]. Но эта жизнь ему не интересна, он желает одного – вернуться назад: «Это не жизнь – здесь... Я хочу вернуться на Ледяное Озеро и сквозь землю льда – в Лунную Страну» [15]. Столь неожиданное заявление собеседника вызывает у автора аллюзии на слова Киплинга о людях, которые, почувствовав особый запах Гималаев, в чью кровь он попал, в конце обязательно вернутся в горы умирать. Так же обстоит дело, приходит он к заключению, с Петером де Виллем, «путешественником в дальние страны, мастером приключений»: «Север в его крови» [15].

Завершая своё интервью, автор подчёркивает, что история им рассказана со слов реального человека, того, кого «Аляска знает» [15]. Лондон в своих рассказах часто вводил, по словам Б.С. Гиман, такого рода «аутентичных персонажей», в чём она видит «его

стратегию – сделать историю более достоверной» [10, р. 157]. Достоверность рассказанного акцентируется также в финальном обращении автора к читателю: сообщая адрес, где можно увидеть этого человека в компании со странной, похожей на медведя собакой, которую тот привёз из Лунной Страны, он призывает прийти и лично убедиться в правдивости рассказанного.

Уклад жизни старателей в условиях Клондайка – это ещё один важный аспект в интерпретации образа Севера в публицистике Дж. Лондона. В очерке «Хаски – северная ездовая собака» (*“Husky-Wolf Dog of the North”, 1900 / Harper’s Weekly*) писатель рассказывает об особой роли в мире Севера, «в этом ледяном эльдорадо» хаски, представляющих собой «помесь волка и собаки» [2, с. 193]. **Отвечая на вопрос, звучащий между строк, – почему именно эти собаки стали главными помощниками человека в суровом краю, Лондон анализирует особенности их «характера», поведения.**

Одна из главных их черт – выносливость – явилась результатом естественного отбора: это вид «был выведен суровыми условиями жизни» [2, с. 194]. **Подтверждая характеристику хаски как существа упрямого, наделённого особым умом и способностью быть «талантливым лицедеем»** [2, с. 194], автор ссылается на предания, бытующие среди старателей, доказывающие их хитрость и ловкость. Хаски исключительно полезны на Севере в качестве тягловой силы: «великолепные путешественники» [2, с. 196], они способны за один перегон пробежать 70–80 миль. Однако особенности поведения собак делают управление со-

бачьей упряжкой настоящим искусством – управлять ею, как иронично замечает автор, «способен лишь тот, кто умеет изрыгать крепкие выражения и проклятия по крайней мере на двух языках...» [2, с. 194]. В полной мере этим искусством, полагает он, владеют индейцы.

Хаски – часть природного мира Севера: прекрасные рыболовы, летом они кормятся сами, освобождая людей от обязанности заботиться о них; вынужденные подбирать еду, питаться падалью, становясь «великолепными “санитарами”» [2, с. 196]. **Эти обстоятельства обусловили особенности отношений между людьми и собаками на Севере – они невольно и естественно приняли участие в формировании законов жизни на Севере.**

Обустройство домашнего быта на Клондайке стало темой очерка Дж. Лондона «Домашнее хозяйство на Клондайке» (*“Housekeeping in the Klondike”, 1900 / Harper’s Bazaar*). Обозначая предмет своего разговора в первом предложении: «Заниматься домашним хозяйством на Клондайке – дело тяжкое!» [2, с. 208], **писатель в занимательной форме знакомит читателей с устройством быта жителей Клондайка.** Рисуя собирательный образ старателей, в чьих «взорах горит блеск золота...» [2, с. 208], автор характеризует их как людей, для которых главное – утолить голод после тяжёлой работы, но вместе с тем разбирающихся в вопросах кулинарии. С определённой долей иронии, цель которой – вызвать живой интерес читателя к тому, о чём пойдёт речь, он говорит, что у каждого старателя есть «собственная, странная и невероятная теория» приготовления хлеба [2, с. 209]; старатель может снес-

ти хулу в адрес него самого, его страны и флага, но не критику «по поводу его хлебной закваски» [2, с. 209]. Довольно подробно рассказывая об особенностях выпечки хлеба, Лондон даёт понять, что Клондайк – это место, где формируется своего рода «северный фольклор»: появляются свои легенды, истории. Искусного хлебопёка здесь называют «парень с закваской» (“sourdough boy” [14]), а выпечку хлеба считают «искусством из искусств» (“art of arts – bread-making” [14]).

Сообщая о выпечке пышек, о рецептах блюд без сахара, отсутствие которого является главной проблемой на Клондайке, а отнюдь, согласно общепринятому мнению, не «морозы, мёртвая тишина, темнота» [2, с. 212], автор рассказывает, по сути, об особенностях жизни на Севере. Благодаря такого рода информации очерк становится не просто рассказом о быте (еде), но и об образе жизни, отношениях в условиях особого мира Севера.

Работа повара определяется Лондоном как дело почётное, ответственное – он отвечает за устройство быта: изготавливает из пищевого жира лампы для освещения хижины, заготавливает дрова, заботится о собаках, его обязанность «следить за временем» [2, с. 217], за часами, которые устраивают на улице. Знакома читателей с условиями проживания в хижине (почему

не надо застилать постели, подметать пол, мыть окна), автор даёт этому объяснения, раскрывающие секреты быта старателей. Тот, кто ведёт домашнее хозяйство на Севере, прежде всего мужчина и «житель Клондайка» [2, с. 218], из чего, завершая своё повествование, Лондон делает вывод: ведение домашнего хозяйства в условиях Севера отличается от подобного дела в условиях цивилизации, является столь же важным, как и процесс добычи золота.

Публицистические произведения Лондона, написанные в момент его активной работы над созданием «северных рассказов», отражают степень погружения писателя в материал: формирование авторского стиля, подход к выбору формы произведения, тематики, установки на публицистичность создаваемых образов. Образ Севера, каким его раскрыл в своих газетных и журнальных публикациях писатель, предстаёт как образ, соединяющий в себе публицистическое и художественное начала, факт и художественное воображение. Весь арсенал художественных средств, используемых автором, направлен на то, чтобы не только предоставить достоверную информацию о незнакомом для большинства его современников мире Севера и людях, покоряющих и создающих этот мир, но и вызвать интерес у читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казими́рова О.В. К определению жанровой специфики публицистического очерка (в русско- и англоязычной традициях) // Ученые записки УО ВГУ имени П.М. Маши́рова. 2010. Т. 10. С. 60–66.
2. Лондон Д. Зов предков. Роман, рассказы, очерки. СПб: Азбука, 2017. 352 с.
3. Лондон Дж. Сочинения: в 2 т. М.: Терра – книжный клуб, 2001. Т. 2. 384 с.
4. Полонский А.В. Травелог и его место в современной журналистике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 207–215.

5. Пыхтина Ю.Г. К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 29–36.
6. Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, 1999. 312 с.
7. Хорева Л.Г. Заглавие как знак авторской картины мира // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 16–24.
8. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 277–281.
9. Auerbuch J. *Male Call: Becoming Jack London*. Durham: Duke University Press, 1996. 289 p.
10. Giehmann B.S. *Writing the Northland. Jack London's and Robert W. Service's Imaginary Geography*. Würzburg: Königshausen & Neumann GmbH, 2011. 455 p.
11. Hamilton D.M. *The Tools of My Trade: The Annot. Books in Jack London's Libr.* Seattle: Washington University Press, 1986. 326 p.
12. *Letters from Jack London: in 3 V.* / ed. by E. Labor. Stanford: Stanford University Press, 1988. 1657 p.
13. London J. *Gold Hunters of the North* [Электронный ресурс]. URL: <https://thegrandarchive.wordpress.com/gold-hunters-of-the-north/> (дата обращения: 10.08.2018).
14. London J. *Housekeeping in the Klondike* [Электронный ресурс]. URL: <https://thegrandarchive.wordpress.com/housekeeping-in-the-klondike/> (дата обращения: 10.08.2018).
15. London J. *Peter de Ville, Alaska's Moon Country Explorer, Tells Jack London His Story of the Luring North* [Электронный ресурс]. URL: <https://thegrandarchive.wordpress.com/peter-de-ville-alaskas-moon-country-explorer-tells-jack-london-his-story-of-the-luring-north/> (дата обращения: 10.08.2018).
16. London J. *The Economics of the Klondike* [Электронный ресурс]. URL: <https://thegrandarchive.wordpress.com/the-economics-of-the-klondike/> (дата обращения: 10.08.2018).
17. Roggenkamp K. *Jack London, War, and Journalism that Act* // *The Oxford Handbook of Jack London* / ed. by J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2017. pp. 129–143.
18. Tichi C. *The Facts of Life and Literature* // *The Oxford Handbook of Jack London* / ed. by J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2017. pp. 27–39.
19. Wichlan D.J. *The Essays, Articles, and Lectures of Jack London* // *The Oxford Handbook of Jack London* / ed. by J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2017. pp. 177–202.

REFERENCES

1. Kazimirova O.V. [To the definition of genre peculiarity of a feature story (in Russian and English speaking traditions)]. In: *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Proceedings of the Masherov VSU.], 2010, vol. 10, pp. 60–66.
2. London J. *Zov predkov. Roman, rassказы, ocherki* [The Call of the wild. Novel, short stories, essays]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017. 352 p.
3. London J. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, Terra – book club Publ., 2001. Vol. 2. 384 p.

4. Polonskii A.V. [The travelogue and its place in the modern journalism]. In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2015, no. 1, pp. 207–215.
5. Pykhtina Yu.G. [To the problem of use of spatial terminology in the modern literary criticism]. In: Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University], 2013, no. 11 (160), pp. 29–36.
6. Stetsenko E.A. Istoriya, napisannaya v puti... (Zapiski i knigi puteshestvii v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.) [A story written on the road... (Notes and travel books in the American literature of the 17–19th centuries)]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 1999. 312 p.
7. Khoreva L.G. [The title as the sign of author's world view]. In: Novyi filologicheskii vestnik [The New Philological Bulletin], 2017, no. 4 (43), pp. 16–24.
8. Shachkova V.A. [Travelogue as a genre of fiction: theoretical issues]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya. Iskuststvovedenie [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology. Art History], 2008, no. 3, pp. 277–281.
9. Auerbuch J. Male Call: Becoming Jack London. Durham, Duke University Press, 1996. 289 p.
10. Giehmman B.S. Writing the Northland. Jack London's and Robert W. Service's Imaginary Geography. Würzburg, Königshausen & Neumann GmbH, 2011. 455 p.
11. Hamilton D.M. The Tools of My Trade: The Annot. Books in Jack London's Libr. Seattle, Washington University Press, 1986. 326 p.
12. Labor E., ed. Letters from Jack London: in 3 V. Stanford, Stanford University Press, 1988. 1657 p.
13. London J. Gold Hunters of the North. Available at: <https://thegrandarchive.wordpress.com/gold-hunters-of-the-north/> (accessed: 10.08.2018).
14. London J. Housekeeping in the Klondike. Available at: <https://thegrandarchive.wordpress.com/housekeeping-in-the-klondike/> (accessed: 10.08.2018).
15. London J. Peter de Ville, Alaska's Moon Country Explorer, Tells Jack London His Story of the Luring North. Available at: <https://thegrandarchive.wordpress.com/peter-de-ville-alaska-moon-country-explorer-tells-jack-london-his-story-of-the-luring-north/> (accessed: 10.08.2018).
16. London J. The Economics of the Klondike. Available at: <https://thegrandarchive.wordpress.com/the-economics-of-the-klondike/> (accessed: 10.08.2018).
17. Roggenkamp K. Jack London, War, and Journalism that Act. In: Williams J., ed. The Oxford Handbook of Jack London. Oxford, Oxford University Press, 2017. pp. 129–143.
18. Tichi C. The Facts of Life and Literature. In: Williams J., ed. The Oxford Handbook of Jack London. Oxford, Oxford University Press, 2017. pp. 27–39.
19. Wichlan D.J. The Essays, Articles, and Lectures of Jack London. In: Williams J., ed. The Oxford Handbook of Jack London. Oxford, Oxford University Press, 2017. pp. 177–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Y. Lunina – Doctor in Philological Sciences, professor, the head of the Department of History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лунина И.Е. Образ севера в публицистике Джека Лондона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 101–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-101-114

FOR CITATION

Lunina I.Y. Image of the North in the journalism of Jack London. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 101–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-101-114

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123

МОТИВ ВИНОГРАДА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ВАГИНОВА: НОВОЗАВЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ

Матвеева И.И.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа винограда в прозе К. Вагинова. Автор сосредоточивает внимание, главным образом, на его библейской составляющей, задающей в текстах писателя серьезные смысловые проекции. Однако изрядная доля иронии, сложное соотнесение поэтического и бытового, трагического и комического делают образ винограда и ряд близких к нему образов (вина, виноградаря, Иисуса Христа и др.) чрезвычайно насыщенным и метафоричным. Делаются выводы, что за повышенной смысловой густотой образа стоит модернистская традиция Серебряного века, диктующая абсолютную субъективность, внутреннюю конфликтность и релятивизм литературного произведения.

Ключевые слова: модернизм, библейский текст, образ винограда, вино, «Бамбочада», «Козлиная песнь».

THE GRAPE MOTIF IN THE WORKS OF K. VAGINOV: THE PROJECTIONS OF THE NEW TESTAMENT

I. Matveeva*Moscow City University**4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the image of grape in K. Vaginov's prose. The author focuses mainly on its biblical component, which sets significant semantic projections in the writer's texts. However, much of irony, the complex correlation of the poetic and the everyday, the tragic and the comic make the image of grapes and a number of adjacent images of wine, wine grower, Jesus Christ, etc. extremely rich and metaphorical. The author concludes that behind the increased semantic density of the image stands the modernist tradition of the Silver age, which dictates the absolute subjectivity, inner conflict and relativism of the literary work.

Key words: modernism, the biblical text, the image of grapes, wine, "Bambocciada", "Goat song".

Константина Вагинова (1899–1934) с полным правом можно назвать писателем, стоявшим у истоков филологической прозы. Страстный коллекционер книг, ученик Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, близко знакомый с М. Бахтиным, хорошо осведомлённый о тенденциях филологической науки, К. Вагинов соз-

дал изысканную интеллектуальную прозу, ориентированную на диалогичность в бахтинском понимании этого термина. Отсылки к различным пластам отечественной, западноевропейской, античной культуры, пассаизм, не исключаящие друг друга трагедия и ирония образуют в его произведениях сплав разнонаправленных смыслов. Говоря словами одного из героев романа «Козлиная песнь», проза писателя – это «иносказание, нуждающийся в интерпретации специальный материал» [3, с. 55].

Цель настоящей статьи – обратить внимание на такую составляющую смысловой палитры произведений К. Вагинова, как библейский текст, и с помощью филологического наблюдения, контекстологического и компонентного анализа показать его связь с модернистской традицией, представить как некое новое качество, присутствующее неклассической прозе первой половины XX в. Следует отметить, что исследования творчества Вагинова в дискурсе модернизма и авангардизма предпринимались С.А. Кибальником [7], Д.Л. Шукуровым, О. Шиндиной [12], А. Разумовой [10] и др., отмечалась также его связь с античностью (А. Пурин), однако сведение художественного наследия Вагинова только к античному и авангардному дискурсу и игнорирование такого важного источника, как Библия, обедняет восприятие стихов и романов художника слова, ведёт к однобокому пониманию его концепции искусства.

При внимательном прочтении романов писателя оказывается, что многие их образы и мотивы имеют библейскую родословную. Это образы Христа, грешницы, мотивы соби-

рания, спасения, смерти, искупления грехов и проч. При этом Вагинов не был религиозным писателем. Творческие стратегии его были иными: с помощью образов, отсылающих к Книге книг, он задавал новые экзистенциальные проекции смыслов своих произведений.

Разделяя мнение О. Юрьева о том, что К. Вагинов «всегда контролирует смыслы и их оттенки» [13], отметим, что значимые образы вагиновской прозы, и в частности, библейские мотивы, имеют двойные и тройные коды прочтения, являются своеобразными знаками, которые функционируют не только в религиозном дискурсе, но и апеллируют к известным и менее известным литературным артефактам, к людям искусства, бытовым деталям, к философской парадигме времени, создавая новую логику текста и открывая перспективы его бесконечного смыслового пространства. Следует отметить, что подобная «густота» художественного слова шла в русле тенденций искусства начала XX в., отмеченных ещё В.М. Жирмунским [4, с. 52–54], Р.В. Ивановым-Разумником [6], А. Белым [1], Е.И. Замятиным [5, с. 382–391], в дальнейшем описанных М. Бахтиным, а также многими современными литературоведами. Эти явления литературы рубежа веков называют по-разному: неореализм, синтетизм, экспрессионизм и т. д. Однако общими для всех этих нестандартных явлений были философско-художественная концепция бытия, диалогизм, «абсолют субъективности» [8, с. 25], интертекстуальность, стремление к художественному синтезу, отказ от строгих канонов и норм, всепроникающее чувство иронии.

Мотив винограда в творчестве К. Вагинова воспринимается именно в духе новых эстетических тенденций, как некий «религиозный элемент внерелигиозной культуры» [2, с. 328], так как поэтическая составляющая в нём соседствует с явным снижением и травестией образа. При толковании мотива возникают интересные семантические сплетения и сложные коннотации. Проследим некоторые способы введения данного образа в тексты, его смысловое наполнение, роль, которую он выполняет в произведениях.

Конфликт, порождённый присутствием в одном образе высокого и будничного, вещного, порождают напряжение, создают оппозицию *поэтическое/бытовое*. При этом в текстах Вагинова противопоставленные части не разделяются, а, напротив, незаметно «перетекают» друг в друга. Поясним это на примерах. Виноград считается одним из символов христианского рая. Картины райской жизни, как правило, не обходятся без его упоминания. Например, богослов IV в. Ефрем Сирийский в сочинении «О рае» воссоздаёт следующую картину: «На блаженной земле кротких, ... вода упокоения и место злачное, ... и *виноград*, возделываемый Богом всяческих, на той блаженной земле, которая приносит прекрасные плоды, произращает древо жизни, орошается источниками духовных дарований, на которой растёт *истинный виноград*, которого деятелем, как слышим, есть Дух...» [11, т. 3, с. 21]. Как видим, изображение сопровождается не только описанием «блаженной» земли и «злачного» места, но и напоминанием о том, что рай – это и древо жизни, орошаемое духовными источниками, из которых и произрастает

истинный *виноград*. Однако у Вагинова метафора рая теряет свою нерасчлененность, распадается на составные части.

В романах писателя образ винограда часто связывается со сладкой *блаженной* жизнью, философией эпикурейства с её культом еды, телесных удовольствий, дружеского общения: «Он (Торопуло. – И.М.) принес японскую вазу, наполненную ландышами ... лёгкое вино в сверкающих графинах, украшенных *серебряными виноградными листьями*, и приготовленные по старинному способу минюги...» [3, с. 424]; «Чем же украсить мою комнату, – думал Локонов, – для посещения моей воображаемой невесты? ... Куплю немного вина, баночку шпрот, печенье, яблок кило полтора, *немного винограду*...» [3, с. 449–450]. В процитированных фрагментах образ винограда иронически снижен, опошлен. В обеих сценах нет даже намёка на духовную составляющую общения людей. В первом случае виноград, несмотря на богатое убранство квартиры и изобилие стола, явлен жулику Анфертьеву не в своём физическом воплощении, а в виде изображения на графинах. Это весьма символично, поскольку и Анфертьев, промышляющий продажей ненужных вещей, и хозяин шикарной квартиры, обыватель Торопуло, не достойны рая. Но Анфертьев, пришедший из голодного разорённого города, не заметил подмены, так как был «выбит из колеи» великолепием дома. Во втором случае виноград присутствует в сцене банального любовного свидания. Красноречивы детали: Локонов, готовясь к встрече дамы, покупает довольно много яблок и «немного винограду». Как известно,

яблоки в библейской традиции – символ грехопадения, и поскольку яблок в вазе на столе Локонова было много, а винограда мало, то и сцена ночного свидания, не одухотворённого любовью, далека от романтики и сопровождается разочарованием обеих сторон. «... Он даже не поцеловал меня», – думала, возвращаясь домой, Юлия; «Одинок, по-прежнему одинок» [3, с. 451–452], – размышлял после свидания Локонов.

И всё же несомненно то, что виноград в произведениях писателя ассоциируется с высокой составляющей образа рая, с райским садом. Не случайно в прекрасный эфемерный мир стремятся вагиновские герои-поэты, художники, идеалисты: «К утру мерещился Тептелкину сад тишайший. Солнце внутри церквей, монахи, сморкающиеся в руку, олеандры цветущие, нежное, розовое море, кашляющие, как чахоточные при пробуждении, колокола, *виноградная лоза*, ещё покрытая росой, и чаёк на блюдечке...» [3, с. 105]. Но райская идиллия, связанная для героев Вагинова с творчеством, полётом фантазии, вновь оказывается снижена большой долей иронии. Так, возвышенное в мыслях Тептелкина соседствует с бытовым, приземлённым. Наполненные солнцем церкви мирно уживаются с монахами, «сморкающимися в руку», «нежное, розовое море» – с колоколами, «кашляющими, как чахоточные», виноградная лоза – с «чайком на блюдечке» и «хрюканьем ... свиней за оградой» [3, с. 105]. Фантазии Тептелкина простираются ещё дальше. Мысленно он воображает себя Иисусом Христом: «Хотел бы он ... сесть на высокую, величественную гору и смотреть на весь мир и

наслаждаться. И казалось ему, что его там обязательно обступят бесы, а он отвернётся и отринет – “не хочу, – скажет он, – идти с вами, не вашей я породы, всю жизнь с вами боролся”» [3, с. 105]. Однако в итоге герой оказывается недостойным рая. Он потерпел творческое поражение, но взамен поэтического олимпа получил другой – домашний «рай», наполненный милыми семейными радостями. Втайне герой сожалеет о неосуществлённой мечте. Красноречива деталь: за его окнами «стояли двухлетние *виноградные кусты*» – «чахлые и прозрачные», будто напоминающие о суррогатности обрётённого счастья. Об этом же говорит и другой иронический пассаж: вместо райского сияния над головами супругов горит электрическая лампочка. И лишь спустя годы сад-эдем Тептелкина всё же осуществился стараниями его жены Марьи Петровны Далматской. Однако «малюсенький садик, более похожий на террариум» [3, с. 160], столь тесен, что постаревший философ едва мог в нём повернуться. Знаменательно, что именно здесь герою приходит мысль, что «культура, которую он защищал, была не его, что он не принадлежал к этой культуре» [3, с. 160].

Чаще всего образ винограда встречается в романе К. Вагинова «Бамбочада» (1931) Он упоминается в тексте 14 раз и вводится разными способами: чаще всего как имплицитное напоминание о рае («сладостное *виноградное* освещение фонарей», «вода в ... пруде *цвета винограда*»). И вновь, как и в романе «Козлиная песнь», возникает парадигма «виноград–рай–творчество», где каждая смысловая составляющая «просвечивает» сквозь другую. С помощью образа винограда Вагинов

доносит мысль о тщетности попыток обрести рай в искусстве, именно так можно интерпретировать сцену в санатории для туберкулёзных больных, где главный герой увидел беседку, украшенную амурами: «...в особенности понравились Евгению амуры, собирающие *виноград*; один рассматривает гроздь, другой наполняет корзину, третий, стоя в огромной бочке, давит с радостным усилием и шаловливой улыбкой зрелую виноградину» [3, с. 359]. Роспись на беседке слишком далека от реальной жизни и лишней раз напомнила герою о быстро тающей собственной жизни, в которой он так и не успел создать свой художественный мир-рай.

Мотив винограда в романе обыгрывается и средствами ономастики. Интересно, что центрального персонажа, Евгения Фелинфлеина, в кружке Торопуло звали «изящным» именем Вендимиан, которое, по ироническому замечанию Вагинова, означает «собиратель винограда» и «виноградарь» [3, с. 293]. Авторское пояснение обращает к Новому завету, где образ винограда, виноградников и виноградаря нагружен символическим подтекстом. Самые известные притчи о виноградарях отсылают к евангелиям от Матфея и Иоанна [Мф. 20: 1–16, 21: 33–43], к проповеди Иисуса на Тайной вечере, в которой он говорил о себе как о виноградной лозе [Ин. 15]. Однако в тексте Вагинова библейские аллюзии создают ироническое поле, характеризуя Фелинфлеина как собирателя – но материальных, а не духовных ценностей. Для Евгения «собрание» связано с воровством (кража золотого браслета у невесты Лареньки, мелкие хищения в доме друзей). Примечательно, что,

перепродав украденные книги, герой покупает себе 500 граммов *винограда* и тут же съедает его (т. е. меняет духовное на материальное). Так имя Вендимиан в романе получает отрицательные коннотации: Фелинфлеин превращается в предавшего заповеди апостола.

Интересно, что у Фелинфлеина есть друг – инженер Торопуло. Этот персонаж также связан с мотивом винограда. По ироническому замечанию автора, Торопуло, вкушая «тревожный запах винограда», живёт «в атмосфере никогда не существовавшего золотого века» [3, с. 306]. Любуясь природой, он сравнивает цвет воды в пруде с цветом винограда, белая ночь окрашивается для него «сладостным» «*виноградным* зеленовато-голубоватым светом» [3, с. 308]. Однако виноград для инженера всего лишь материальный объект – сладкие ягоды. Так его мечта – плодоносящий райский сад, соотносимый с хилиастическими представлениями о «тысячелетнем царстве», – дискредитируется, переводится на потребительский уровень, лишается духовного смысла. В финале романа Торопуло получает прощальные письма от Фелинфлеина, но не узнаёт друга за вымышленными именами учёного Загни-Бородова, нумизмата С. Мухина и др. Торопуло не способен расшифровать заключённые в них послания, трактуя открытки Фелинфлеина в привычном и понятном для себя «гастрономическом» ключе. Таким образом, Торопуло тоже являет собой образ сбитого с толку, обманутого и потерявшего нравственные ориентиры апостола. Если главный герой, жених (как представляет его Вагинов), блуждает в духовной темноте, то перспективы

просветления ученика, не способного прочесть послания своего учителя, выглядят и вовсе туманными (см. об этом: [9]).

В образе винограда имплицитно присутствует ещё один символический смысл. Известное крылатое выражение “in vino veritas” обращает к мудрости, обрётённой с помощью опьянения. В Библии также есть мотив приобщения к истине через вкушение вина-крови Христа. Для многих героев Вагинова, мыслящих поэтическими категориями, очевидна связь винограда, вина и творческого вдохновения, которое для них и есть момент истины. Они стремятся в буквальном смысле вкушать от плодов винограда, поэтому предпочитают чаю алкоголь. Так, неизвестный поэт из романа «Козлиная песнь», оказавшись в пошлой компании безумных юношей, после предложения выпить чаю с разочарованием думает, что «здесь нельзя говорить о сродстве поэзии с опьянением»: «Они не поймут, что поэт должен быть, во что бы то ни стало, Орфеем и спуститься во ад, хотя бы искусственный, зачаровать его и вернуться с Эвридикой – искусством. ... Средство изолировать себя и спуститься во ад: алкоголь, любовь, сумасшествие» [3, с. 83]. Этим же постулатом руководствуется герой «Бамбочады» Фелинфлеин, погружаясь в мир наркотического опьянения и вызывая у себя фантастические видения, которые, однако, не приносят ему конкретных творческих результатов.

В подобном девиантном поведении персонажей Вагинова отразились реальные черты жизни литературной и артистической среды начала XX в. Вино, наркотики были неотъемлемой частью собраний писателей, поэтов,

художников. Вагинов иронизирует над божественным сознанием своих персонажей. В Евангелии от Луки читаем: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Лк. 6, 43). Увы, истинную мудрость в вине никто из героев писателя не обретает. Все они бесплодны как в физическом, так и творческом плане, и их страсть к застольям, к картинкам на соответствующие темы («всевозможные изображения духовенства, пирующего за столом») только подчёркивает их обречённость.

Образ винограда (и по ассоциативной связи – вина) у Вагинова полифункционален. Помимо перечисленных выше смыслов писатель придаёт ему также символическое значение жизни, а значит, бессмертия. Если в начале романа, в период любовного увлечения Ларенькой, Евгений Фелинфлеин может легко, не задумываясь съесть полкилограмма винограда, суп из виноградного вина, ночь напролёт в состоянии алкогольного опьянения просидеть в гостях, то в конце романа умирающий Евгений может лишь рассматривать изображение амуров, собирающих виноград. О невесте Лареньке он думает уже спокойно и как бы издали – вино жизни уже не бурлит в нём.

Итак, образ винограда в творчестве К. Вагинова имеет разнонаправленные, нередко противоположные смыслы. За его повышенной смысловой густотой стоит модернистская традиция литературы Серебряного века, диктующая внутреннюю конфликтность и релятивизм образов. Из представленного выше ряда – *виноград-вино-виноград* – выстраивается парадигма, отсылающая не только к современно-

сти автора, но и античности, Библии, Спасителю, Эдему, к философским понятиям Истины и Любви и одновременно к мотивам Жертвы, Смерти, Вечности. Несмотря на то, что образ винограда и связанный с ним ряд иронически снижены, демонстрируют несовместимость современной Вагинову жизни и творчества, однако сквозь иронию и отрицание видна бесконечная любовь к миру, его красоте, принадлежащей Вечности. Образ винограда, в котором Вагинов соединил высокое и

низкое, представляется своеобразным ступком авторского мирозерцания, задающим экзистенциальные проекции многим сценам и образам. С его помощью писатель затронул коренные аспекты человеческого бытия, вопросы о смысле жизни. Несомненно, что многоуровневая смысловая структура образа винограда вызывает широкий круг ассоциаций и требует тщательного изучения и дальнейшей герменевтической расшифровки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм и современное русское искусство // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 525 с.
2. Булгаков С. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
3. Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. Герасимовой. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
4. Жирмунский В.Н. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12. С. 52–54.
5. Замятин Е.И. Избранные произведения: в 2 т. М.: Советская Россия, 1990. Т. 2. 538 с.
6. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика: статьи критические 1908–1922. Петроград: Колос, 1922. 262 с.
7. Кибальник С.А. Велимир Хлебников в «Козлиной песни» К. Вагинова (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 19–31.
8. Липовецкий М.Н. Модернизм и авангард: родство и различие // Филологический класс. 2008. Вып. 20. С. 24–31.
9. Матвеева И.И. Иронический модус в структуре образа главного героя романа К. Вагинова «Бамбочада» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2. С. 25–34.
10. Разумова А. Пафос диахронии в филологических текстах круга М. Бахтина и в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» [Электронный ресурс] // Коллаж. Вып. 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kollazh/k4-2003/15135-pafos-diahronii-v-filologicheskikh-tekstah-kruga-m-bahtina-i-v-romane-k-vaginova-kozlinaya-pesn.html> (дата обращения: 10.03.2018).
11. Сирин Е. Творения: в 4 т. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994.
12. Шиндина О. Художественный и научный дискурсы 1920-х годов. Тыняновский подтекст образа литератора в художественном мире К. Вагинова // Логос. 2014. № 3. С. 145–164.
13. Юрьев О. От звукоподражания до звукоподобия: К. Вагинов, поэт на руинах [Электронный ресурс] // Звезда. 2016. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/6/ot-zvukopodrazhaniya-do-zvukopodobiya.html> (дата обращения: 5.04.2018).

REFERENCES

1. Belyi A. [Symbolism and the contemporary Russian art]. In: Simvolizm kak miroponimanie [The Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 525 p.
2. Bulgakov S. Svet nevezhernyi: sozertsaniya i umozreniya [Non-evening light: contemplation and conclusions]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p.
3. Vaginov K.K. Kozlinaya pesn': Romany. Stikhotvoreniya i poemu [Goat song: Novels. Poems]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 608 p.
4. Zhirmunskii V.N. [Overcoming the symbolism]. In: Russkaya mysl' [Russian thought], 1916, no. 12, pp. 52–54.
5. Zamyatin E.I. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. [Selected works: in 2 vol.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. Vol. 2. 538 p.
6. Ivanov-Razumnik R.V. Tvorchestvo i kritika: stat'i kriticheskie 1908–1922 [Creativity and criticism: critical articles 1908–1922]. Petrograd, Kolos Publ., 1922. 262 p.
7. Kibal'nik S.A. [Velimir Khlebnikov in “Goat song” by K. Vaginov (On the issue of cryptography in the Russian avant-garde of the 1920s)]. In: Novyi filologicheskii vestnik [The New Philological Bulletin], 2014, no. 2 (29), pp. 19–31.
8. Lipovetskii M.N. [Modernism and the avant-garde: the relationship and difference]. In: Filologicheskii klass [Philological Class], 2008, no. 20, pp. 24–31.
9. Matveeva I.I. [Ironie Modus in the Image Structure of the Protagonist of the novel by K. Vaginov “Bambocciada”]. In: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie” [Moscow City University Vestnik. Series Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2017, no. 2, pp. 25–34.
10. Razumova A. [Pathos of diachrony in the philological texts of M. Bakhtin's circle and in the novel “Goat Song” by K. Vaginov]. In: Kollazh [Collage], iss. 4. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/kollazh/k4-2003/15135-pafos-diachronii-v-filologicheskikh-tekstah-kruga-m-bahtina-i-v-romane-k-vaginova-kozlinaya-pesn.html> (accessed: 10.03.2018).
11. Sirin E. Tvoreniya: v 4 t. [Creations: in 4 vol.]. Moscow, Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1994.
12. Shindina O. [Art and science discourses of the 1920s. Tynyanov's subtext of a writer within the artistic world of Konstantin Vaginov]. In: Logos [The Logos journal], 2014, no. 3, pp. 145–164.
13. Yur'ev O. [From onomatopoeia to sound similarity. Konstantin Vaginov, a poet on the ruins]. In: Zvezda [Star], 2016, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/6/ot-zvukopodrazhaniya-do-zvukopodobiya.html> (accessed: 5.04.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеева Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;

e-mail: matv1@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Matveeva – PhD of Philological sciences, associate professor at the Department of the Russian Literature, Moscow City University;

e-mail: matv1@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Матвеева И.И. Мотив винограда в творчестве К. Вагинова: новозаветные проекции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 115–123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123

FOR CITATION

Matveeva I.I. The grape motif in the works of K. Vaginov: the projection of the new testament. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 115–123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-115-123

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-124-134

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЗЫ ЛЕРМОНТОВА (ОТ ВЕРЫ ЛИГОВСКОЙ К КНЯЖНЕ МЕРИ)

Москвин Г.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена вопросу непрерывности развития основной идеи, объединяющей прозу Лермонтова, – проблеме измены в любви и её преодолении. Автор полагает, что потребность разрешить названную проблему побуждает Лермонтова переходить от одного прозаического произведения к другому: последовательно от «Вадима» к «Княгине Лиговской», «Герою нашего времени», «Штоссу». В статье анализируются биографические обстоятельства и художественные причины перехода от «Княгини Лиговской» к «Княжне Мери» в свете феномена автобиографизма творчества Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, проза, «Княгиня Лиговская», «Княжна Мери», автобиографизм, измена, любовь.

EVOLUTION OF LERMONTOV'S PROSE (FROM VERA LIGOVSKAYA TO PRINCESS MARY)

G. Moskvina*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is dedicated to the question of the phenomenon of continuous developing of the main idea which unites the Lermontov's prose – the problem of treason in love and overcoming it. The author states that necessity to solve the problem forces Lermontov to move in his prosaic writings from one work to another: from "Vadim" to "Princess Ligovskaya", "The hero of our time", "Shtoss". In the article, the transition from "Princess Ligovskaya" to "Princess Mary" is being explained based on the analyses of biographic facts in Lermontov's life and on artistic reasons.

Key words: Lermontov, prose, "Princess Ligovskaya", "Princess Mary", autobiography, treason, love.

Прозаические произведения Лермонтова чётко разделяются по времени, нельзя сказать, что какие-то из них создавались параллельно. Названное обстоятельство наводит на мысль, что они последовательно возникали из некоего общего замысла или, вернее сказать, что их источником являлась не оставляющая автора творческая потребность выразить нечто существенное, главное, и,

не достигнув цели, он не мог остановиться. Другими словами, когда не удавалось воплотить желаемое, Лермонтов переходил к следующему произведению с той же целью. Наложение по времени произошло лишь однажды, при записи сказки «Ашик-Кериб», но, во-первых, это был не оригинальный текст Лермонтова (хотя и неизменно включаемый в перечень его прозаических произведений), во-вторых, роль этой сказки сказалась в разделении прозы писателя на два принципиально разных периода.

Тем не менее, можно назвать два произведения, переход которых по времени от одного к другому не представляется ясным – романы «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени». Установлено по автобиографическим эпизодам, что роман «Княгиня Лиговская» Лермонтов начал писать в конце апреля – начале мая 1836 г. [4, с. 639–641]. Далее работа над продолжением романа была прервана в начале следующего 1837 г. в связи с арестом Лермонтова по делу о непроизвольных стихах. Дополнительным биографическим свидетельством служит и распад творческого союза с С.А. Раевским, жившим у Лермонтова до ссылки. Таким образом, промежуток между началом 1837 г. и письмом от 8 июня 1838 г. Раевскому, в котором Лермонтов пишет об окончании работы над «Княгиней Лиговской», можно назвать периодом *неопределённости*, когда непродолженный текст ещё не окончательно отложен в сторону и автор словно ожидает повода, чтобы объявить о его переходе в иное качество. Обращает на себя внимание и фраза: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончит-

ся ...» [4, с. 445–446]; из неё очевидно, что разговор о романе возобновился спустя какое-то долгое время, и фраза является ответом на вопрос Раевского (конечно, говорить об этом можно лишь предположительно, поскольку содержание письма последнего неизвестно). Отмеченное обстоятельство побуждает заключить, что в течение по меньшей мере года (большая часть 1837–первые месяцы 1838 гг.) Лермонтов, работая над отдельными частями «Героя нашего времени», не мог не учитывать *живую* ещё в творческом сознании рукопись предыдущего романа.

Итак, биографическая канва событий предельно ясна, да и сам Лермонтов указывает в процитированном письме на это, говоря, что «обстоятельства переменились». И всё же остаётся вопрос, что же удерживает автора в близости к тексту «Княгини Лиговской» весь 1837 г., для ответа на который необходимо определить источник любой его прозы. Мы полагаем, что в основе каждого сюжета лежит творческий импульс, названный некогда нами *запрос любви* [8, с. 57–69]. В ней двигалось положение, что, какими бы темами ни осложнялись сюжеты произведения, они развивались исключительно как производные от проблемы любви. Так, роман «Вадим» строился на двух сюжетных линиях: частной истории семьи Вадима и Пугачевском бунте, но все действия Вадима, главного участника событий, пронизаны потребностью и стремлением к любви. Подтверждением тому служит ключевая мысль произведения: «Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь – везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите, как вам угодно; –

и человек, который ненавидит всё, и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильнее всех наших произвольных страстей» [4, с. 30]. В этой фразе юноша Лермонтов высказывает своё понимание любви не как конкретного чувства, возникающего между людьми, – он говорит о любви как таковой, о мировой сущности: «любовь – везде любовь». Именно такое качество понимания любви в философии и поэтике Лермонтова явилось этапным для его прозы, и если, подобно вспышкам озарения, оно проявлялось в лирике юношеского периода, в таких стихотворениях, например, как «Не ты, но судьба виновата была ...» или «Я не унижусь пред тобою ...» и др., то надличное определение феномен любви получил впервые в «Вадиме». Вместе с тем определилась яркая особенность творчества Лермонтова во всём, что касалось обращения к любви, состоявшая в последовательном разделении биографического и художественного. Иными словами, любое частное переживание должно было быть освоено художественно. И хотя в этом сказывается общий закон художественного творчества, уровень автобиографизма в текстах Лермонтова не только оставался чрезвычайно высоким как сюжетная основа многих произведений – жизненно пережитое пропитывало их литературную ткань.

Вопрос об автобиографизме творчества Лермонтова в связи с изучением его биографии вызывает неизменный интерес и в особенности, что касается его ранней лирики, отмечался неоднократно. Неизменно при этом поражает её «беззащитная

откровенность»¹. Насыщенность ранних текстов автобиографическим содержанием не раз отмечалась виднейшими лермонтоведами: «Стихотворения, собранные в первом отделе (т. е. ранняя лирика), – писал Б.М. Эйхенбаум, – представляют собой нечто вроде лирического дневника, развёртывающего перед читателем интимную биографию Лермонтова» [10, с. 289]. А.И. Журавлёва отмечала, что «ранняя лирика Лермонтова вся может быть прочитана как своеобразный поэтический дневник романтически настроенного русского юноши» [2, с. 16]. Точное обобщение в связи с биографизмом произведений Лермонтова делает и И.А. Киселева, отметившая, что «верное понимание» произведения «напрямую зависит от видения авторского идеала» [3, с. 82]. Внимательного и тонкого подхода требует вопрос об автобиографизме ранних драм Лермонтова «Люди и страсти» и «Станный человек», поскольку они совпадают по времени с упомянутой нами лирикой.

При переходе от биографического, личного к художественному, как нам представляется, в обращении к любви главным был вопрос измены, и его определяющий проблемный статус в произведениях сохранялся до выбора Лермонтовым в 1837 г. сказки «Ашик-Кериб». Пожалуй, с ивановского цикла (1830–1832) осознание измены разделилось Лермонтовым на две противоположные рефлексии: с одной стороны, как факт биографии частно-

¹ Последнее замечание сделано О.В. Миллер в рукописи ещё не опубликованной коллективной монографии «Концептуальные основы современного лермонтоведения», выполненной по проекту РГНФ № 15-04-00498 в 2017 г.

го человека, скажем, своей (назовём событие фактом *поражения в любви*), с другой же – биографическое уступало место пониманию философскому, что означало поражение не в любви, а поражение любви как таковой. Отмеченный творческий феномен обнаруживается с начала 1830-х гг., и лирические тексты Лермонтова нужно читать, понимая его суть. К примеру, фраза «я не унижусь пред тобою» не означает, что лирический герой не унижится как человек, т. е. не уступит в пылу соперничества, а что он не поступится любовью как ценностью непостижимо выше человеческой гордости.

Мотив измены, явившись главным сюжетным элементом в развитии любовной коллизии в «Вадиме», в самой глубине вопроса о любви представлял его концептуальное значение. Сопоставим два текста:

*Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила* («Не ты, но судьба ...», 1830/31).

Послушай: если б бедная собака, иссохшая, полуживая от голода и жажды, с визгом приползла к ногам твоим, и у тебя был бы кусок хлеба, один кусок хлеба ... отвечай, что бы ты сделала?

– *Сердце не кусок хлеба, оно не в моей власти ...* («Вадим») [4, с. 74]

Из приведённых примеров видно, что юный Лермонтов разделяет любовь суетную, полагая её свойством женского сердца, и любовь как вселенское сострадание, в котором он видит источник и цель своего стремления.

Измена Ольги тому высокому, что в ней на мгновение пробудил Вадим, разрушила замысел романа, и он распался на несоединимые сюжетные

потoki, так и оставшись непродолженным и незавершённым. В конце *наличного* текста автор, так и не найдя художественных аргументов для преодоления неотвратимости измены в любви, прибегает к слабому средству – развенчать выбор Ольги и унижить удачливого соперника: «... он (Юрий) с жадностью кинулся на предлагаемую пищу ... в эту минуту он забыл все: долг, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатного молока и хлеба. Если б в эту минуту закричали ему на ухо, что сам грозный Пугачев в 30 шагах, то несчастный еще подумал бы: оставить ли этот неоцененный ужин и спастись – или утолить голод и погибнуть!.. у него не было уже ни ума, ни сердца – он имел один только желудок!» [4, с. 117].

Так, не получив разрешения, проблема измены, т. е. поражения любви, перешла в новый сюжет, порождённый биографическими обстоятельствами. В 1835 г. Лермонтов узнаёт, что любимая им девушка Варвара Лопухина выходит замуж. И дело здесь вовсе не в том, что она соглашается на замужество под давлением родителей, и были другие обстоятельства, а то, что это оказывается возможным и неотвратимым, т. е. ни биографический автор, ни его герой Жорж Печорин не терпят обычного поражения в любви – поражена сама любовь.

Заметим, что ситуация, касающаяся мотива измены, формируется не в развитии сюжета, как это было в «Вадиме» (для героя изменения происходят в 9–10 главах романа) – Вера Лиговская вышла замуж до начала описываемых событий. Отмеченная композиционная деталь имеет существенное значение для идеи романа, поскольку

сосредоточивает внимание читателя на *нервном узле* произведения, проблеме, которую предстоит разрешить. Другими словами, возможно ли найти художественное средство, своего рода *противоядие*, которое остановит разрушающее действие измены. Лермонтов как сложившийся к 1836 г. художник понимает необратимость происшедшего, что рассчитывать на восстановление сердечных отношений между княгиней Лиговской и Печоринным неперспективно, ибо противоречит *правде*. Невозможно также ввести в роман некое подобие любовного треугольника, скажем, посредством мужа княгини, поскольку сюжет был бы загнан в любовный тупик, тем более, что Пушкин в финале «Евгения Онегина» уже показал бесплодность такой фигуры для подобной цели. Таким образом, для продолжения произведения возрастает значимость третьего персонажа – чиновника Красинского, а вместе с ним, приятеля и *соавтора* Лермонтова Святослава Раевского.

О ходе работы над романом «Княгиня Лиговская» известно очень мало, разве что точно установлено по пометкам *соавторов*, какие места в рукописи написаны кем из них, хотя выяснить подлинное участие Раевского в творческом развитии сюжета не представляется возможным или лёгким. Рискуем предположить, не желая ни в коей мере принизить его роли в создании рукописи, что она может быть осознана в трёх ипостасях. Во-первых, Раевский был необходим Лермонтову в его уже привычном качестве как записывающий лермонтовские тексты помощник, соисполнитель, благодаря которому Лермонтов мог наблюдать процесс порождения текста отстра-

нённо; выполнять функцию своего рода *камертона*, благодаря которому писатель настраивал свой замысел, как музыкальный инструмент для исполнения сложной партитуры; участие Раевского также можно уподобить назначению модели или натурщика для разработки образа и роли в конфликте чиновника Красинского. Роман «Княгиня Лиговская» предположительно должен был строиться на двух сюжетных линиях, с двумя главными героями – не случайно сюжетный импульс был задан происшествием с Красинским, да и точная дата начала описываемых событий связана, надо думать, с биографией Раевского [7, с. 227].

Тем не менее, у нас нет другого полноценного источника, чтобы установить как причину остановки работы над романом (имеется в виду художественная, а не вытекающая из обстоятельств), так и необходимость перехода к новому сюжету. Последнее, мы полагаем, приоткрывается при сопоставлении первой записи (от 11 мая) в «Княжне Мери» с письмом Лермонтова Марии Александровне Лопухиной, в котором он упоминает о виде из окна своей квартиры [4, с. 438, 730]. Что касается судьбы романа «Княгиня Лиговская», для нас самой важной представляется фраза из письма Раевскому от 8 июня 1838 г.: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины» [4, с. 445]. Остаётся вопрос, почему со времени дела о непозволительных стихах между приятелями, так называемыми соавторами, не возникало разговора об оставленном романе. Содержание их переписки

не даёт нам ответа, потому что у нас в распоряжении три записки от Лермонтова Раевскому (февраль–март 1837 г.), содержащие требуемые оправдания из-за неблагоприятных показаний Лермонтова относительно Раевского, письмо (ноябрь–декабрь 1837 г.), из которого ясно, что полноценного общения между ними не сохранилось, даже если и была какая-то переписка, о которой мы не знаем. Письмо Лермонтова (8 июня 1838 г.) даёт нам ценную информацию: во-первых, из него ясно, что Раевский, возможно, впервые высказал свои обиды и, во-вторых, спустя долгое время завёл разговор о совместном романе. Именно в этой связи примечателен ответ Лермонтова и его объяснение.

В объяснении Лермонтова привлекают к себе внимание, главным образом, два слова: «обстоятельства» и «истина». Конечно, они написаны для того, чтобы удовлетворить Раевского, мы же постараемся определить их настоящий смысл, понимание которого приблизит к художественной причине обращения Лермонтова к идее «Княжны Мери». Если связать вместе «обстоятельства» и «истину», то мы вернёмся к природе лермонтовского автобиографизма, однако уже на ином уровне, вернее, на новом этапе жизни и творчества Лермонтова. Если раньше обстоятельства порождали сюжетную основу следующего произведения, пропитывая его личным опытом, что, собственно, даже оказывало тормозящее действие на художественное обобщение жизненной ситуации, то, начиная со среднего этапа творчества, будем считать его периодом 1834–37 гг., на первый план выходит не биографический случай, а закон. Напри-

мер, в романе «Вадим» дело не в том, что девушка Ольга изменила своему чувству, а в том, что этого не могло не случиться. Любовный конфликт «Вадима», как в «Демоне» или «Азраиле», составляла встреча бессмертного духа и смертной девушки, и его разрешение всегда означало катастрофу для героя. Роман «Вадим» в этом отношении является своего рода переходным произведением, в котором измена как явление земное должна быть побеждена, как желалось автору, в жизненных условиях. Замысел Лермонтова состоял в торжестве любви над ненавистью, но в тех романских обстоятельствах он осуществиться не мог.

В «Княгине Лиговской», в отличие от «Вадима», где герой в мольбе, ярости, безумии мечется, чтобы победить стихию *женского сердца*, Жорж Печорин пережил своё несчастье, его состояния теперь определяют не страсти и протест, он испытывает некое вьёвшееся в его душу, как хроническая болезнь, томление под маской «лени и беззаботного равнодушия». Ни в герою, ни в его бывшей любимой Вере, ныне княгине Лиговской нет сердечного, глубокого стремления друг к другу, т. е. «обстоятельства переменились» не том смысле, что Вера замужем, а в том, что более нет *живого* чувства. В выжженной душевной среде оно возникнуть не может, и любая попытка возродить его ради создания иллюзии торжества настоящей любви означала бы «отступить от истины». Лермонтов не видит художественных средств для восстановления утраченной гармонии. Другой путь виделся Лермонтову в том, чтобы ввести в сюжет новое лицо – чиновника Красинского, благо и Раевский был рядом как подобие

героя времени, но не лермонтовского человека. Однако за четыре сюжетных представления образ якобы перспективного чиновника и *свежей* личности развенчивается, и его перспектива скажется позже в образе Грушницкого из «Княжны Мери». Сравним последний эпизод с Красинским в «Княгине Лиговской»: «Красинский стоял у подъезда, закутанный в шинель. Вот подъехала карета; из неё вышла дама: при блеске фонарей брильянты ярко сверкали между её локонами; за нею вылез из кареты мужчина в медвежьей шубе. Это были князь Лиговский с княгиней; Красинский поспешно высунулся из толпы любопытных зевак, снял шляпу и почтительно поклонился, как знакомым, но увы! Его не заметили или не узнали, что еще вероятнее ... “Хорошо, – подумал он, удаляясь, – будет и на нашей улице праздник.” – жалкая поговорка мелочной ненависти ...» с записью в дневнике от 22 мая из «Княжны Мери»: «Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце ...» или от 13 мая: «Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине ...».

Таким образом, ясно, что роман «Княгиня Лиговская» не мог быть продолжен таким художником, как Лермонтов, который не может «отступить от истины». «Истина» же, если мы правильно понимаем слова Лермонтова, состоит не в верности обстоятельствам или событиям, жизненным фактам, а в другом. В случае «Княгини

Лиговской», для того чтобы достичь цели, т. е. преодолеть роковую ситуацию поражения любви, должно быть художественное основание. Обратим внимание, что в «Вадиме» измена произошла в ходе развития сюжета, в «Княгине Лиговской» до начала романа (предыстория отношений героев «вводится как прошлое Печорина» [12, с. 261]), поэтому в следующем произведении она должна по месту, роли в сюжете быть качественно иной. Видимо, творческий процесс преобразования биографического в художественное уже происходил в ходе развития замысла романа «Княгиня Лиговская», о чём писала Е.Н. Михайлова: «Все автобиографические факты, стоящие за сюжетными ситуациями и образами “Княгини Лиговской”, уже пропущены сквозь призму художественного обобщения» [5, с. 130–131]. Однако на этом этапе сюжетная идея преодоления ситуации измены в любви ещё не складывалась. Уникальность прозы Лермонтова часто связывается с особым характером параллелизма авторской судьбы и судьбы героя. И.Э. Васильева комментирует две трактовки, или концепции, этого литературного феномена Ю.В. Манна и В.М. Марковича; первый декларирует внежанровость и внеромантичность лермонтовской повествовательной стратегии, формирование общих для творчества нарративных моделей; второй утверждает, что героцентричный подход обусловил отсутствие дистанции между героем и автором, что в свою очередь влияет на необычную форму лермонтовского романа [1, с. 469]. Для нас, помимо повествовательных стратегий, прежде всего, важна оплодотворяющая сюжет идея, определяющая в период созда-

ния произведения соотношение биографического и художественного и соответственно его форму. В данном случае, насколько автор преуспел в понимании художественной перспективы преодоления рокового закона измены в любви.

Переход от «Княгини Лиговской» к «Герою нашего времени» обусловлен двумя группами обстоятельств: биографическими и творческими. К первой, безусловно, нужно отнести гибель Пушкина, непозволительные стихи, арест и высылку Лермонтова и Раевского из Петербурга, т. е. разрушение творческо-бытовой среды, в которой роман мог хоть как-нибудь продолжаться. Эти события также сыграли терапевтическую роль в судьбе Лермонтова, освободив его от затянувшегося морока воспоминаний. Видимо, не было даже решения остановиться с романом, Лермонтов попросту перестал его писать.

Итак, Лермонтов пишет об обстоятельствах как об изменениях, происшедших в нём самом: он более не испытывает прежних чувств или жизненного смущения, которые были живы, постепенно затихая, на протяжении 1835–1836 гг. А роман может быть только о живом чувстве, следовательно, любое продолжение его будет домыслом, искажающим правду, именно в этом значении Лермонтов употребляет слово «истина», т. е. не соответствие фактам, а правда. Другими словами, любовь поражена, любовь не восстанавливается, любые вторжения в истину не имеют художественной перспективы, как и сюжетные новации с введением новых персонажей или линий. Б.М. Эйхенбаум неудачу «Княгини Лиговской» определил как

неразрешённость проблемы создания большой повествовательной формы: «Проблема романа осталась неразрешённой. Большое количество персонажей (Печорин, Негурова, супруги Лиговские, Варенька, чиновник Красинский, Браницкий, Горшенко) и сложная интрига, намеченная в написанных главах, подготавливают к большой форме, между тем как на самом деле роман не образуется: интрига не создаёт завязки, которая соединила бы всех действующих лиц. Роман распадается на ряд сцен и эпизодов, сочетание которых не приводит к последовательно развивающемуся повествованию. Необходимость сообщать о прошлом своих персонажей, вставлять характеристики, описания обстановки, наружности и т. д., явно затрудняет автора. Большая форма не удаётся ...» [11, с. 147]. Однако учёный не мог учитывать более глубокую причину неуспеха романа, чем технические и формальные основания. Интрига не переходит в завязку, потому что не разрешена фундаментальная смысловая проблема: измена в любви и её преодоление.

Готовность же, с которой Лермонтов откликается на подходящую ситуацию (Пятигорск, целебные воды, водяное общество) и адаптирует её к сюжету «Княжны Мери» свидетельствует о том, что замена проблеме предыдущего романа уже созрела. Вспомним письмо Раевскому конца 1837 г.: «Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить – в месяц меня воды совсем поправили ...». Эпизод, упоминаемый Лермонтовым, относится к его приезду в Ставрополь в середине апреля 1837 г., однако художественная

обработка ситуации возникла под воздействием впечатлений Лермонтова от пребывания в Пятигорске. Для нас важно то, что эпизод «меня на руках вынесли люди из повозки» совершенно согласуется с настоящим смыслом «Княжны Мери». Повторимся, что первые наброски текста повести «Княжна Мери», и уж точно её экспозиции, делаются в последние дни мая – начале июня 1837 г., и их содержание перекликается с уже цитировавшимся письмом к М.А. Лопухиной от 31 мая того же года.

События повести «Княжна Мери» расположатся между двумя утрами – первого и последнего дня, т. е. первой и последней встречей, стремлением к любви и прощанием с мечтой. В повести не будет измены любви, катастрофа случится, когда княжна бросит свой взор на Грушницкого, и далее речь в повести пойдёт уже о любви как источнике жизни. Лермонтов сосредоточит идею повести в различии между двумя символами: *колодцем кислосерной воды*, которой пытаются исцелиться люди, и *колодезем Иаковлем*, аллюзией на повествование от Иоанна (гл. IV) в начале произведения – евангельскую парафразу о сущности любви [6, с. 7–17]. В нём Иисус говорит в ответе *самарянке*:

«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе

воду живую. ... кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную ...».

Евангельское откровение адресовано следующему романному герою лермонтовскому человеку – Григорию Александровичу Печорину, не обретшему «власть над страстями» и ставшему «орудием собственной воли» [9, с. 572–583]. Оно сообщает духовную максиму в пространстве смыслов человек и любовь («сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную») и возносится над суетными печоринскими словами: «если б все меня любили, я в себе нашёл бы бесконечные источники любви» [4, с. 294]. Аллюзивный пласт в «Княжне Мери» совершенно совпадает с событийным. В начале повести Печорин открывает окно в 5 часов утра [4, с. 260–261] и оказывается у колодца к шести часам. В евангельском повествовании тоже названо время: «Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа». Таким образом, сказанное герою романа, обращено ко всем, ибо он, по художественной идее Лермонтова, представляет за всех. Можно предполагать, что именно с указанной выше максимы и должно начаться преодоление неизбежной измены в любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева И.Э. Проза Лермонтова: эволюция повествовательной конструкции // Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 469.
2. Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Московский государственный университет, 1988. С. 16.
3. Киселева И.А. О познавательном-ценностном подходе к творчеству М.Ю. Лермонтова: телеология текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 82.

4. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 томах. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т. 6. 900 с.
5. Михайлова Е. Проза Лермонтова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 542 с.
6. Москвин Г.В. Библийские реминисценции в повести «Княжна Мери» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 3. С. 7–17.
7. Москвин Г.В. «Княгиня Лиговская» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. С. 225–227.
8. Москвин Г.В. Запрос любви (источник и энергия прозы М.Ю. Лермонтова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002. № 2. С. 57–69.
9. Савинков С.В., Фаустов А.А. Печорин как «странный» человек... : «вампирический» элемент в романе «Герой нашего времени» // М.Ю. Лермонтов: Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. Т. 2. 997 с.
10. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 371 с.
11. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Государственное издательство, 1924. 168 с.
12. Юхнова И.С. Усадьба в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 261.

REFERENCES

1. Vasil'eva I.E. [Lermontov's prose: the evolution of he narrative construction]. In: Mir Lermontova [World Of Lermontov]. St. Petersburg, Scriptorium Publ., 2015. pp. 469.
2. Zhuravleva A.I. Russkaya drama i literaturnyi protsess XIX veka [Russian drama and literary process of 19th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. pp. 16.
3. Kiseleva I.A. [On the cognitive and value method in M. Lermontov's works: text's teleology]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2013, no. 6, pp. 82.
4. Lermontov M.Yu. Sochineniya v 6 tomakh [Works in 6 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1957. Vol. 6. 900 p.
5. Mikhailova E. Proza Lermontova [The Prose by Lermontov]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 542 p.
6. Moskvina G.V. [Biblical reminiscences in the story "Princess Mary"]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2000, no. 3, pp. 7–17.
7. Moskvina G.V. ["Princess Ligovskaya"]. In: M.Yu. Lermontov. Entsiklopedicheskii slovar' [M. Lermontov. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Indrik Publ., 2014. pp. 225–227.
8. Moskvina G.V. [The request for love (the source and energy of M. Lermontov's prose)]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2002, no. 2, pp. 57–69.
9. Savinkov S.V., Faustov A.A. [Pechorin as a "strange" person ... : "vampiric" element in the novel "The Hero of Our Time"]. In: M.Yu. Lermontov: Pro et Contra. Lichnost' i ideino-khudozhestvennoe nasledie M.Yu. Lermontova v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei i myslitelei [M. Lermontov: Pro et Contra. M. Lermontov's personality and his

- ideological and artistic heritage in the assessments of national and foreign researchers and thinkers]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities, 2014. Vol. 2. 997 p.
10. Eikhenbaum B.M. Stat'i o Lermontove [Articles about Lermontov]. Moscow, Leningrad., USSR Academy of Science Publ., 1961. 371 p.
11. Eikhenbaum B.M. Lermontov: Opyt istoriko-literaturnoi otsenki [The experience of historical and literary evaluation.]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924. 168 p.
12. Yukhnova I.S. [Homestead in the creative work of M. Lermontov]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University], 2016, no. 1, pp. 261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москвин Георгий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: georgii_moskvin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Georgii V. Moskvina – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: georgii_moskvin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Москвин Г.В. Эволюция прозы Лермонтова (от Веры Лиговской к княжне Мери) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 124–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-124-134

FOR CITATION

Moskvina G.V. Evolution of Lermontov's prose (from Vera Ligovskaja to Princess Mary). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 124–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-124-134

УДК 821.161.1.09Вересаев В.В.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-135-142

МАСТЕРСТВО ДИАЛОГА В РОМАНЕ В.В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»

Новичкова Д.А.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Цель данной работы – выявление типов и функций диалога как одного из главных средств художественности в романе В. Вересаева «В тупике», посвящённом послереволюционным событиям на юге России. Основные методы исследования: текстологический и сравнительный. Сцены и картины, запечатлённые Вересаевым, соотнесены с аналогичными зарисовками в очерках и заметках И.С. Шмелёва и М. Горького. Анализ выявил в тексте различные виды драматургических элементов: диалоги психологические, мировоззренческие, оружия и силы, вербальные и невербальные. Формы диалогов и полилогов помогают автору образно и лаконично передать положение вещей, а читателю максимально погрузиться в жизнь исторической эпохи.

Ключевые слова: диалог, диалогизм, революция 1917 г., гражданская война, русская интеллигенция, литературный контекст начала XX в., В.В. Вересаев, сопоставление.

THE SKILL OF A DIALOGUE IN THE NOVEL “THE DEADLOCK” BY V. VERESAEV

D. Novichkova

*Moscow Region State University
141014, Moscow region, Mytishchi, ul. Vera Voloshina, house 24*

Abstract. The purpose of this work is to identify the types and functions of a dialogue as one of the main means of artistry in V. Veresaev's novel “The Deadlock”, dedicated to the post-revolutionary events in the South of Russia. Scenes captured by Veresaev, are correlated with similar sketches in essays and notes of I. Shmelev and M. Gorky. The particular attention is drawn to the author's presentation of the spiritual state and worldview of the Russian intelligentsia and the folk in the critical era.

Key words: dialogue, dialogism, the revolution of 1917, the civil war, the Russian intelligentsia, the literary context of the early 20th century, V. Veresaev, comparison.

Диалог как социальное и культурное явление широко изучался философами, социологами, культурологами, лингвистами и, конечно же, литературоведами. Нет сомнений, что диалог имеет первостепенное значение во многих жанрах художественной прозы. Диалогизм как путь к анализу внутренней жизни героя рассматривали М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Ю.М. Лотман, В.Е. Хализев, С.Т. Вайман и др. По мнению М.М. Бахтина, исследовавшего проблему диалогичности в про-

изведениях Ф.М. Достоевского, диалог есть «целое взаимодействия нескольких сознаний» [2, с. 29]. При общении нередко раскрываются позиции людей, их убеждения, желание взаимопонимания или, наоборот, установка на конфронтацию.

По мнению литературоведа Л.Ф. Алексеевой, «мастерство полилога было в фокусе внимания многих писателей первой трети XX в. Разговоры, за которыми стоит настроение и дух эпохи, переданы во многих произведениях послереволюционных лет» [1, с. 129]. Диалог как средство раскрытия сущностных идей века использовали многие поэты и писатели: А. Блок, В. Маяковский, М. Горький, А. Белый, М. Волошин, В. Сумбатов, В.В. Шуф, И. Бунин, И. Шмелёв, В. Вересаев, Б. Лавренёв, М. Булгаков. Многие из них видели свой долг в том, чтобы верно изобразить «новую власть, до неузнаваемости искажившую лицо страны и её народа» [5, с. 245].

Роман В.В. Вересаева «В тупике» вышел в свет в Москве в 1923 г. Писатель оказался невольным свидетелем и, можно сказать, участником гражданской войны в Крыму. Политическую борьбу, кризис личности русского человека, но при этом проявившего стойкость и надежду на лучшее будущее, – всё разнообразие фактов и переживаний людей военного времени Вересаев стремился показать честно, объективно, без приукрашивания и пропагандистских намерений.

В основе романа лежит мировоззренческий конфликт внутри одной семьи, но он расширяется и разделяет людей всей страны на два противоборствующих лагеря. У этой темы немало исторических свидетельств, по

поводу которых существуют оригинальные исследования [например, 8, с. 286–292].

Вопрос об истоках взаимного непонимания во многом решается у Вересаева с помощью различных типов полилога и диалога. Автор приводит много высказываний персонажей, относящихся как к одному лагерю, так и имеющих противоположные взгляды на сложившуюся ситуацию. Это семейные разговоры, споры, защита собственного мнения в разговоре с идеологическим противником, выражение личного отношения к событиям, выступления с трибуны, осознанная идейная пропаганда и повседневное общение.

Повествование состоит из трёх частей, которые в свою очередь состоят из многих главков-отрывков, отличающихся по объёму, стилю и содержанию. Это описание случаев, ситуаций, пересказы многочисленных кратких диалогов, образные зарисовки или философские раздумья. Соединение порой мало связанных или даже противоречивых отрывков создаёт эффект мозаики, ярко и лаконично изображающей многоплановость эпохи.

В канве текста особенно выразительны «отрывки», состоящие лишь из небольшого лаконичного диалога. Обычно это разговор двух неизвестных людей, ярко передающий настроение, часто – абсурдность ситуации. Например: «– Здравствуйте! Как живёте? / – Плохо, конечно. Вещи распродалю – этим питаюсь. А вы? / – Все вещи распродал. Ворую. / – Распродам – тоже останется воровать» [3, с. 382]. Или же разговор двух женщин, набирающих текст на пишущей машинке: «– Мой муж пропал без вести. Я вышла за дру-

гого./ – Да что вы? Давно пропал?/ – Два месяца. <...> / – Ну а если вдруг воротится?/ – Что ж мне было делать? Я молодая. Мне без мужчины скучно» [3, с. 504]. Данные отрывки, которых достаточно много в романе, образно и концентрированно характеризуют эмоциональное состояние «рядового» человека, нравственные ориентиры и этические приоритеты.

Иван Ильич Сартанов, главный герой произведения, врач, «бывший» интеллигент, всем сторонникам большевизма задаёт «неудобные» вопросы. Например, он с иронией спрашивает своего племянника: «Как дела у вас? По-старому – арестовываете, расстреливаете?» [3, с. 378] На что Леонид, сотрудник ревкома, жёстко отвечает: «Кого нужно арестовываем и расстреливаем» [3, с. 378]. Диалог не может случиться в такой ситуации, потому что изначально ни одна из сторон не хочет даже слушать мнение другой. У каждого есть свои объяснения. Леонид возражает своему дяде: «Хамы делают революцию, льют потоками чужую кровь – да! Но ещё больше льют свою собственную. А благородные “интеллигенты”, “истинные революционеры” только смотрят и негодуют» [3, с. 379]. Оба героя твёрдо сформировали убеждения и готовы стоять на своей позиции до смерти.

Младшая дочь Сартанова Катя водила своего двоюродного брата и сестру Веру на диалог, пытаясь разобраться в том, что происходит вокруг. Она «всегда старалась дорыться до самого дна души, – что там у человека под внешними словами?» [3, с. 450]. Их разговоры с кузеном Леонидом заходили в тупик. Они оба имели определённые убеждения и ни один ни другой

не мог отказаться от своих установок. И только оказавшись в смертельной опасности, они вернули атмосферу диалога. У них на глазах было убито несколько человек. Впечатлительная Катя просит разъяснений: «Пойми, Лёня, для меня это смертельный вопрос... Зачем вы эту грязь разводите вокруг себя, эту кровь? Это хамство, это измывательство над людьми? Ведь такого циничного надругательства над жизнью никогда ещё, нигде не было! Вы так всё обставили, что только хамы и карьеристы могут к вам идти и те, кому власть, как вино. И все человеческие слова отскакивают от вас, как вот если камушки бросать в эту скалу» [3, с. 470]. Леонид пытался объяснить Кате свою позицию, видя, что она девушка умная и смелая, но его ответ на упреки выглядит как саморазоблачение: «Вот тут-то мы и начинаем говорить на разных языках. Для нас вопрос только один, первый и последний: нужно это для революции? Нужно. И нечего тогда разговаривать. И какие страшные слова вы ни употребляйте, вы нас не смутите. Казнь так казнь, шпион так шпион, удушение свободы так удушение. Провокация нужна? И перед провокацией не остановимся» [3, с. 472], – заключает Леонид, однако он не хотел бы повторять такие слова и решает больше никогда не говорить об этом с Катей. Взаимопонимания не случилось.

Речь персонажа звучит как обвинение автора революционерам. Ведь бесчеловечные средства обнаруживают порочный идеал, для достижения которого эти средства используются. Здесь мнение В. Вересаева совпадает с позицией М. Горького, не желавшего оправдывать обезличивание человека

благой целью. В статье, включённой в цикл «Несвоевременные мысли», писатель остро сформулировал своё отношение к данной проблеме, ставя перед читателем риторический вопрос: «А не захлебнёмся ли мы в грязи, которую разводим?» [4, с. 479]. Несколько раз на протяжении цикла автор называет ужасные факты, обличающие современного человека, «грязью», указывая, что источником её является сам народ. Писатель призывает бороться с нечистоплотностью, приводя весомые аргументы. Но как остановить народ от зверств, если в душах людей нет любви, сострадания и веры?

Мыслитель XX в. Иван Ильин в работе «О большевизме и коммунизме», рассуждая о злободневных проблемах революционной России, иронически обобщал: «Новый человек должен быть человеком *без предубеждений*: свободным от религиозных, моральных, патриотических и национальных “предрассудков”» [6, с. 87]. Философ происходящее в России осмысливал в широком контексте мировой истории: «Есть эпохи, когда духовный принцип ослабевает, как бы отступая, а животный принцип бесцеремонно наступает. ... В настоящее время человечество переживает именно такую эпоху» [6, с. 123]. Выводы философа, безусловно, вытекают из событий, свидетелем которых был он сам и его современники.

По-своему убеждают в этом и многочисленные картины, которые нарисовал Вересаев в своём романе. По-видимому, само время определило характер коммуникативной проблемы общества. Довольно большое пространство текста занимает мировоззренческий диалог, – начиная с бытовых разговоров в кругу семьи,

заканчивая пропагандистскими выступлениями со сцены. Эти диалоги чаще всего берут начало из духовного состояния человека. С первых страниц романа появляются разговоры, показывающие, насколько велика пропасть между людьми, нередко даже из родственной социальной среды.

Актуальность суждений героев романа поразительна. Иван Ильич Сартанов и Катя часто вступают в споры и беседы с людьми не только близких, но и противоположных взглядов. И порой трудно определить, кто говорит на одном языке, а кто отстранён неприятием, нежеланием понимать ближнего.

Исследовательница творчества В. Вересаева В.М. Нольде отмечала, что прототипом Кати считается жена писателя – Мария Гермогеновна, которая «так умела поставить вопросы, что невозможно было на них не ответить» [7, с. 131].

Катя, беседуя с другом детства Дмитрием (казалось бы, близким ей человеком, служащим в Добровольческой армии), осознаёт противоречивость его взглядов и, как следствие, – разобщённость с ним. Дмитрий рассказывает ей о варварстве, проявлявшемся во время гражданской войны. На это Катя с недоумением отвечает: «Те матросы – они били, но знали, что их будут бить и расстреливать. ... Они убеждены, что вы – “наёмники буржуазии” и сражаетесь за то, чтобы оставались генералы и господа. А ты, Митя, – скажи мне по-настоящему: из-за чего ты идёшь на все эти ужасы и жестокости?» [3, с. 359] Дмитрий не смог ответить Кате, а в его глазах «мелькнули страдание и рассеянность» [3, с. 359]. Из данного диалога становится очевидным, что с обеих сторон революционной борьбы

стоят люди, убеждённые в верности своих идеалов, готовые сами погибнуть за них и уничтожить всех своих противников. От этого борьба становится всё ожесточённой, исчезает надежда на взаимопонимание и прекращение междоусобицы.

Катя бесстрашно ставила в тупик своими вопросами и представителей большевизма. Видный оратор Желтов задумчиво говорил Кате: «А всё-таки таких, как вы, нужно бы... Уж не знаю, что бы... Расстрелять не за что, а вред большой... У вас образование, нам трудно с вами. Дай вот образование отнимем у вас, себе возьмём, – тогда вы против меня ничего не сможете сказать, как теперь я против вас» [3, с. 492].

Правдивость, к которой стремился В. Вересаев, основательность исследования эпохи, ведёт к осмыслению устойчивых тенденций исторического развития. Жестокость и разнузданность участников гражданской войны отражает ещё один тип диалога. Это диалог оружия и силы. Безусловно, «компромисс с совестью» новых властей, безверие и бездуховность предопределяли безнаказанность, приучали к мысли, что в такое время всё решает только оружие и насилие. Матрос, активно убеждающий Катю в своей правоте, однако, наткнувшись на неоспоримые аргументы девушки, с жаром восклицал: «Растерзать их всех, шкуры спустить и повесить на фонарях! Пусть все видят! Уничтожить! Вот как с офицерём бывало!» [3, с. 425]

Конечно, далеко не все участники войны заразились жадой сословной и партийной мести. Однако ощущение повторения ситуаций в замкнутом кругу обусловлено «правдой жизни»

и духовными законами. Когда власть вернулась в руки белых, то они работников ревкома, в том числе и Веру, «расстреляли на тех же свалках, где они сами расстреливали» [3, с. 542]. «Жертвы» и «палачи» несколько раз меняются местами, напоминая о родственности друг другу. При царящем беззаконии нет невиновных. Только покаяние и прощение противоборствующих сторон могло остановить убийства во имя «благой цели». Но религиозность утрачена почти всеми.

Диалога с Богом у героев страшных событий нет. И.С. Шмелёв в романе «Солнце мёртвых», где также повествуется о последствиях гражданской войны в Крыму, показывает безысходность положения людей, потерявших веру. Доктор Михайла Васильич жалуется повествователю, что он «недавно забыл, как читается “Отче наш”». Его ужасает приближающееся будущее: «Вы представляете только, что все, все забудут, как читается “Отче наш”?!» [10, с. 58] Сам повествователь делится своей болью: «С детства ещё привык отыскивать Солнце Правды. Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? ... Лица Твоего не вижу, Господи!» [10, с. 72]

В романе Вересаева товарищ Ханов, которого расстреляли вместе с Верой, накануне смерти делился, что он читал и Евангелие, и Толстого, но покоя его душа не нашла. Сама Вера перед казнью пыталась оправдать свои жизненные установки, превратно истолковывая строки из Священного писания: «Кто хочет душу свою спасти, тот погубит её» [3, с. 544]. Она объяснила эти слова так, что нынешнее время не допускает заботы о чистоте души, что её единомышленники позволили распространиться крови и грязи ради

великой цели, что сейчас они умирают ради будущего, где не будет рабов и голодных. Будто при этом они не берегли свою душу и тем самым сохранили её [3, с. 544]. Подобных взглядов придерживаются многие герои произведения. И все они оказались в духовном тупике.

Обратимся к ещё одному типу общения между персонажами. Диалог или его необходимость реализуется не только в беседах и спорах. Часто автор обращает внимание читателя на мимику героев, на их губы и глаза. Например, когда Катя сообщила отцу, что пойдёт работать к большевикам, «глубоко в глазах Ивана Ильича сверкнул тот же тёмный, сурово беспощадный огонь, каким они загорались при упоминании о Вере» [3, с. 399]. Отношения отца и старшей дочери разрушились из-за непоколебимости взглядов обоих. Но со временем непонимание обнаруживается и между сёстрами. Делясь с Верой впечатлениями об увиденном в казарме, «Катя рассказала о ... генерале, задушенном в больнице санитаром. Глаза Веры как будто задёргнулись непроницаемою внутреннею плёнкою» [3, с. 454]. Ответ на эту реакцию тоже обрёл невербальную форму: «Катя пристально поглядела Вере в глаза и круто замолчала. Вера, такая прямая и честная, – и ... это казённое стремление всех оправдать во что бы то ни стало!...» [3, с. 455] Пелена в данном случае – способ спрятаться от правды, скрыть истинное душевное

состояние. Ведь замечено, что глаза человека никогда не могут лгать, всегда так или иначе раскрывают внутренний мир души.

Включая невербальный диалог в канву повествования, Вересаев проявляет себя как наследник традиций классической литературы. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» герои разговаривают словами, но главное, что они хотят сказать друг другу, сообщают их взгляды. При встрече с Соней Николай Ростов проявил холодность: «Он поцеловал её руку и назвал её вы – Соня. Но глаза их, встретившись, сказали друг другу “ты” и нежно поцеловались» [9, с. 321]. Глаза героев Вересаева, напротив, выражают отчуждённость. Катя после беседы с сестрой видит отца «с непрощающими глазами, и непроглядные глаза у Веры, смотрящие в сторону» [3, с. 493].

В романе В. Вересаева поднимаются злободневные и вечные проблемы взаимоотношений между людьми в период социального и культурного кризиса. Для постижения внутреннего мира героев автор использует различные виды драматургических вкраплений в прозу: психологические, мировоззренческие диалоги, споры оружия и силы, вербальные и невербальные конфликты между жертвами и палачами. Формы диалогов и полилогов помогают автору образно и лаконично передать положение вещей, а читателю максимально погрузиться в жизнь исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.Ф. Василий Александрович Сумбатов – русский поэт XX века: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 300 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского; изд. 3-е. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.

3. Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. Ф.И. Кулешова. Минск: Мастацкая литература, 1989. 605 с.
4. Горький М. Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2000. 560 с.
5. Дзыга Я.О. Творчество И.С. Шмелёва в контексте традиций русской литературы: монография. М.: БУКИ ВЕДИ, 2013. 348 с.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. 608 с.
7. Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 196 с.
8. Ратникова Е.Н. Роль революции в жизни одной семьи (По воспоминаниям Ольги Бессарабовой) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2017. С. 286–292
9. Толстой Л.Н. Война и мир: в 4 т. М.: Художественная литература, 1963. Т. 2. С. 321.
10. Шмелёв И.С. Солнце мёртвых; Солдаты: романы. М.: Вече, 2017. 384 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.F. Vasilii Aleksandrovich Sumbatov – russkii poet XX veka [Vasily Sumbatov – the Russian poet of the 20th century] М., MRSU Ed. off. Publ., 2017. 300 p.
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 471 p.
3. Veresaev V.V. K zhizni: Povesti, roman, rasskazy [To the life: Stories, a novel, short stories]. Minsk, Mastatskaya literatura Publ., 1989. 605 p.
4. Gor'kii M. Kniga o russkikh lyudyakh [The Book about the Russian people]. Moscow, Vagrius Publ., 2000. 560 p.
5. Dzyga Ya.O. Tvorchestvo I.S. Shmeleva v kontekste traditsii russkoi literatury [I. Shmelev's works in the context of traditions of the Russian literature]. Moscow, BUKI VEDI Publ., 2013. 348 p.
6. Il'in I.A. Sbranie sochinenii: v 10 t. [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998. Vol. 7. 608 p.
7. Nol'de V.M. Veresaev. Zhizn' i tvorchestvo [Veresaev. Life and work]. Tula, Priokskoe Publishing House, 1986. 196 p.
8. Ratnikova E.N. [The role of the revolution in the life of one family. (Based on the memoirs of Olga Bessarabova)]. In: Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh [The Russian revolution of 1917 in the literary sources and documents]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2017. pp. 286–292.
9. Tolstoi L.N. Voina i mir: v 4 t. [War and peace in 4 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1963. Vol. 2. pp. 321.
10. Shmelev I.S. Solntse mertvykh; Soldaty: romany [The sun of the dead; Soldiers: novels]. Moscow, Vechе Publ., 2017. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичкова Дарья Александровна – аспирант кафедры литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Novichkova – postgraduate student at the Department of literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичкова Д.А. Мастерство диалога в романе В.В. Вересаева «В тупике» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 135–142.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-135-142

FOR CITATION

Novichkova D.A. The skill of a dialogue in the novel “The Deadlock” by V. Veresaev. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 135–142.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-135-142

УДК 821.161.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-143-151

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛЮБВИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Н. ТЭФФИ «ВСЁ О ЛЮБВИ»

Силаева М.В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос изменения писательской манеры в творчестве Н. Тэффи 1940-х гг. Особое внимание уделено понятию любви, так как именно любовь обретает искажённые формы в эмигрантской среде середины XX в. В статье на основе текстологического метода приведён анализ взглядов исследователей творчества писательницы. Основным объектом внимания становится сборник рассказов «Всё о любви». Сопоставительному анализу подвергаются произведения А. Куприна и Ив. Бунина. Автор стремится проследить процесс деградации духа на чужбине. По итогам исследования сделаны выводы об истоках и последствиях разрушительной силы времени и глупости. Предложен свой взгляд на причины качественного изменения юмора Тэффи.

Ключевые слова: Тэффи, ирония, сарказм, духовная деградация, панегирик.

TRANSFORMATION OF THE NOTION 'LOVE' IN THE STORY COLLECTION "ALL ABOUT LOVE" BY N. TEFFI

M. Silaeva*Moscow Region State University**141014, Moscow region, Mytishchi, ul. Vera Voloshina, house 24*

Abstract. The article discusses the issue of changing the writing style in the works of N. Teffi in the 1940s. Particular attention is paid to the concept of love, since it is love that finds distorted forms in the emigre environment of the mid-20th century. In the article, on the basis of the textological method, the analysis of the views of the researchers of the writer's work is given. The focus becomes the collection of stories "All About Love". A comparative analysis is applied to the works of A. Kuprin and I. Bunin. The author seeks to trace the process of degradation of the spirit in a foreign land. According to the results of the study, conclusions are made about the origins and consequences of the destructive power of time and stupidity. Proposed is the view on the causes of a qualitative change in Teffi's humor.

Key words: Teffi, irony, sarcasm, spiritual degradation, panegyric.

Надежда Тэффи является одним из самых ярких и самых известных представителей русского зарубежья. Царь Николай II в канун празднования 300-летия Дома Романовых жаждал пригласить Тэффи для участия в юбилейном сборнике. К ней благосклонно относился вождь мирового пролетариата В. Ленин. Она

приветствовала февральскую революцию, и, несмотря на это, Ив.А. Бунин восторженно писал о ней в воспоминаниях и статьях о литературе: «Вчера были у Тэффи. Она производит впечатление очень талантливой женщины» [2, с. 179]. О духовной близости этих ярких людей свидетельствует факт, проанализированный в статье А.Ю. Сергеевой-Клятис. Автор исследует причины резко критических оценок Тэффи лирики Б. Пастернака, доказывая, что по сути писательница скорее не знала творчество поэта, нежели отвергала его. Однако для неё было важным сделать приятное И.А. Бунину, не принимавшему Пастернака в принципе. «Тэффи, не сформировавшая по отношению к Пастернаку своего собственного мнения, возможно, отчасти из-за бунинского напора, в своей рецензии решила сделать мэтру приятное: не просто похвалить его стихи, а противопоставить их пастернаковским» [9, с. 80]. Здесь переплелось сразу несколько линий: и то, что Пастернак ассоциировался с футуризмом, а значит, и с Маяковским, а значит, и с Лениным, с Советской Россией; и то, что его пробы в «зауми» резко противопоставлялись ясности и открытости стиха Бунина. Наконец, издание двух сборников стихов Пастернака в эмигрантской периодике и последующая за этим многоголосая дискуссия не оставляли Бунину возможности промолчать.

Тэффи же полюбила творчество Пастернака, но со временем. А её хвалебная рецензия на стихи мэтра не позволяла признать молодого поэта.

Через воспоминания Буниных можно узнать оценку творчества писательницы и другими её современника-

ми: «Ходасевич сидел со мной, оставил приятное впечатление. Ругал писателей, что они мало работают – Только Тэффи и я трудимся, а остальные перечитывают старые вещицы» [3, с. 218]. Всеми любима и всё равно гонима.

В Париже Надежда Александровна организовала литературный салон. Её рассказы и фельетоны широко издавались в русских колониях Франции, Чехословакии, Германии, Югославии, Латвии и Харбине. На авторитет её личности указывает и тот факт, что после окончания второй мировой войны К. Симонов приезжал во Францию с секретной миссией уговорить Ив. Бунина и Н. Тэффи вернуться на Родину. Ответом на его предложение стал фельетон «Добро пожаловать, товарищ Тэффи!» [4].

На рубеже XX–XXI вв. творчество Тэффи заняло особое место в отечественном литературоведении. Можно выделить работы Л.А. Спиридоновой, Е.М. Трубиловой и Е.В. Бочкарёвой, давно заслужившие профессиональный интерес филологов. Исследователи органично вписывают наследие писателя в литературный процесс русского зарубежья, отдавая предпочтение вопросам фундаментальным, ответы на которые дают общее представление о творчестве Тэффи. Так, в диссертации Е.В. Бочкарёвой «Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи» представлен анализ всего творчества писателя под ракурсом актуальных проблем. Об эмиграционном периоде исследовательница подмечает следующее: «Тэффи – единственная писательница, участник эмиграции, которой удалось комически изобразить серьёзные, подчас трагические события. Так создаётся особый художественный

феномен: эмиграция в рассказах Тэффи воспринимается как трагикомедия русской жизни» [1]. Думается, справедливо рассматривать наследие Тэффи в жанре трагикомедии. Ещё одну важную черту, свойственную русскому человеку, справедливо выделяет в творчестве Тэффи Е.В. Куличёва – это апатия и безответственность в самые сложные исторические периоды. Героя не покидает надежда на то, что всё само по себе урегулируется, к чему-нибудь да приведёт. В этом кроется проблема, заявленная ещё в XIX в. в наследии Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина и др., – бессмысленности существования. Именно безразличие становится началом общенациональной трагедии. Так человек добровольно подчиняет себя историческим событиям, и не удивительно, что «массовое безумие, духовная слепота и незрелость становились следствием страшной эпохи безвременья» [6, с. 151]. Цель данной работы – проследить в рамках одного сборника рассказов трансформацию нетленных истин среди русской эмиграции, определить и последствия нравственных метаморфоз. Для достижения поставленной цели необходимо обозначить ряд задач: прояснить основу художественного метода Тэффи, путь её юмора к трагическому, сочетание иронии и любви к своим героям.

Тематика рассказов Тэффи зарубежного периода разнообразна: драма русского человека в эмиграции; измена себе, своему предназначению. Однако весь мир писателей-эмигрантов вертится вокруг темы изгнания. Может, не напрямую, а косвенно потеря Родины «участвует» в деформации личности. Литературовед А.Н. Цепенникова утверждает, что ощущение отчуждён-

ности, неприкаянности эмоционально расшатывает эмигранта. Любое его действие сопровождается словом «вынужден»: приспособляться, чем-то зарабатывать, взаимодействовать с окружающими, которые часто настроены недружелюбно. Поэтому ирония по отношению к герою усиливает трагическое звучание подтекста [12, с. 178].

Тэффи отличается от её коллег по «Сатирикону» любовью к своим героям, неприятие у неё вызывают откровенные пошляки и эгоисты. Но, с другой стороны, она улавливает и развивает одну из основных общих черт «сатириконцев» – «внимание к быту, через который проступает бытие» [5, с. 67]. Особое внимание писательница уделяет теме любви, представлению о ней разных людей. Эта тема проходит рефреном через всё её творчество. Интересно, что если в первое время эмиграции понятие любви поднималось и расширялось до уровня христианского представления (любовь и нежность, любовь и милосердие, любовь и жертвенность), то к 1946 г. в сборнике «Всё о любви» характер наблюдений меняется. Героями произведений Тэффи становятся люди (чаще русские эмигранты), утратившие представление о любви как о божественном чувстве и потому смешивающие её с различными ипостасями жизни, а то и бытовой её тенью [8, с. 100]. В поиске причин деградирования духа можно выделить несколько корреляционных пар:

- любовь и глупость,
- любовь и время,
- любовь и её искажённые формы.

Раиса Константиновна, героиня рассказа «Психологический факт», представляет собой настоящую «рус-

скую дуру». У неё в голове смешалось всё: и скудные представления о любви, об идеале, и необходимость соответствовать статусу эмигрантки, обязанной вступить за своё Отечество, сфабриковав при этом повод и заполнив безосновательно эмоциональную речь высокопарными словами: «Ну что ж – целуйтесь с вашими французами. Вам, может быть, и говядина ихняя нравится. А где у них филей? Где огузок? Разве у них наша говядина? Да у ихних быков даже и частей таких нет, как у наших. У нас были черкасские быки. А они о черкасском мясе и понятия не имеют ... **Заступайтесь, заступайтесь!** Может быть, вам даже нравится, что у них сметаны нет? Не стесняйтесь, пожалуйста, говорите прямо. Нравится? Вы готовы преклоняться? Вы рады топтать Россию» [10, с. 99–100]. Не случайно герой потерял себя, запил, будучи непьющим человеком, оттого что ему в жизни повстречалась такая девушка, некрасивая, не умеющая смеяться, с обиженным лицом и главное – дура. Дура во всём: от быта и чувственных размышлений до чёрной неблагодарности стране, её приютившей. Герои расстаются, так и не дойдя до вершины романтических отношений. Она спешно покидает его дом, а он понимает, что чудом избежал гильотины, так как едва не убил эту поразительно глупую женщину.

В один ряд с подобными откровениями можно поставить проблему героев рассказа «Джентельмен». Вася полюбил Варю в четверг, месяц тому назад, на обеде у мадам Компот. А теперь из страха, псевдоблагородства и, конечно, глупости он разрушает их отношения, предлагая возлюбленной (чтобы никто не догадался) называть

его именем мужа, а её – мамашей, разделять её при разговоре с посторонними людьми обидными эпитетами и пр. Нелепость, абсурдность созданной им ситуации Вася называет жертвенной любовью.

Ирония, заключённая в названии рассказа, отсылает к басенному приёму ложного панегирика, и, таким образом, концепция произведения становится аксиоматичной. Глупость препятствует любви и в конечном итоге побеждает её.

Любовь и время представляют собой одну из самых интересных пар по возможностям соотнесения. Время в одноимённом рассказе играет роковую роль. Оно особенно жестоко посмеялось над некогда молодой красавицей, превратив её в толстую старуху с фарфоровыми зубами. Главное орудие, с помощью которого она легко губила мужские сердца, доводила людей до преждевременной гибели, было у неё отнято. Теперь, глядя на неё, молодые мужчины уверены, что такую можно было взять в жёны только за большие деньги.

Для любви время ничего не меняет, для флирта же три месяца – это долгий срок. Ни один флирт героя не выдержал столь недолговременного испытания (рассказ «Флирт»). Время мудро и профессионально режиссирует жизнь человека.

В «Нерассказанном о Фаусте» герой настаивает на расторжении договора с Мефистофелем, так как тот омолодил его тело, оставив умудрённой жизнью душу. И не интересны ему теперь ни «дура отпетая» Маргарита, ни лущающая тыквенные семечки Гретхен. «Мне ску-у-учно! Идти опять в лабораторию, – как-то неловко. Выйдет, что я

дурак» [10, с. 178]. Каждому времени свой антураж, свои влечения, тем более что у времени вообще есть тенденция иронизировать над человеком, его чувствами и порывами.

Большая часть рассказов сборника представляет собой картины искажённой любви, её кривого отражения. Подобная трагическая метаморфоза в сознании людей произошла по разным причинам. Прежде всего, – это цинизм, порождённый современной цивилизацией. В рассказе «Фея» отец семейства Станя решением взять в няни к новорожденному сыну старую надменную калеку, сестру жены аптекаря, будто бы чтобы воспитывать в ребёнке милость к обездоленным, прикрывает любовь к себе. К собственной святости! Он ищет ворота в рай через жертвы, которые должна принести его жена и ребёнок. Довольно цинично распорядился своими женщинами и Берестов («Страховка»): жена – кусок на чёрный день, на случай болезни или старости, и любовница – «глоток шампанского». Однако страховка не сработала, и две недели прикованный к постели приступом подагры он лежит в одиночестве. Именно таким, несчастным, всеми покинутым, его застаёт любовница. Но хуже всего (и это свойственно практически всем героям Тэффи), что Берестов так и не понял, как он обманул: «Жизнь не роман. Жизнь требует мудрого расчёта и благоразумия. Иначе мы бы с вами натворили ерунды. Хорошо, что у меня голова трезвая» [10, с. 33].

Неспособность героев к пониманию сути происходящего, к оценке себя и своих поступков, делает ситуацию неразрешимой. Таким образом,

можно говорить о трагическом в творчестве Тэффи.

Обман также становится причиной появления искривлённых форм любви. «Два дневника» является практически сценарием, а не рассказом, настолько постановочными выглядят представленные здесь картины. Любовный пятиугольник причудливо расставляет героев, из-за чего муж постоянно снабжает деньгами любовника своей жены (сам того не подозревая), который женится в тайне от своей покровительницы. И всё это время «на чистую воду» обманутый супруг пытается вывести другого – человека пустейшего, хотя и ни в чём не виноватого. Абсурдность происходящего не разрешается к финалу, а, наоборот, утверждается им. Это тоже особый приём, характерный для творческой манеры писательницы. Из блаженного состояния герои не выходят – мы видим, насколько недосгаема их реальность. Пожалуй, только в рассказе «Яго» шкап-шпион, потеряв надежду доказать мужу развращённость, неверность его супруги, всё же щёлкнул хозяина дома по лбу перевязанной ленточкой стопкой любовных писем, упавшей с верхней полки. Однако герой неспроста назван глупцом – и финал остаётся открытым.

Тэффи вслед за Ф.М. Достоевским ставит вопросы о норме. Нормальна ли та действительность, к которой мы привыкли? Или очевидны перемещения в сознании человека, слишком далеко отошедшего от некогда принятых законов нравственности, от непреходящих ценностей бытия?

Героиня рассказа «Кошмар» Вера Сергеевна четыре года боролась за сохранение своей семьи, глава которой был серьёзно увлечён артисткой

Элизой Герц. Она ухаживала за собой, покупала дорогие наряды, в борьбе влюблялась в мужа всё больше и больше, а он, зная о своей вине перед супругой, делал ей подарки, говорил комплименты и пр. Но прошли четыре года, и артистка уехала в Аргентину на гастроли. Муж стал домоседом, начал следить за расходами, устраивать жене скандалы. Теперь Вера Сергеевна ищет возможность выслать артистке деньги, чтобы та вернулась домой. За кошмаром пережитых мук стоит более серьёзное явление – кошмар искажённых семейных устоев, гармонии, питаемой только ложью и предательством.

Однако венцом деградации духа становится, думается, рассказ «О вечной любви». Героя просят рассказать «что-нибудь о вечной любви». В ответ на просьбу он рассказывает об «одном маленьком вагонном приключении». На протяжении этой довольно пошлой истории слова «вечная любовь» используются в разных контекстах: от наивно-бытового до откровенно комического. Здесь же звучит ещё одна история – о голубе, которого бросила голубка. Он не смог сберечь выведенных ею птенцов и умер от тоски по потерянной семье. Назидательный характер сопоставления двух историй был бы очевиден, но рассказ заканчивается словами «кого-то», чью роль в художественных произведениях трудно переоценить (вспомнить хотя бы «кого-то осторожного», который раздавил сердце Данко в рассказе М. Горького «Старуха Изергиль»). «Эта птица – насекомое, то есть я хотел сказать – низшее животное. Она же не может рассуждать и живёт низшими инстинктами. Какими-то рефлексам. Их теперь учёные изучают, эти рефлекс,

и будут всех лечить, и никакой любовной тоски, умирающих лебедей и безумных голубей не будет. Будут все, как Рокфеллеры, жевать шестдесят раз, молчать и жить до ста лет. Правда – чудесно?» [10, с. 139] **Финал окончательно** утверждает торжество животного начала в человеке над духовным! Один инстинкт сменяет другой – и это «всё о любви».

Не удивительно, что юмор стремительно исчезал из творчества Тэффи, уступая место иронии и сарказму. Писательница ощущала всеобщую деградацию духа и в свойственной ей манере отражала трагичность пути, по которому идёт человек с обнищавшей душой, не знающий о надвигающейся катастрофе. Здесь очевидна перекличка с концепцией Ив. Бунина («Господин из Сан-Франциско»): пышный праздник, иллюминация на «Атлантиде», за которой пристально глядят глаза Дьявола. Желание любви и невозможность её обретения можно наблюдать и в романе А.И. Куприна «Колесо времени». Тоску по Родине невозможно заглушить работой или встречей с друзьями. Герой встречает уникальную (как ему кажется) девушку и влюбляется в неё. Однако русский человек не может надолго быть привязан к внешней красоте и загадочности. Он может любить только душу – а душа избранницы его как раз и разочаровывает. Он и сам не знает, как в нём поселилось раздражение и неудовлетворённость. «Но одна, одна мысль не даёт мне покоя: почему я не умел любить Марию так просто, доверчиво, пламенно и послушно, как любил её матрос Джиованни, этот прекрасный суперкарго? Да! Из разного мы были теста с этим итальянцем» [7, с. 70]. Мишика не утратил не только

потребности в любви, но и истинного представления о ней. Он не может любить пустоту. Роман написан А. Куприным в 1929 г., а спустя семнадцать лет Тэффи подметит неприкаянность, уязвимость русской эмиграции во Франции. Эти люди придумывают себе чувства, о сути которых они уже не имеют представления.

Не удивительно, что Тэффи не склонна ни осуждать, ни упрекать героев. «Как часто упрекают писателя, что конец романа вышел у него скомкан и как бы оборван. Теперь я уже знаю, что писатель невольно творит по образу и подобию судьбы, рока. Все концы всегда спешны, и сжаты, и оборваны» [11, с. 395].

Сборник «Всё о любви» – один из последних в жизни писательницы.

Только окончилась вторая мировая война. Тэффи живёт очень трудно, но много работает и активно занимается общественной деятельностью. И вся эта жизнь строится в осознании трагической предопределённости судьбы человека. Смещение приоритетов в ценностной шкале запускает процесс душевной мутации. Поэтому во всех рассказах присутствуют только подмены: любви, дружбы, семьи и пр. Ощущение «оставленности» человека в бытийном смысле слова выражается Тэффи через его непонимание трагической сущности происходящего, через его довольство своей жизнью. Всегда наполненная любовью к персонажам, теперь, во второй половине XX в., писательница, скорее, жалеет героев, жалеет их оскудевший мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёва Е.В. Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 21 с.
2. Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники в 2 томах. М.: Посев, 2004. Т. 1. 304 с.
3. Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники в 2 томах. М.: Посев, 2004. Т. 2. 432 с.
4. Горький, Шмелёв, Тэффи и другие. К 80-летию Лидии Спиридоновой: сборник статей / редкол. Е.Р. Матевосян, Н.Н. Примочкина, С.М. Демкина. М.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2015. 272 с.
5. Костырева О.В. Поэтика заглавия рассказов Н.А. Тэффи в контексте прозы журнала «Сатирикон» (1908–1913 гг.) // Ценности и смыслы. 2013. № 5. С. 65–72.
6. Куличёва Е.В. «Чудики» в рассказах Н. Тэффи // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 145–151.
7. Куприн А.И.: Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1973. Т. 8. 624 с.
8. Пронин А.А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2015 гг.: монография. М.: Direct-Media, 2015. Ч. 2. 525 с.
9. Сергеева-Клятис А.Ю. Говорим о Тэффи, подразумеваем Бунин: к вопросу о восприятии поэзии Пастернака критикой русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 69–83.
10. Тэффи: Собрание сочинений в 5 томах. М.: Книгобек, 2011. Т. 3. 418 с.
11. Тэффи: Собрание сочинений в 5 томах. М.: Книгобек, 2011. Т. 5. 400 с.
12. Цепенникова А.Н. Образы русских эмигранток XX и XXI веков в рассказах Н. Тэффи и Д. Рубиной // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 176–180.

REFERENCE

1. Bochkareva E.V. Komicheskoe v khudozhestvennom mire N.A. Teffi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Comic in the art world of N. Teffi: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Ulyanovsk, 2009. 21 p.
2. Bunin I.A., Bunina V.N. Ustami Buninykh. Dnevnik v 2 tomakh [From the mouths of the Bunins. Diaries in 2 volumes]. Moscow, Posev Publ., 2004. Vol. 1. 304 p.
3. Bunin I.A., Bunina V.N. Ustami Buninykh. Dnevnik v 2 tomakh [From the mouths of the Bunins. Diaries in 2 volumes]. Moscow, Posev Publ., 2004. Vol. 2. 432 p.
4. Matevosyan E.R., Primochkina N.N., Demkina S.M., ed. Gor'kii, Shmelev, Teffi i drugie. K 80-letiyu Lidiy Spiridonovoi: sbornik statei [Gorky, Shmelev, Teffi and others. On the 80th anniversary of Lidiya Spiridonova: collection of articles]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2015. 272 p.
5. Kostyreva O.V. [Poetics of the title of N. Teffi's stories in the context of the prose of the magazine "Satyricon" (1908–1913)]. In: Tsennosti i smysly [Values and meanings], 2013, no. 5 (27), pp. 65–72.
6. Kulicheva E.V. ["Geezers" in the stories of N. Taffi]. In: Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi («Smirnovskie chteniya»): sbornik statei po itogam II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, MGOU, 22–23 yanvarya 2016) [The word art of the Silver Age and the Russian Abroad in the context of the era (Smirnov's Readings): a collection of articles on the results of the II International Scientific Conference (Moscow, MRSU, 22–23 January 2016)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. pp. 145–151.
7. Kuprin A.I.: Sbranie sochinenii v 9 tomakh [Kuprin A.: collected works in 9 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973. Vol. 8. 624 p.
8. Pronin A.A. Istoriya izucheniya rossiiskoi emigratsii v dissertatsionnykh issledovaniyakh 1980–2015 gg. [History of the study of the Russian emigration in the dissertation research 1980–2015]. Moscow, Direct Media, 2015. Vol. 2. 525 p.
9. Sergeeva-Klyatis A.Yu. [We say Teffi, we mean Bunin: to the question of the perception of Pasternak's poetry by the critics of the Russian abroad]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University Journalism], 2013, no. 2, pp. 69–83.
10. Teffi N.A. Sbranie sochinenii v 5 tomakh [Collected works in 5 volumes]. Moscow, Knigovek Publ., 2011. Vol. 3. 418 p.
11. Teffi N.A. Sbranie sochinenii v 5 tomakh [Collected works in 5 volumes]. Moscow, Knigovek Publ., 2011. Vol. 5. 400 p.
12. Tsepennikova A.N. [images of the Russian emigrants of the 20th and 21st centuries in the stories by N. Teffi and D. Rubina]. In: Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 2013, no. 1 (43), pp. 176–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: silaevamv@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Silaeva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian literature of 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: silaevamv@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Силаева М.В. Трансформация понятия любви в сборнике рассказов Н. Тэффи «Всё о любви» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 143–151.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-143-151

FOR CITATION

Silaeva M.N. Transformation of the notion 'love' in the story collection "All about love" by N. Teffi. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 143–151.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-143-151

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160

«СЛОВЕСНАЯ ПЛОТЬ» ДНЕВНИКОВ ДЕТЕЙ

Фесенко Э.Я.

*Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Северодвинск
164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36, Архангельская область,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье на примере личных дневников детей XX века рассматривается одно из приоритетных направлений современной гуманитаристики, связанное с особенностями жанра личного дневника, вопрос о котором продолжает оставаться дискуссионным. Автор приводит точки зрения различных исследователей на эту проблему. Особое внимание уделено дневникам детей семьи М. Цветаевой – С. Эфрона и детским дневникам войны, позволяющим разобраться в сложной жизни России в 30–40-е гг. XX в.: личные документы в данном случае становятся историческими. Их анализ проводился с опорой на завет Ю.Н. Тынянова «продырявить документ», чтобы определить его сущность. Анализ дневников показал значимую роль авторской интенции в создании дневникового текста: несмотря на возрастную разницу, в жизни их авторов существует нравственный каркас, связанный с их этическими представлениями. Предложенный подход будет интересен специалистам, работающим в области изучения специфики документальных жанров литературы.

Ключевые слова: личный дневник, жанр, авторская интенция, автобиографический пакт, возрастные особенности.

“WORD FLESH” OF CHILDREN DIARIES

E. Fesenko

*Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch
36 Karl Marx st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation*

Abstract. On the example of children's personal diaries in the 20th century, the article deals with one of the most important directions of modern humanity sciences connected with particularities of the genre of a personal diary the status of which is still being discussed. The article contains points of view of different researchers on this problem. Special attention is paid to diaries of the children of the families of M. Tsvetaeva and S. Efron and children's diaries of the war period which allow understanding a complicated life of Russia in 1930–40s: personal documents in this case become historical ones. Their analysis was carried out under the slogan of Y. Tyunyanov "...to make holes in the document" to clarify it. The analysis of the diaries showed the role of the author's intention in creating a diary text: in spite of the age differences in the life of its authors there is a moral carcass connected with their ethic images. Our approach will be interesting for specialists who work in the field of peculiarities of documentary literary genres.

Key words: personal diary, genre, author's intention, autobiographical pact, age particularities.

В современной гуманитаристике одним из приоритетных направлений стало изучение дневника как литературного жанра и как исторического документа, хотя появление жанра личного нехудожественного дневника относят к концу XVII в. Е.М. Криволапова считает, что «В России интерес к автодокументальной литературе и, в частности, к дневнику проявляется в последние десятилетия XX века, когда были изданы ранее неизвестные и часто недоступные широкому читателю материалы дневников писателей, художников, журналистов, политиков, учёных, общественных деятелей и простых людей – свидетелей своей эпохи» [6, с. 66]. В её перечне дневники детей не упоминаются.

Один из основоположников изучения автобиографий Ф. Лежен ввёл в научный оборот понятие «автобиографический пакт», суть которого состоит в том, что, во-первых, автор текста является одновременно его *повествователем и главным героем*, а во-вторых, излагаемые в тексте события являются достоверными. Подобная достоверность в дневнике в первую очередь проявляется *в наличии имени автора* [12, р. 17].

Е.Б. Савельева относит «личные дневники» к жанру «эго-документа», т. к. в каждом из них ярко проявляется личность автора, а «в личности **связывается воедино** биологическое и психологическое, индивидуальное и социальное, общечеловеческое и этноспецифическое, интеллектуальное и эмоциональное, стереотипное и новаторское, объективное и субъективное» [8, с. 85]. При этом О.А. Дубнякова

и Т.А. Кашина, исследуя коммуниктивно-прагматические особенности личного нехудожественного дневника, считают, что они недостаточно изучены и для лингвистов, литературоведов, культурологов особый интерес представляют «проблемы определения объекта и адресата данного типа литературы» [2, с. 42].

Необходимым решением этой проблемы стало и при анализе дневников детей.

Интерес к личности всегда был присущ литературе, философии, психологии, антропологии. Жанр личного дневника предполагает выражение духовной и интеллектуальной жизни «отдельного» человека (пусть и в субъективной форме). Рефлексия – часть дневникового «инструментария», но биографические подробности жизни автора с его богатой духовной жизнью не заслоняют временное пространство, в котором он «существует», поэтому в XX в. дневник стали относить не только к «домашнему» жанру, но и рассматривать его как документ истории и литературное явление.

Теоретики литературы, рассматривая жанр дневника в системе внелитературных жанров, справедливо замечают, что он занимает «пограничное положение» среди «писем», «записных книжек», «мемуаров». Дональд Кин убеждён: авторы дневников помогают «сохранить время, спасти от забвения дни...» [3, с. 4], не дают прерваться «связи времён».

К дневнику люди обращаются в разном возрасте. Психологи Генри Клауд и Джон Таунсенд в книге «Дети: границы, границы...» размышляли о том, что

уже «в раннем детстве (а затем и в подростковом периоде) ребёнок начинает ощущать в себе нечто, что мы называем волей», испытывая «стремление утвердить и проявить себя как особую личность ... **Это стремление формирует** в человеке способность управлять собой и своей жизнью ... Утверждая свою личность, мы отвечаем на вопрос: «Кто я такой?» [4, с. 21–22]. Особенно это касается детей, рано проявивших свою одарённость. Швейцарский психотерапевт Алиса Миллер, рассмотрев «драму одарённого ребёнка», основное внимание уделила исследованию природы детских психических травм, утверждая, что для излечения душевных травм «есть очень действенное и весьма эффективное средство: правдиво рассказать себе историю своего единственного и неповторимого детства и эмоционально вновь пережить её», что поможет «восстановить своё Я и вернуть утраченную внутреннюю целостность, если глубже осознать всё произошедшее» [7, с. 2]. На наш взгляд, это подтверждает «заместительную» функцию дневника, который часто становился единственным другом его автора, помогая избавиться от одиночества, страха и непонимания. Это относится и к дневникам детей войны, и к дневникам таких ярких личностей, какими были Аля и Георгий Эфрон и Лев Федотов.

По своей форме и объёму дневники детей войны очень разные, но им всем присущи фактографическая достоверность, разочарование в немецкой культуре, ненависть к врагу, тяжёлые переживания из-за потери родных людей и друзей. Общее духовное состояние разных авторов этих дневников – вера в победу Красной Армии. Сюжеты их

создают многомерную картину жизни советской страны в военное время. В них описаны события, происходящие в военной Москве, в блокадном Ленинграде, в осаждённом Сталинграде, в оккупированных Ялте и Симферополе, в западноукраинском городке Кременец, в Каунасском гетто, в концлагерях под Ригой и в Германии, в тылу на маленькой железнодорожной станции в Сибири и во Владивостокском паромном сообщении, где мальчишки заменяли своих ушедших на фронт отцов и братьев. Все эти дневники, авторам которых было от 7 до 16 лет, стали со временем не только «человеческим документом», но и «документами истории»¹: они поражают своей искренностью, а иногда и глубокими размышлениями о жизни и смерти, чести и предательстве, любви и ненависти, родине и мужестве.

Совершенно разные по фактуре, дневники детей поражают соседством, по наблюдениям Д. Гранина, «большого» и «малого»: «“Зубрил алгебру. Наши сдали Орёл” ... Удивительно, как держится детский взгляд за мирные “мелочи”, как чувствуется биение “нормальной” жизни даже в оккупации и блокаде: девочка пишет о первой помаде, мальчик – о первом влечении. Дети – поголовно! – пишут о книгах ... **Они пишут о дружбе. И конечно – о любви.** Первой, осторожной, не-

¹ Многие детские дневники войны хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга, Музее обороны и блокады Ленинграда, в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, Музее-заповеднике «Сталинградская битва», в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном центральном музее современной истории России, в государственном архиве Брянской области, в личных архивах.

смелой, не доверяемой до конца даже интимному дневнику...

Вообще у них, у наших героев, всё – впервые. Впервые дневник, впервые – война, у них нет опыта старших поколений, нет прививки жизни, у них всё – на живую нитку, взаправду, и нам кажется, что их свидетельства – они самые честные в том, что касается внутреннего мира и отражения в себе мира большого» [1, с. 5].

Даниил Гранин, предваивший своим Словом книгу детских дневников, собранную журналистами «АиФ», размышлял: «Чем эти дневники были для них, тех, кто их писал? Почти в каждом дневнике прочитывается: “мой лучший друг”, “мой единственный советчик”... В дневник не пишут – с дневником говорят. Нет на Земле ближе существа, чем эта тетрадь в коленкорной обложке, чертёжный блокнот, альбомчик с ладонь... И эта близость, эта потребность – зачастую возникает именно в первый день войны, когда и были начаты многие из опубликованных в этой книге дневников» [1, с. 7]. В жанре дневников духовные потрясения, исторические и социальные катаклизмы обычно проявляются наиболее ярко. И дневники детей военных лет, ставших свидетелями мировой трагедии XX в., не стали исключением. Д. Гранин утверждал: «Дети переносят войну иначе, чем взрослые. И записывают эту войну и всё, что с нею связано, все её ужасы и потрясения они по-другому. Наверное, потому, что дети – безоглядны. Дети наивны, но в то же время они и честны, в первую очередь перед самими собой.

Дневники военных детей – это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной откро-

венности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых» [1, с. 7].

Все авторы дневников сознательно шли на риск, понимая, что за откровенные рассказы о зверствах фашистов, свидетелями которых они были, в случае обнаружения записей им грозила смерть.

Детские дневники интересны не только своим фактографическим материалом, но и явленной в них общностью духовного состояния советского поколения детей и подростков, девушек и юношей в годы Великой Отечественной войны, хотя они разнятся не только по своему содержанию, что, естественно, зависит от возраста их авторов, от полученных впечатлений, от пережитого ими, но и по оформлению (или, скорее, исполнению): дневниковые записи в них фиксировались в довоенных общих тетрадях в коленкорных обложках, на листках перекидного календаря, в школьных тетрадях в клеточку, в записных книжках, в сшитых клочках бумаги, в альбомчике величиной с ладонь, в чертёжном блокноте. По своему объёму дневники тоже были разные: подробные и краткие, точно датированные и описательные по своему характеру.

В детских дневниках всегда актуализируется возрастная психология их создателей. Дневник дочери Марины Цветаевой Али, который она вела с шести до девяти лет, писался под присмотром матери, осуществлявшей

контроль над этим процессом, стремясь научить дочь дисциплине ума, логике изложения материала, грамотности, умению подмечать детали увиденного, работе над ошибками. Аля обязана была писать каждый день не менее 4-х страниц. Из этого дневника встаёт не только образ одарённой девочки, поражавшей всех своими стихами, стилем письма, но и образ сильной, властной матери, «служению» которой дочь посвятила жизнь, считая это своей миссией. Девочка рано проявила в дневнике и свои литературные способности: в него включены её стихи, эссе, пейзажные зарисовки. Как замечала её мать, дневник даёт возможность увидеть «точную и полную жизнь души шестилетнего ребёнка». И, кроме этого, в нём много зарисовок российской жизни 20-х гг. XX в. Как отметила Е.Б. Коркина, на страницах детских тетрадей Али Эфрон воскрешает «жизнь, исчезнувшая сто лет назад, казалось бы, бесследно»: «Льдины с глыбами снега быстро плывут по Москве-реке, во Дворце искусств на Поварской Александр Блок читает “Возмездие”, над храмом Христа Спасителя взлетают ракеты первомайского салюта 1919 года, по сугробам московских улиц, пугая редких прохожих, прыгают на ходулях и в саванах “пружинники”, в квартире на втором этаже в Борисоглебском переулке горит синяя люстра, на чёрном камине стоит золотой верблюд, и Ирина в розовом платье кружится по комнате...» [5, с. 8]

Переломные моменты истории всегда трагичны. В них страдают не только народы, но и каждый отдельный человек. В водовороте исторических событий 20–40-х гг. XX в. оказалась и семья

Марины Цветаевой, судьба всех членов которой сложилась трагически: на их долю выпали две мировые войны, две революции 1917 г., гражданская война. Из сохранившихся дневников, писем и воспоминаний Ариадны и Георгия, которые были участниками и свидетелями трагических судеб своих родителей, многое можно узнать и об их частной жизни, и об исторических событиях.

Дневники, которые начинают вести в подростковом возрасте или в юношеский период жизни, как это случилось с Георгием Эфроном и Львом Федотовым, дают возможность понять психологический процесс адаптации их авторов к социальному миру. Георгий Эфрон признавался: «Пока я пишу эти строчки, у меня впечатление, что я исполняю что-то вроде ритуала, пишу своё духовное завещание, фиксирую мои последние моральные пожелания» [10, с. 41]. Как и его мать, сын Марины Цветаевой понимал ценность сохранившихся сведений, запечатлённых воспоминаний, считая, что надо записывать услышанные разговоры и бережно хранить фотографии. Его ровесник Лев Федотов в дневнике подробно записывал диалоги с собеседниками, стремясь сохранить даже интонацию речи своих современников, а его рисунки заменяли ему фотографии.

Дневник Георгия Эфрона дошёл до нас в неполном варианте: сохранились только его записи за 1940–1942 гг. Как и его сестру, его отличали незаурядные литературные способности. Его дневник – образец психоанализа, так как по нему можно проследить, как рос и менялся подросток в сложных отношениях с родителями, в решении вопросов бытия, в становлении моральных принципов. Всё это гораздо легче про-

ходило у его сверстника Лёвы Федотова, хотя у них было и много общего.

В юношеском возрасте всегда идёт процесс индивидуации, который, по утверждению К.Г. Юнга, «порождает психологического «индивида», т. е. «обособленное, нечленимое единство, некую целостность» [11, с. 197]. Оба юноши прожили короткую жизнь: оба погибли на фронте в 1943 г. В силу обстоятельств к началу Великой Отечественной войны Лев окончил 9 классов, а Георгий успел поступить на 1 курс Литературного института. При этом Георгий больше размышлял, а Лёву отличала «вечная целенаправленность»: ускоренный темп его жизнедеятельности был связан с осознанием им кратковременности пребывания человека на земле, в том числе и его собственного. Георгий не жалел времени на рассуждения о прочитанных книгах, чужих мыслях, а Лев торопился высказать свои идеи; Мур (домашнее имя Георгия) часто рефлексировал, гордился тем, что умел выстраивать свои отношения со сверстниками и никогда не дрался, а Лев был безрассудно храбр, бесстрашен, хладнокровен, всегда составлял план и выполнял его, когда что-то задумывал. Если Георгий много думал о женской любви и мечтал о ней, то Лев категорически отрицал какие-либо привилегии женщин, считая это «выдумкой». Если Мур страдал от своего физического несовершенства и только планировал заниматься спортом, то Лев рано выработал жёсткие поведенческие нормы и научился сокращать сон, не придавать большого значения холоду и голоду, став физически очень сильным, закалив тело и дух. Всё это послужило тому, что он всегда был лидером среди одноклассников и

друзей. И всё-таки у этих двух таких разных юношей было много общего: оба они были героями своего времени – 40-х гг. XX в. Их дневники – это дневники эпохи предвоенных и военных лет, второй мировой и Великой Отечественной войн, свидетельство их политической зрелости, яркие документы того, как личность формируется в экстремальных ситуациях. В своих размышлениях о войне и мире они оба «переросли» своих сверстников. Их дневниковые записи поражают реакцией на события, происходящие в «большом» мире. Да, это были, на первый взгляд, обычные ребята, которые одинаково «неуважительно»¹ относились к школе, считая, что она забирает у них много времени, отрывая от любимых занятий – музыкой и живописью. Они оба метались в выборе своей профессии, но позднее Георгий отдал предпочтение литературе, а Лев – науке, так как выше всего ценил целостность и был сторонником знаний, которые приносили человечеству практическую помощь. Они оба шли «по своему пути понимания и мысли». Дневниковые записи Георгия поражают широтой взгляда на процессы, происходящие в мировой политике, и на исторических деятелей, а Льва – даром блестящего аналитика, который проявился в его предсказаниях точной даты начала Великой Отечественной, её хода, поведения союзников и предсказания неминуемой победы СССР. Авторы обоих дневников отличала сила духа, философский склад ума,

¹ Психологи давно отметили, что творчески одарённые дети осуществляли формирование своей личности не через школу с её системой обучения, а самостоятельно, в основном через чтение книг, изучение заинтересовавших их наук и искусств.

анализм и историзм мышления, сознание, освобождённое от самооценки, широкое образовательное пространство, острый взгляд художника и исследовательский подход ко всему.

Дневники детей разных возрастов отличает искренность, богатство фактографического материала и документальная основа описанных событий. Все «факты быта» в их дневниках стали «фактами истории», «человеческим документом». Для их дневников (как и для «взрослых») были характерны глубокие размышления над общезначимыми проблемами – жизни и смерти, любви и ненависти, чести и бесчестия.

Р.С. Черепанова убедительно доказала, что «личный дневник» пишется «не всегда в личных, но всегда в личностных целях: самоутверждение, фиксация значимых фактов ... для

последующего их размещения в банке памяти, самоидентификация и рефлексия, выработка воли, поиск жизненных целей и т. п. – всё это может не быть личным, но всегда является личностным» [9, с. 69]. Какой бы мы ни читали дневник, написанный юным человеком разного возраста, мы найдём в нём желание автора рассказать о пережитом, сохранить память об этом, поиски им смысла жизни, желание познать самого себя и мир.

На материале личных дневников детей разного возраста раскрывается значение авторской интенции в создании дневникового текста, от которой зависит и отбор фактического материала, и способ его подачи, и ракурс изображения событий и лиц, представленных в нём.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детская книга войны: дневники 1941–1945. М.: Аргументы и факты; АиФ. Доброе сердце, 2015. 480 с.
2. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.
3. Кин Д. Странники в веках. М.: Восточная литература, 1996. 328 с.
4. Клауд Г., Таунсенд Д. Дети: границы, границы... М.: Триада, 2001. 320 с.
5. Книга детства. Дневник Ариадны Эфрон. 1919–1921. М.: Русский путь, 2015. 248 с.
6. Криволапова Е.М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 66–73.
7. Миллер А. Драма одарённого ребёнка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2001. 144 с.
8. Савельева Е.Б. Мир автора-коммуниканта в эго-произведении (на примере жанра автобиографии) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3-4 (45). С. 85–87.
9. Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник Южно-уральского университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 2. С. 49–54.
10. Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. М.: Вагриус, 2007. Т. 2: 1941–1943 годы. 368 с.
11. Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. С. 197–207.
12. Lejeune Ph. Ecrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris: Editions du Mauconduit, 2015. 128 p.

REFERENCES

1. Detskaya kniga voyny: dnevniki 1941–1945 [Children's war book: diaries 1941–1945]. Moscow, Argumenty i fakty Publ., AiF. Good heart Publ., 2015. 480 p.
2. Dubnyakova O.A., Kashina T.A. [Communicative and pragmatic peculiarities of the personal diary]. In: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie" [Bulletin of Moscow City University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2017, no. 1 (25), pp. 42–49.
3. Kin D. Stranniki v vekakh [Wanderers in the centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. 328 p.
4. Klaud G., Taunsend D. Deti: granitsy, granitsy... [Boundaries with kids]. Moscow, Triada Publ., 2001. 320 p.
5. Kniga detstva. Dnevnik Ariadny Efron. 1919–1921 [Book of childhood. Diary of Ariadna Efron. 1919–1921]. Moscow, Russkii put' Publ., 2015. 248 p.
6. Krivolapova E.M. [The role of the author's intent in creating a diary text]. In: Teoriya yazyka i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication], 2016, no. 4 (23), pp. 66–73.
7. Miller A. Drama odarennogo rebenka i poisk sobstvennogo Ya [Drama of the gifted child and the search for self]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 144 p.
8. Saveleva E.B. [The world of the author-communicant in the ego-work (on the example of the autobiography)]. In: Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal], 2016, no. 3–4 (45), pp. 85–87.
9. Cherepanova R.S. [Ego-texts: levels of privacy in their interaction with public discourses (on material of several personal diaries from the Soviet epoch)]. In: Vestnik Yuzhno-ural'skogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 49–54.
10. Efron G.S. Dnevnik: v 2 t. [Diaries: in 2 volumes]. Moscow, Vagrius Publ., 2007. Vol. 2: 1941–1943. 368 p.
11. Yung K.G. [Consciousness, unconscious, and individuation]. In: Struktura psikhiki i protsess individuatsii [The structure of the psyche and the process of individuation]. Moscow, Nauka Publ., 1996. pp. 197–207.
12. Lejeune Ph. Ecrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris, Editions du Mauconduit, 2015. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фесенко Эмилия Яковлевна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске; e-mail: e.fesenko@narfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emiliya Ya. Fesenko – PhD in Philological sciences, Professor at the Department of Literature and Russian language, Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch; e-mail: e.fesenko@narfu.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фесенко Э.Я. «Словесная плоть» дневников детей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 152–160.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160

FOR CITATION

Fesenko E.Ya. “Word flesh” of children diaries. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 152–160.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-152-160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-161-165

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА: СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА И ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ»

Шаповалова Т.Е.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

INTERNATIONAL SYMPOSIUM “RUSSIAN GRAMMAR: THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF LANGUAGE AND THE PROCESSES OF LANGUAGE FUNCTIONING”

T. Shapovalova

*Moscow Region State University
141014, Moscow region, Mytischki, ul. Vera Voloshina, house 24*

23–26 мая 2018 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета прошёл Международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация и процессы языкового функционирования», который был организован Министерством образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургским государственным университетом, Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ» и Обществом преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ». Это научное собрание стало третьим в ряду международных форумов русистов: первый симпозиум «Русская грамматика 4.0» состоялся в Москве в 2016 г. в Институте русского языка имени А.С. Пушкина, второй – «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» – в 2017 г. в Финляндии на базе Хельсинкского университета.

Проведение симпозиума было обусловлено необходимостью обсуждения важнейших проблем, которые оформились в названиях секций: «Традиционная грамматика и новые концепции изучения языка», «Грамматическая семантика: от системного значения к актуальному смыслу языка и речи», «Коммуникативно-прагматические аспекты русской грамматики», «Проблемы соотношения

грамматических особенностей языка и речи».

Особое внимание участников научного форума привлекли представленные на пленарном заседании доклады Г.И. Кустовой (Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН) «Переходные явления в системе языка и проблемы их грамматического описания», В.Б. Касевича (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Интегральное описание языка: история языкознания или будущее лингвистики?», А.Н. Соболева (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН) «Русская грамматика и славянское языкознание», К.А. Роговой (Санкт-Петербург, СПбГУ) «На пути к новой академической грамматике», Ф.И. Панкова (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова) «Языковая картина мира: грамматический аспект», М.Д. Воейковой (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, СПбГУ) «Усвоение русской грамматики в свете “теории языка, основанной на употреблении”», С.А. Белова (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Роль грамматики в обеспечении функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Ведущие отечественные языковеды заявили к обсуждению наиболее острые и спорные вопросы описания грамматического строя русского языка.

В рамках работы секции «Традиционная грамматика и новые концепции изучения языка» речь шла о семантике и дистрибуции союзов *что* и *как* в функции комплементаторов (И.М. Кобозева, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова), о семантическом аспекте изучения инфинитивно-субстантив-

ных предложений (Н.А. Герасименко, Москва, Московский государственный областной университет), о традиционных концепциях грамматической категории залога в зеркале национального корпуса русского языка (В.И. Гаврилова, Москва, ВИНИТИ), о русской грамматике как отражении комплексного подхода к описанию языка – на материале морфологии (А.Л. Шарандин, Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина), о гибридных частях речи в русском языке (Е.Ф. Киров, Москва, Институт русского языка имени А.С. Пушкина). Рассматривался вопрос о переходности в грамматике на материале предложных единиц русского языка (Е.Н. Виноградова, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова), о так называемых «аналитических прилагательных» в связи с предполагаемым ростом аналитизма в русском языке (А.А. Горбов, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ), о русских сочинительных союзах в лингвометодическом рассмотрении (М.С. Милованова, Москва, Институт русского языка имени А.С. Пушкина) и др.

Участники секции «Грамматическая семантика: от системного значения к актуальному смыслу языка и речи» обсуждали гендерные стереотипы в русском языковом сознании (Ю.П. Князев, Санкт-Петербург, СПбГУ), русские отантропонимические имен-ные дериваты (А.М. Плотникова, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина), семантику и грамматику лексемы на фоне парадигматических связей (Т.М. Воронина, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина), причины активиза-

ции употребления универбатов типа *молочка* в современной русской речи (И.Н. Бакланова, Москва, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»), грамматические способы концептуализации внутреннего мира человека (Е.М. Лазуткина, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН), генезис синтаксических моделей предложения через призму предложно-падежной системы русского языка (О.И. Глазунова, Санкт-Петербург, СПбГУ), объективное и субъективное усложнение текста как результат изменения его структуры (А.А. Дьякова, Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет), ракурсы современных исследований в связи с настоящим историческим как составляющей текстового выдвижения (А.В. Уржа, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова), взаимодействие категорий синтаксического времени и уступительности (Т.Е. Шаповалова, Москва, Московский государственный областной университет), изъяснительные конструкции в речевом режиме интерпретации – на примере: *соглашусь, что...* (Т.И. Стексова, Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет), тонкости современного глагольного управления: эллипсис, контаминацию, рекурсию нормы (О.И. Северская, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН), вопрос о соотношении видовых характеристик и семантических модификаций глагольного действия (О.С. Марченко, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова), использование синтаксических средств для выражения оценки – на материале произведений А.С. Пушкина, принци-

пы обучения грамматике в курсе РКИ с учётом инославянской аудитории (Е.М. Маркова, Москва, Московский государственный областной университет) и др.

В секции «Коммуникативно-прагматические аспекты русской грамматики» были заслушаны и обсуждены доклады Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина) «Текст как самостоятельный раздел русской грамматики», Г.Я. Мартыненко (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Прокрустово ложе синтаксиса поэтического текста», В.А. Кузьменковой (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова) «“Российская грамматика” М.В. Ломоносова», А.В. Глазкова (Москва, МПГУ) «Нарратив о будущем: грамматико-прагматический аспект», Ю.М. Кувшиновой (Москва, НИУ ВШЭ) «О взаимосвязи определённости квантифицированной именной группы и стратегии предикативного согласования», Е.Г. Борисовой (Москва, Московский государственный лингвистический университет) «О применении аппарата “грамматики слушающего” к описанию русских грамматических единиц», Т.Ю. Кудрявцевой (Воронеж, Воронежский государственный технический университет) «Коммуникативный статус деепричастного оборота: к проблеме классификации первой ремы», Н.В. Патроевой (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет) «Местоименные обороты как маргинальный тип обособления в системе русского синтаксиса», Л.С. Крючковой (Москва, Московский государственный областной университет) «Лексико-семантическая группа глаголов движения: семантика, грам-

матика, употребление», М.Я. Дымарского (Санкт-Петербург, РГПУ имени А.И. Герцена) «“А у меня в кармане гвоздь”: нулевая связка или опущенное сказуемое?» и др.

Докладчиками секции «Проблемы соотношения грамматических особенностей языка и речи» выступили О.И. Валентинова (Москва, Российский университет дружбы народов) «Типологические деформации современного русского языка: их причины и последствия», Е.В. Маринова (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского) «Несклоняемые имена существительные женского рода: особенности варьирования в современной русской речи и проблема нормы», И.П. Матханова (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет) «Высказывания с компаративом слов категории состояния и их соотношение с исходной ситуацией: потенциал сопоставле-

ния и компрессия», Т.Ю. Шерстинова (Санкт-Петербург, СПбГУ) «Синтаксис повседневной русской речи сквозь призму N-грамм анализа» и др.

Как видно, в центре предложенных для обсуждения проблем оказались исследования, которые обнаружили принципы взаимной обусловленности грамматических явлений.

Высокий статус встречи учёных подтверждают статистические данные: в симпозиуме принимали участие исследователи из Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Тамбова, а также из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, в числе которых Германия, Италия, Казахстан, Литва, Финляндия.

Участники научного собрания были приглашены на концерт, посвящённый Дню славянской письменности. Всем коллегам запомнилась и автобусная экскурсия в Петергоф.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: tshapovalova@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Modern Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: tshapovalova@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т.Е. Международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 161–165.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-161-165

FOR CITATION

Shapovalova T.E. International symposium "Russian grammar: the structural organization of language and the processes of language functioning". In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 161–165.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-161-165

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-166-171

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ЗЕРКАЛЕ 1929–1930 ГОДОВ: РЕЦЕНЗИЯ
НА КНИГУ: М. ГОРЬКИЙ. ПИСЬМА АПРЕЛЬ 1929–ИЮЛЬ 1930 //
М. ГОРЬКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.
ПИСЬМА В ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ. М.: НАУКА, 2017. Т. 19. 999 С.**

Малыгина Н.М.

*Московский городской педагогический университет
129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

**MAXIM GORKY IN THE MIRROR OF 1929–1930: THE REVIEW OF THE
BOOK: M. GORKY. LETTERS OF APRIL 1929–JULY 1930. IN: M. GORKY.
COMPLETE WORKS. LETTERS IN 24 VOLUMES. MOSCOW, NAUKA PUBL.,
2017. VOL. 19. 999 P.**

N. Malygina

*Moscow City University
4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation*

Издания произведений Горького, его переписки, исследований о нём уже несколько десятилетий осуществляются в атмосфере сложного, неоднозначного отношения к личности писателя и его творчеству. В годы «перестройки», в конце 1980-х гг., общественному вниманию были представлены труды, содержавшие сенсационные разоблачения Горького, которого обвиняли за соучастие в преступлениях, совершённых в годы сталинизма.

Всё это происходило в контексте более глобального отрицания советской литературы, основанного на представлении, что из истории русской литературы XX в. пора вычеркнуть творчество советских писателей, поскольку они пошли на сотрудничество с советской властью и потому не заслуживают памяти. По этой причине на многих вузовских кафедрах не осталось специалистов по советской литературе. Многие переключились на изучение литературы эмиграции, литературы русского зарубежья.

Главное же состоит в том, что русскую литературу XX в. невозможно рассечь на две части, поскольку она представляет собою единое целое. Если пойти по та-

кому пути, то неизбежно есть риск повторить ошибки советского прошлого, когда запрещалось и вычёркивалось творчество писателей, и оставшихся на родине, и покинувших её по причине несоответствия их творчества нормам официальной идеологии. Кроме того, даже официально признанные советскими писателями авторы в любой момент могли попасть в категорию неугодных власти, что и случилось с Борисом Пильняком, Андреем Платоновым, Артёмом Весёлым, Борисом Пастернаком и многими др.

Забыто о том, что сами писатели русского зарубежья очень интересовались советской литературой, в зарубежных издательствах печатались произведения Б. Пастернака, Б. Пильняка, А. Весёлого, М. Зощенко и многих других. Но больше всех зарубежные издательства печатали книги М. Горького.

В наши дни, как отмечает Л.А. Спиридонова, «прошла пора огульного охаивания Горького, и он снова стал интересен читателям как художник, мыслитель и человек» [8, с. 7].

Пора признать, что Горький представляет собою уникальную фигуру: его произведения создавались в эмиграции и на родине. В Италии он работал над романом «Жизнь Клима Самгина», а над его продолжением трудился, вернувшись в СССР. В годы, когда писатель жил за границей, советские журналы продолжали печатать его новые вещи. А Горький, оставаясь в эмиграции, следил за развитием советской литературы.

На фоне разоблачений писателя продолжалась напряжённая работа Отдела издания и изучения творчества М. Горького Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН

[5]. Одним из масштабных проектов отдела в течение многих лет является издание 24-х томного полного собрания писем писателя. Самая фантастическая особенность этого собрания состоит в том, что в нём есть письма, которые публикуются впервые, а также письма, которые впервые печатаются без купюр. В советское время горьковские письма печатались разрозненно, часто – с цензурными сокращениями, т. к. многие адресаты Горького были репрессированы, а их имена на десятилетия вычеркнуты из жизни и литературы.

Недавно вышел в свет девятнадцатый том собрания писем Горького, куда включены его письма И.В. Сталину, Г.Г. Ягоде, Н.И. Бухарину, П.П. Крюкову, а также писателям: Ф.В. Гладкову, А.Д. Каменгулову, Б.Л. Пастернаку, А.П. Платонову, В.Я. Зазубрину, М.Ф. Чумандрину, А.С. Макаренко; письма в редакции журналов «Наши достижения», «Литературная учёба» и др.

Весной 1929 г. Горький собирался снова приехать в СССР. Год назад он побывал на Родине после шести с половиной лет пребывания за границей. Встречи писателей с Горьким были самыми обсуждаемыми событиями в литературной Москве. Писатели возлагали на Горького большие надежды. Но ещё больше в нём нуждалась власть. «Писателя давно ждали на родине: его возвращение Сталин с единомышленниками расценивали как очередную победу советской власти и всячески старались сблизиться с ним» [7, с. 18]. Это наблюдение подтверждается сведениями о том, кому были адресованы письма Горького в 1929–1930 гг.

Составители тома, авторы комментариев и справочного аппарата¹ провели работу, позволяющую установить, с кем общался писатель в «год великого перелома». Выясняется, что чаще всего Горький писал своему секретарю П.П. Крючкову и политическим деятелям И.В. Сталину и Г.Г. Ягоде.

Одно из наиболее впечатляющих писем Горького Сталину было написано 27 ноября 1929 г., вскоре после возвращения автора из Москвы в Сорренто. Горький хлопотал за А.К. Воронского, возвращённого из липецкой ссылки незадолго до его отъезда в Италию. Горький устроил встречу Воронского со Сталиным по поводу предложения Воронского издавать журнал «Война». Теперь он спрашивал о результатах встречи: «Разумеется, я за проект Воронского издавать журнал “Война”... Не знаю, чем кончилась Ваша беседа с Воронским...» [4, с. 128].

Горький надеялся убедить Сталина прекратить внутрипартийную борьбу, направленную на уничтожение старых партийцев, которых вождь заменял молодыми карьеристами. Горький понял, что они «...ведут борьбу против старой партийной интеллигенции, против культурных сил, которыми партия небогата до того, что всё чаще ставит на боевые позиции культуры людей явно бездарных» [4, с. 128].

В 1930 г. Горький писал А.Б. Халатову: «Воронский, Полонский, Пе-

реверзев, Беспалов, “Перевальцы” устранены с поля битвы. Меньше всех заслужил это самый талантливый – Воронский...» [3, с. 216]. Один из сквозных сюжетов писем Горького был связан с судьбой выдающегося критика 1920-х гг., создателя журнала «Красная новь» А.К. Воронского.

Изучение переписки А.М. Горького позволило исследователям найти убедительные факты, подтверждающие, что присутствие Горького в окружении Сталина сдерживало нарастание репрессий в первой половине 1930-х гг., а «большой террор» стал возможен только после его смерти.

Изменился характер общения Горького с писателями и издателями. Теперь он чаще писал А.Б. Халатову, Р. Роллану, своему биографу И.А. Груздеву [9].

Обращает на себя внимание то, что в 1929–1930 гг. Горький вёл активную переписку с писателями, входившими в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей, А.Д. Камегуловым² и М.Ф. Чумандриным³. Это объяснялось тем, что они занимались журналом «Литературная учёба», который очень интересовал Горького.

Новый взгляд на эволюцию отношений Горького к членам ассоциаций пролетарских писателей определил-

¹ Ответственный редактор тома – О.В. Быстрова. Контрольный редактор – М.А. Семашкина. Учёный секретарь – А.Г. Плотникова. Аннотированный указатель составила А.Г. Плотникова. (О.В. Быстрова – выпускница аспирантуры кафедры русской литературы XX века МГОУ (в то время МПУ), О.В. Быстрова, А.Г. Плотникова защитили кандидатские диссертации в диссертационном совете МГОУ).

² Камегулов Анатолий Дмитриевич (1890–1937), литературный критик, издательский работник. В 1930–1931 гг. был заместителем ответственного секретаря журнала «Литературная учёба». Был членом ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей) [1, с. 892].

³ Чумандрин Михаил Фёдорович (1905–1940), писатель, руководитель ЛАПП, инициатор проекта издания журнала «Литературная учёба» [1, с. 972].

ся в исследовании его отношений с Л. Авербахом [2].

В 1929 г. продолжалась переписка Горького с писателями, которых он знал раньше. Вызывает особый интерес отклик Горького на просьбу Платонова прочитать его роман «Чевенгур». Платонов был уверен, что Горький поможет ему издать роман. Горький ответил Платонову 18 сентября 1929 г. и сообщил, что цензура не пропустит роман в печать, т. к. автора можно уличить в «анархическом умонастроении» [4, с. 103, 506].

Ответ Горького Б. Пастернаку в начале июня 1930 г. из Сорренто уже привлекал внимание исследователей [4, с. 316, 772–774]. Но в 19-м томе писем Горького уточнена дата его написания. Горький ответил отказом на просьбу Пастернака в письме от 31 мая 1930 г. помочь ему получить визу на выезд за границу [6]. Тогда же Горький написал Г. Ягоде [4, с. 316–317, 774]

об этом решении. Опубликованная в 1994 г. переписка Горького с Г. Ягодой¹ раскрыла причины контактов писателя с первым заместителем председателя ОГПУ СССР.

Содержание писем Горького Б. Пастернаку и А. Платонову дополняет историю его сложных отношений с этими писателями, проясняет его роль в их судьбах. Изучения писем Горького позволяет определить круг писателей, которые вызывали его искреннюю симпатию, с кем ему хотелось общаться.

В переписке Горького также раскрывается его отношение к событиям политической и общественной жизни России.

Вызывает уважение и восхищение профессионализм исследователей, тщательно подготовивших тексты писем Горького и примечаний к ним для 19-го тома собрания его писем. Это собрание поистине бесценно для тех, кому дорога русская литература XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннотированный указатель имён и названий // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырёх томах. М.: Наука, 2017. Т. 19. Письма апрель 1929–июль 1930. С. 844–891.
2. Быстрова О.В. Вступительная статья. Горький и Авербах. Неизвестная переписка // Горький и корреспонденты. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2005. С. 564–579.
3. Горький М. и советская печать // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1964. Т. 10. Кн. 1. С. 216.
4. Горький М. Письма апрель 1929–июль 1930 // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырёх томах. М.: Наука, 2017. Т. 19. 999 с.
5. Малыгина Н.М. Сюжеты будущей истории русской литературы в переписке современников с А.М. Горьким: Рецензия на книгу: М. Горький и его адресаты. Материалы и исследования. Вып. 11 (М.: ИМЛИ РАН, 2016. 488 с.) // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 130–138.

¹ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершеневич) (1891–1938) – член РСДРП (б) с 1917 г. В 1917 г. участник октябрьских событий в Москве. С 1920 г. работал в органах ВЧК. В 1920–1922 гг. – управляющий делами ВЧК – ОГПУ. В 1923–1929 гг. – второй зам. председателя ОГПУ СССР. В 1929–1934 гг. – первый зам. председателя ОГПУ СССР. В 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР. Арестован в марте 1937 г., осуждён на процессе по делу так называемого право-троцкистского блока, в марте приговорён к ВМН, расстрелян. Не реабилитирован [5, с. 131].

6. Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. / сост. и коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. М.: Слово, 2005. Т. 8: Письма 1927–1934. С. 426–428.
7. Спиридонова Л.А. Вступительная статья // Горький и его адресаты. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2016. 488 с.
8. Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е издание, измен. Нижний Новгород: «БегемотНН», 2016. 384 с.
9. Указатель писем по адресатам // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырёх томах. М.: Наука, 2017. Т. 19. Письма апрель 1929–июль 1930. С. 982–985.

REFERENCES

1. [Annotated index of names and titles]. In: M. Gor'kii. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma v dvadtsati chetyrekh tomakh [Complete works. Letters in 24 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2017. Vol. 19. Letters of April 1929–July 1930. pp. 844–891.
2. Bystrova O.V. [The introductory article. Gorky and Averbach. Unknown correspondence]. In: Gor'kii i korrespondenty [Gorky and his addressees]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2005. pp. 564–579.
3. [M. Gorky and the Soviet press]. In: Arkhiv A.M. Gor'kogo [The Archives of A. Gorky]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 10. Book 1. pp. 216.
4. Gorky M. [Letters of April 1929–July 1930]. In: M. Gorky. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma v dvadtsati chetyrekh tomakh [Complete works. Letters in 24 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2017. Vol. 19. 999 p.
5. Malygina N.M. [Plots of the future history of the Russian literature in the correspondence of contemporaries with A. Gorky. Book review: M. Gorky and his addressees. Materials and research. Iss. 11. (Moscow, Institute of World Literature of the RAS, 2016. 488 p.)]. In: Filologicheskii klass [Philological Class], 2017, no. 3 (49), pp. 130–138.
6. Pasternak B. Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami. V 11 t. [Complete works with appendixes In 11 volumes]. M.: Slovo Publ., 2005. Vol. 8: Letters, 1927–1934. pp. 426–428.
7. Spiridonova L.A. [Introductory article]. In: Gor'kii i ego adresaty [Gorky and his addressees]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2016. 488 p.
8. Spiridonova L.A. Nastoyashchii Gor'kii: mify i real'nost' [Real Gorky: myths and reality]. Nizhny Novgorod, "BegemotNN" Publ., 2016. 384 p.
9. [Index of letters by the addressees]. In: M. Gor'kii. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma v dvadtsati chetyrekh tomakh [Complete works. Letters in 24 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2017. Vol. 19. Letters of April 1929–July 1930. pp. 982–985.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малыгина Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: ninmal@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina M. Malygina – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian Literature, Moscow City University;
e-mail: ninmal@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малыгина Н.М. Максим Горький в зеркале 1929–1930 годов: рецензия на книгу: М. Горький. Письма апрель 1929 – июль 1930 // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырёх томах. М.: Наука, 2017. Т. 19. 999 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 166–171.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-166-171

FOR CITATION

Malygina N.M. Maxim Gorky in the mirror of 1929–1930: the review of the book: M. Gorky. Letters of April 1929–July 1930. In: M. Gorky. Complete works. Letters in 24 volumes. Moscow, Nauka Publ., 2017. Vol. 19. 999 p. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 166–171.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-166-171

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2018. N 4

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,25, усл. п.л. 10,75.
Подписано в печать: 28.09.2018 г. Дата выхода в свет: 28.09.2018 г. Заказ № 2018/09-05.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А